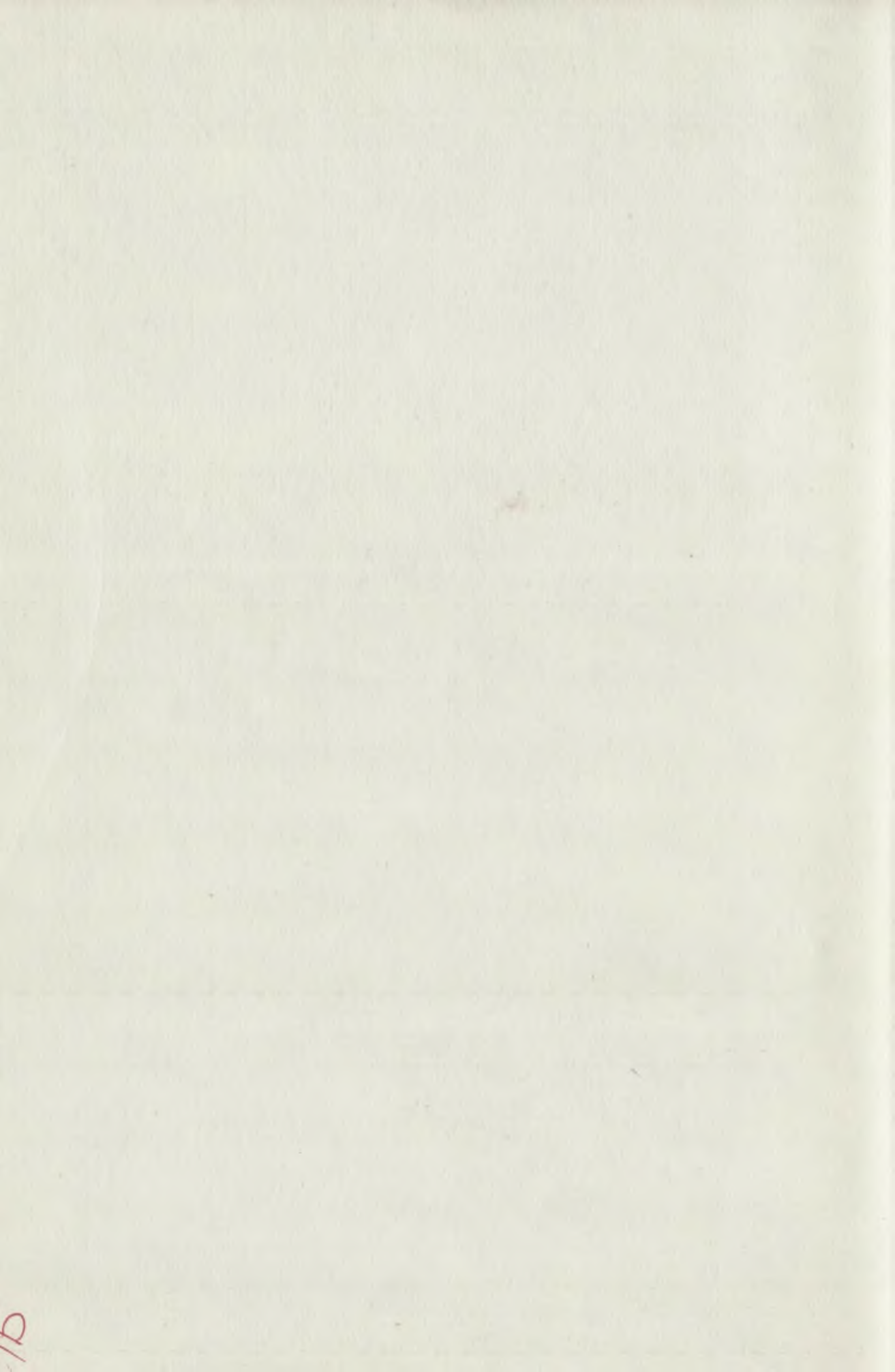
РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ



ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1990

Русские старожильческие говоры Сибири/Отв. ред. В. В. Палагина. — Томск: Изд-во Том. ун-та. 1990. — 220 с. — 1 р. 90 к. — 500 экз. — 460200000.

В сборнике на материале сибирских говоров освещаются вопросы системной организации лексики и синтаксиса, определяются словообразующие возможности и специфика диалектного словообразования, выявляются новые источники региональной лексикографии, устанавливается этимология диалектных слов, решаются задачи формирования старожильческих говоров.

Для филологов-русистов, преподавателей вузов, студентов филологических факультетов.

Редакционная коллегия: д-р филол. наук В. В. Палагина (отв. ред.), канд. филол. наук М. Л. Арутюнян, д-р филол. наук О. И. Блинова, канд. филол. наук О. И. Гордеева, канд. филол. наук Е. М. Пантелеева, канд. филол. наук Г. В. Тропин, д-р. филол. наук А. И. Федоров

Рецензент — кафедра русского языка Томского педагогического института

ISBN 5—7511—0403—X

Р $\frac{460200000}{177(012)-90}$ 105—88

© Томский государственный университет, 1990

Н. Д. ГОЛЕВ, О. П. СОЛОГУБ

СООТНОШЕНИЕ ИЗВЕСТНОГО И НОВОГО В ПРОЦЕССЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ

(на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельниково, Шегарского района, Томской области)

В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что номинативная деятельность является целенаправленной, осознанной и даже в какой-то мере творческой; ее движущей силой при этом назывались осознание говорящим новизны содержания, подлежащего выражению, и установка на поиск адекватной ему формы. Ср.: «Целью последующего сравнения предметов... является не поиск наименования, без которого будто бы невозможно познание вообще... а познание, выявление того, новый предмет перед нами или старый, известный, и, следовательно, нуждается он в наименовании или нет, а точнее, нуждается ли в объективации знание об этом предмете или нет»[1]; «создание каждого нового производного слова есть прежде всего овеществление определенного семантического намерения говорящего, его попытки отразить в новой форме новое значение»[2].

На наш взгляд, такое представление о процессе номинации в первую очередь соответствует лишь той части номинативных актов, которые обычно называются искусственными (терминотворчество, создание научной номенклатуры, имятворчество в некоторых сферах ономастики, в ряде случаев создание художественных окказионализмов). Другая часть — акты естественной номинации — обладает противоположными свойствами (нецеленаправленный, стихийный характер деятельности, неотрывность от общей коммуникативной практики всего языкового коллектива, эволютивность образования как нового содержания, так и новой формы) и предполагает иной номинативный материал (народная лексика природы, естественные микротопонимы, разговорные номинации) и иную модель номинации. Названные особенности ес-

---

[1] Торопцев И. С. Исходные моменты лексической объективации//Науч. тр./Курск. пед. ин-т. Т. 46 (139). Проблемы ономасиологии. Курск, 1975. Вып. 2. С. 70—71.

[2] Кубрякова Е. С. Семантика производного слова//Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 118.

тественной номинации в общих чертах уже охарактеризованы в литературе[3], поэтому в данной работе мы остановимся лишь на одной из них, менее освещенной, связанной с ролью в номинативном процессе фактора новизны.

Мы исходим из того, что в естественной номинации говорящий, прежде чем обратиться к новым формам, стремится ограничиться уже имеющимися, причем это явление не только формальное, но и функционально-семантическое, поскольку в нем отражается соответствующее отношение к новому содержанию (его незамечание, стремление свести к известным десигнатам, уклонение от словообразовательных форм и значений).

Данную особенность можно наблюдать в материале, приведенном авторами монографии «Русская разговорная речь»[4], где рассматриваются следующие особенности разговорных номинаций: тенденция к синкретизму, тенденция к расчлененности и специфические виды номинации в разговорной речи (слова-дублеты, слова-указатели, слова-эрзацы и слова-«губки»). Номинации, характеризующие первую тенденцию (ср.: девушка в ЗЕЛЁНОМ, дипломная работа — ДИПЛОМ, ученый совет — СОВЕТ, он играет в ВАХТАНГОВЕ или в ВАХТАНГОВА, не забудь выключить КОФЕ, т. е. кофеварку и т. п.), представляют собой, с одной стороны, не столько новообразования, сколько «новоупотребления»[5], а с другой стороны, большинство из них выражает вовсе не то новое для говорящего содержание, осознание новизны которого приводит к необходимости словотворчества. Однако было бы неверным отрицание особых стилистических заданий, которыми руководствуется производитель речи, порождающий такие «новоупотребления». Некоторые из заданий обобщены и объективированы в специальных морфемно-словообразовательных структурах, например, в дериватах на -КА, мотивированных составными наименованиями (типа МАНКА, СГУЩЁНКА). Во второй тенденции (ср.: МОЛОКО ПРИВОЗИТ сейчас в отпуске? НА БАЛКОНЕ СОХНЕТ сними, пожалуйста. Принеси ЧЕМ ПИСАТЬ и т. п.) говорящий

---

[3] См.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 160—165; Голев Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами//Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8—9. С. 88—98; Комарова З. И. О некоторых закономерностях «искусственной» номинации//Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. № 13. С. 116—125; Ульянова Н. П. Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983; Копочева В. В. Соотношение естественной и искусственной номинации (на материале названий растений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.

[4] См.: Русская разговорная речь: Номинация. М., 1973.

[5] Там же. С. 426.

заменяет содержание, способное стать означаемым новообразования, на совокупность составляющих его элементов, хорошо известных говорящему. Следовательно, говорящий уклоняется от деривации нового, возмещая его актуализацией известного. Что же касается слов на -ЛКА (ОТКРЫВАЛКА, ДЕРЖАЛКА и под.), которые авторы монографии также относят к проявлениям данной тенденции, то ее «новообразовательный» характер также далеко не однозначен: будучи «легко возникающими в речи»[6] (и соответственно легко распадающимися), они представляют собой как бы не лексикализующиеся отглагольные образования, приложимые ко многим предметам (ДЕРЖАЛКА — «в одних ситуациях — подставка для зонтиков, в других — сковородник, в третьих — основание торшера»[7]). Наконец, специфические виды разговорных номинаций (например, прозрачная капроновая сумка для продуктов называется в очереди СУМКОЙ, АВОСЬКОЙ, ПЛЕТЁНКОЙ, СЕТКОЙ, МЕШКОМ; или «Там РОДИНКА такая... Ну... ПЯТНЫШКО, ЦАРАПИНКА на бумаге. Возьми чистый лист»[8]) представляют собой прямое противодействие модели, построенной «от признака новизны». На наш взгляд, подобные наименования являются результатом первого этапа любого акта номинации (как первичной, так и вторичной), который при его успешном завершении (говорящий удовлетворен, не желает идти далее в направлении к новообразованию и т. п., поскольку к этому не побуждает коммуникативное задание) приводит весь номинативный процесс к конечной точке — выбору имени[9]. Такого рода «первичные наименования» нередко подвергаются узуализации, вытесняя реальных или потенциальных «словообразовательных конкурентов», ср. название СТЕРЖЕНЬ для узла шариковых ручек, вытеснившее существовавшие в свое время рядом с ним названия НАПОЛНИТЕЛЬ, РЕФИЛ, БАЛЛОНЧИК, АМПУЛА, ЗАПАСКА и др.[10], ПЕРЕКЛАДИНА (спортивный снаряд), МАШИНА (автомобиль) и др.

Подобные наименования широко представлены и в узуальной диалектной лексике флоры и фауны, где они также отражают первый этап номинативной деятельности. Речь идет о многочис-

---

[6] Там же. С. 441.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 456.
[9] Подробнее см.: Голев Н. Д. О соотношении узуальной и окказионально-компенсирующей номинации предметов в речи//Актуальные вопросы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. Вып. 4.

ленных случаях отождествления особых видов птиц, рыб, растений с уже известными, что находит выражение в однословных и составных наименованиях, ср., например, названия тиркушки: ЛУГОВАЯ ЛАСТОЧКА, СТЕПНАЯ ЛАСТОЧКА, СТЕПНОЙ СТРИЖ, СТЕПНОЙ КУЛИЧОК, СТРИЖЁНЬ; песочника: КУЛИЧОК-ВОРОБЕЙ, БЕКАСИК, ЗУЁК; погоныша: КУРОЧКА, БОЛОТНАЯ КУРОЧКА, БОЛОТНЫЙ КОРОСТЕЛЬ; поползня: ВОЛЧОК, СИНИЦА, СИНИЙ ДЯТЕЛ, ДЯТЕЛОК и т. п. Диапазон таких отождествлений весьма обширен, чему в немалой мере способствует особый характер народного видовыделения, классификации и номинации, ориентирующих на внешние и прагматические признаки реалий [11]. Для научного сознания они нередко бывают весьма неожиданными, ср.: «Оляпку зовут кое-где водяным воробьем. Но почему? Ни в облике, ни в повадках воробьиного нет ничего. Будь подлиннее хвост и будь оляпка крупнее телом, принял бы ее за дрозда» [12]. Расширение диапазона несомненно связано и с появлением элементов метафоричности, когда неосознанное отождествление (смешение, неразличение), принимаемое за истину, уступает место осознанной условности сравнения, и, следовательно, речь здесь должна идти о появлении нового десигната и новой номинативной единицы, например, щур образно назывался ФИНСКИМ ПОПУГАЕМ, турпан — МОРСКОЙ ТЕТЁРКОЙ, сивка глупая — ПЕТУШКОМ, чибис — ТАТАРСКОЙ ВОРОННИЦЕЙ.

Причины появления подобных явлений в диалектной лексике природы связаны со сферой функционирования диалектных фитонимов и зоонимов: миграции населения, варьирование видов флоры и фауны на различных территориях, не всегда прочная и однозначная связь тех или иных имен со своими означаемыми (многие из таких имен изначально аморфны, в частности наименования типа ПОДСНЕЖНИК, ПОГАНКА и др.) не могут не способствовать смешениям и перекрещиванию видов и названий, образованию своеобразных номинативно-видовых полей. Косвенным доказательством функционального фактора в их образовании является отдаление «родства» видов, обозначаемых одной лексемой.

Так, лексема БЕРГЛЕЗ, зафиксированная в русских диалектах со значением 'щегол', означает, по данным словаря М. Фасмера, в сербохорватском языке 'поползень', в чешском и польском — 'вид синицы', в латинском — 'зяблик, воробей', в гречес-

---

[11] См.: Голев Н. Д. Отождествление в народной биологической номенклатуре//Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979; Он же. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения над ролью прагматического фактора)//Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983.

[12] Песков В. Оляпка//Комсомольская правда. 1980. 13 марта.

ком — 'какая-то птица'; лексема КОЛПИК в различных славянских языках означает цаплю, пеликана, лебедя, ЖЕЛНА — дятла вообще, зеленого дятла, черного дятла, ПЕНОЧКА — славку, травника, в германских языках за этой лексемой предполагается уже значение 'зяблик' и т. п. Варьирование значения лексемы в пределах близких диалектов чаще всего касается видов одного рода и реже семейства.

Однако другой ряд причин несомненно восходит к указанной особенности первого этапа окказиональной номинации, т. е. не к плану функционирования слова, а к плану его создания. Механизм такой номинации находит отражение в художественной литературе, где часто описываются ситуации встречи героев с незнакомой реалией и их реакция на нее. Ср.: «На кустах попрыгивали желтенькие птички — ОВСЯНКИ не ОВСЯНКИ, Козырев сколько раз хотел узнать их название и почему-то всегда ленился это сделать» [13]; «Он не знал, где они вили гнезда, и даже не мог сказать, действительно ли это были ДРОЗДЫ. Вот уже десять лет, как он называл их так, все собираясь выяснить, какие это птицы, и все забывал это сделать. Лоис, маленькая негритянка, называла их по-своему, но слово это он не мог произнести даже по слогам. Птицы были крупнее, чем северные дрозды, с тремя или четырьмя цветными перьями» [14]; «Нина Ивановна еще раз осмотрела поля, подумала и спросила: «А что это за птица?» — «ПЕРЕПЕЛА!» — сказал Миша. — «Откуда ты знаешь, что ПЕРЕПЕЛА?» — «Ну, ГАЛКИ», — ответил шофер» [15]; «Малая птаха, СИНИЦА или ЩЕГОЛ, — но тот ведь на репьях осенью жирует, — выбирала козявок, на зиму упрятавшихся в коре и в листьях. ...Почувствовав взгляд человека, ПТАХА прекратила поиск, кокетливо склонив головку с детски сытенькими, лимонно-желтыми щеками...» [16]

Подобные моменты как совершенно закономерные в массовом порядке обнаружены нами в ходе ономасиологического эксперимента, в котором испытуемым (в основном это были городские жители) предлагалось назвать ряд предметов, названия которых, по нашему предположению, должны быть им неизвестны. В их числе были изображения саксаульной сойки, кулика-сороки, элеутерококка, цветка жень-шеня и др. Важно подчеркнуть, что эксперимент предполагал выяснение механизма возникновения новообразований: испытуемые должны были заполнить пропуски в предложениях, воссоздающих ситуацию встречи с незнакомым

---

[13] Иванов С. Из жизни Потапова//Новый мир. 1983, № 7. С. 12—13.
[14] Сименон Ж. И все-таки орешник зеленеет//Москва. 1975. С. 113.
[15] Лиходеев А. Сентиментальная история//Новый мир. 1984, № 7. С. 96.
[16] Астафьев В. Печальный детектив//Октябрь. 1986. № 1. С. 30.

предметом: «Вчера в лесу я впервые встретил...»; «Я заметил, что на берегу нашей реки обитает много птиц и среди них...». Тем не менее даже при предваряющих замечаниях о том, что речь идет о незнакомых видах флоры и фауны, новообразования были получены лишь в единичных случаях. Установка на новизну реализовывалась в основном в описательных выражениях типа: ПЁСТРАЯ ПТИЦА С БОЛЬШИМ ЧЁРНЫМ КЛЮВОМ; НЕБОЛЬШАЯ СЕРАЯ ПТИЧКА С ТОНКОЙ ШЕЕЙ; ФОРМОЙ ПОХОЖ НА РЕПЕЙНИК, ТОЛЬКО С ЖЁЛТЫМИ ЦВЕТАМИ; НЕБОЛЬШОЕ РАСТЕНИЕ, СВЕРХУ ПУЧОЧЕК КРАСНЫХ ЯГОД и т. п. Но такая новизна, как мы отметили, является относительной. Подавляющее большинство подобных описаний содержит в качестве опорного компонента название конкретного вида, что отражает тенденцию к отождествлению и классификации, невозможную без сравнения[17]. Эта тенденция настолько сильна, что реализуется даже в случаях неуверенности говорящего в правильности сближения, ср.: СЕРАЯ ПТИЧКА, ВРОДЕ БОЛЬШОЙ ГАЛКИ ИЛИ СОРОКИ; РАСТЕНИЕ, ВРОДЕ КУРИНОЙ СЛЕПОТЫ; ЖЁЛТЫЕ ЦВЕТОЧКИ, ПОХОЖИЕ НА ОДУВАНЧИК; КРАСНАЯ ЯГОДА, КАК РЯБИНА. Более сильное акцентирование внимания на новизне проявляется при противопоставлении: РЕПЕЙНИК, ТОЛЬКО С ЖЁЛТЫМИ ЦВЕТКАМИ; РАСТЕНИЕ, ПОХОЖЕЕ НА РОМАШКУ, НО ЛЕПЕСТКИ УЗКИЕ; ВРОДЕ ВОРОБЬЯ, НО ПОБОЛЬШЕ И ЯРЧЕ; ПОХОЖ НА ЛЕСНОЙ ПЕРЕЦ, ХОТЯ СТЕБЕЛЬ КРАСНЫЙ и под.

Примерно в одной трети анкет (всего их было 850) были представлены прямые отождествления. Установки экспериментатора (прямые и косвенные) на новизну остались нереализованными; мы полагаем, что испытуемый в подобных случаях ориентировался на традиции естественной номинации, требующие обходиться известным набором лексем. Испытуемые предпочитают ошибиться, но тем не менее определить место обозначаемого вида в имеющейся у них «биологической классификации», которая часто довольно далека от научной: ЖЁЛТЫЙ ЦВЕТОК, КАЖЕТСЯ, МОЛОЧАЙ; СЕРАЯ ПТИЦА, МОЖЕТ, ТРЯСОГУЗКА; КАКАЯ-ТО СИЗАЯ ПТИЦА, ПО-МОЕМУ, ЧАЙКА. Типичными являются и «неправильности без оговорок»: саксаульную сойку называют то СОРО-

[17] Ср., например: «Интересны записи европейцев, увидевших незнакомых животных. Некий Ле Муан д'Ибервилль в 1699 году сообщает: «Это животное (опоссум) с головой молочного поросенка и примерно его размеров, с шерстью барсука — серой, с белым, — хвостом крысы и лапами обезьян, а внизу живота у него имеется сумка, в которой он производит на свет и вскармливает детенышей» (Песков В. Опоссум и ассапан//Комсомольская правда. 1974. 30 марта).

КОЙ, то ОЛЯПКОЙ, то ТРЯСОГУЗКОЙ, то ЧАЙКОЙ; стебель жень-шеня (с ягодой) — КОСТЯНИКОЙ, ВОЛЧЬЕЙ ЯГОДОЙ, БРУСНИКОЙ.

Основные принципы данного эксперимента были использованы также при анкетировании и опросе непосредственно диалектоносителей — жителей с. Мельниково, Шегарского района, Томской области. Перед испытуемыми тоже стояла задача: дать название тому или иному изображенному на фотографии виду птицы. И в данном случае установка экспериментатора на создание новообразований, на личное словотворчество (предлагался вопрос: «Как бы Вы назвали эту птицу?) оказалась в основном нереализованной. Даже при попытке помочь испытуемым создать новообразования эта помощь ими отклонялась (ср.: «У птицы крылья красные. Назвали бы Вы ее краснокрылкой и т. п.?» — «Мы по крыльям не называем, а как знаем, так и называем: сорока, ворона, дятел»). У испытуемых есть ощущение, что все уже названо, что название где-то существует и создавать его вновь нет никакой необходимости, поэтому словотворчество не является живой «номинативной традицией», оно как бы утратило свою актуальность. Диалектоносители порой попросту уклоняются от ответа на предложенный вопрос (ср.: «А зачем нам ее называть? Птица и птица. Так бы и назвал: птица»). Тем не менее, пытаясь дать наименование тому или иному виду, испытуемые заменяли поставленный вопрос «Как бы Вы назвали эту птицу?» другим, более простым: «Как вообще эта птица называется?». Основное количество ответов (немного меньше половины; всего анкет 115) — это случаи отождествления, сравнения с широко известными птицами; момент сравнения присутствует уже в процессе изучения, выделения характерных признаков называемого вида: ЖЕЛТОБРЮХИЙ, ПОХОЖ НА ДРОЗДА (о пересмешке зеленой); ХВОСТ, КАК У ЛАСТОЧКИ (о сорокопуте-жулане); ПОХОЖА НА ЧАЙКУ (о крачке речной); КРАСИВЕНЬКА, КАК КУЛИК (о зимородке голубом); ЭТА ПОД ВИД СНЕГИРЯ, КРАСНЫЙ (о сизоворонке, хотя у нее спина красного цвета, а не грудь, как у снегиря) и т. д. Называющим оказалось гораздо легче «вписать» предложенный для номинации вид в уже имеющуюся, издавна сложившуюся сетку обозначений подобного рода объектов преимущественно на основе сходства внешнего вида, отражая тем самым понимание биологической общности видов, способ классификации представителей орнитофауны. Все многообразие предлагаемых для называния видов птиц (гусь серый или дикий, лысуха, чибис, зуёк малый, крачка речная, козодой обыкновенный, сизоворонка, щурка золотистая, зимородок голубой, удод, пересмешка

зелёная, оляпка, крапивник, сорокопут-жулан, синица большая, свиристель, зеленушка, щегол, зяблик, иволга, сойка рыжеголовая и др.) оказалось представленным в сознании диалектоносителей следующим образом: ЛАСТОЧКА 'сорокопут-жулан', ЧАЙКА 'крачка речная', СНЕГИРЬ 'сизоворонка', ДЯТЕЛ 'щурка', СОРОКА 'трясогузка', КУЛИК 'удод', ЛАСТОЧКА 'щегол', ПОПУГАЙ 'свиристель', ЧИБИС 'удод', СНЕГИРЬ 'зарянка, малиновка', КУКУШКА 'козодой', СКВОРЕЦ 'крапивник', КУРОПАТКА 'зуёк малый', ПОПУГАЙ 'удод', ПОПУГАЙ 'чибис', СИНИЧКА 'зяблик', ГУСЬ 'лысуха', ОРЕХОВКА 'пересмешка зеленая', ВОРОНА 'сойка рыжеголовая', ДЯТЕЛ 'иволга', СИНИЧКА 'щегол', ДРОЗД 'крапивник', УТКА 'лысуха', СКВОРЕЦ 'оляпка', ОРЕХОВКА 'зимородок голубой' и др. Средством называния в данном случае служат названия хорошо известных птиц. Таким образом, имея уже готовую сетку наименований, носители диалекта широко используют ее при номинации остальных видов, неизвестных широкому кругу говорящих, избегая тем самым необходимости затраты определенных усилий на новообразование. Даже в таких экзотических названиях растений, как ЛИСИЙ ХВОСТ, КОРОВИЙ ЯЗЫК, МЕДВЕЖЬЕ УХО и т. п., часто рассматриваемых как проявление народного словотворчества, присутствует заранее заданный шаблон, в соответствии с которым растение с определенным строением листьев, соцветий и т. п. «автоматически» называется то «языком», то «хвостом», то «ухом» и т. п.[18]

Участники эксперимента нередко осознают, что отождествляемые виды далеки друг от друга, что наименование не совсем отражает то, что надлежит называнию (ср.: ПОХОЖ НА ДРОЗДА; КУКУШКА ШТО ЛИ; УТКА ШТО ЛИ, НЕ ЗНАЮ, ВОДОПЛАВАЮЩАЯ; ЛАСТОЧКА, НО ОНА СИЗАЯ; КАК КУРОПАТКА ВРОДЕ БЫ; ВРОДЕ ОПЯТЬ КАК ДЯТЕЛ; ПОХОЖА НА ЧАЙКУ; СКВОРЧИК НЕ СКВОРЧИК; ШКВОРЕЦ ЛИ, НЕ ЗНАЮ), но тем не менее, как и в предыдущем эксперименте, предпочитают ошибиться, слишком приблизительно, а нередко и неправильно определить место обозначаемого вида в имеющейся обыденной биологической классификации, поскольку «круг соответствующих понятий не принадлежит к числу серьезных, а обращается в сознании говорящих как нечто второстепенное, не требующее точности говорящего и слабо контролирующееся слушающим»[19], а условия естественной номинации допускают подобный

---

[18] Марсакова Т. П. Фразеологические и соотносительные с ними наименования в современном русском языке//Русский язык в школе. 1973. № 6.

[19] Булаховский Л. А. Морфологическая проблематика русских наименований птиц//ВЯ. 1968. № 4. С. 104.

способ обозначения, не нарушая тем самым условия общения носителей диалекта.

Таким образом, тенденция к новообразованиям (как следствию выражения нового содержания) в естественной номинации противостоит тенденции к максимальному использованию хорошо известных единиц. Последняя находится в полном соответствии с законом экономии языковых средств: употребление (в том числе и «новоупотребление») требует меньше усилий, чем новообразование; актуализация высокопродуктивных правил (к ним относятся и правила соединения лексических единиц, необходимые для построения описательных выражений) является значительно более легким, чем реализация менее продуктивных правил сочетания морфем в лексические единицы. Новое при таком понимании номинативного процесса специально не планируется говорящим, новообразование возникает эволютивно путем изменения в формальном плане, как известно, «осуществляемого путем многократной подстановки незаметных различий» [20]. Эти различия широко представлены в диалектной лексике в факте варьирования описательных и однословных наименований (ЧЕРНЫЙ КУЛИК или ЧЕРНЫШ, КУЛИК-СОРОКА или СОРОЧАЙ, ЧИРОК МАЛЫЙ или ЧИРЁНОК и т. п.), в микротопонимике (РЕВНЕВАЯ СОПКА или РЕВНЮХА, СИНЯЯ СОПКА или СИНЮХА, оз. У ГОРЫ или оз. УГОРИНОЕ, лог ДАЛЬНЕЕ БЕЛОЕ или лог ДАЛЬНОБЕЛА и т. п.) [21], в разговорной речи (ВЫТИРАТЬСЯ здесь есть? ЧЕМ ВЫТИРАТЬСЯ здесь есть? ВЫТИРАЛКА здесь есть?) [22], т. е. во всех тех сферах, которые характеризуют «естественную номинацию». Большинству таких составных наименований (аналитических форм слова) предшествовали свободные словосочетания, выполняющие не столько номинативную, сколько предикативно-характеризующую функцию. Естественно, что свойство устойчивости (воспроизводимости), при его наличии, у составных наименований также возникло не в результате целенаправленных усилий говорящего, а стихийно и эволютивно.

---

[20] Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 93.

[21] См.: Русская топонимия Алтая. Томск, 1983. С. 210, 226—227.

[22] См.: Русская разговорная речь. С. 442 (ср. также приведенный здесь тезис: «предикативные структуры типа ЧЕМ ВЫТИРАТЬ выступают как аналитические формы слова»).

Г. А. РАКОВ

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ГОВОРЕ

Статья 2

Цель данной работы — рассмотреть структуру, лексический состав и наполненность поля в русском литературном языке, вершининском и нарымском говорах, входящих в среднеобской диалектный массив. Исходным материалом стали расширенное поле ДУМАТЬ, приведенное в приложении 6 к книге Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» [1], и такое же поле в указанных говорах. Осознавая, что «Малый идеографический словарь», минниполя которого легли в основу для построения расширенного поля, создавался на базе ограниченного списка слов, мы тем не менее пошли на такое сравнение, поскольку, во-первых, относительна и полнота полных словарей, на материале которых создавался цикл диалектных идеографических словарей, во-вторых, принципиальная структура поля может быть показана и на меньшем материале. Выбор именно этого поля из числа 25 расширенных полей, приведенных в указанной работе Ю. Н. Караулова, обусловлен его «средностью». По этому поводу сам автор пишет: «Состав расширенного поля... колеблется от 13 до 91 элемента... насчитывая в среднем 35—38 слов. Если искать соответствие полю в структуре мышления, то примерный его объем едва ли может быть больше указанного среднего. Человеческая оперативная память работает, очевидно, с блоками именно такого типа, и поля объемом в 200—300 единиц представляются уже искусственными образованиями» [2]. Именно таким (последнее замечание относительно предельного объема семантического поля необходимо проверить, ибо количественный состав поля зависит не только от воли исследователя, сколько от материала, диктующего в конечном итоге количество элементов того или другого поля) и оказывается представляемое для анализа поле.

---

[1] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
[2] Там же. С. 212—213.

Для компактности изложения не будем представлять исходные множества слов перечислением, а расположим их компоненты в соответствии с абстрактно-логической схемой семантического поля [3]:

«25 полей»

А — думать, считать, обдумывать.

В — ∅.

С — решать, задумываться, придумывать, догадываться, представлять, воображать, судить, рассуждать.

Д — человек, решаться, колебаться, сознательный, мысль, идея, воспоминание, обдуманный, обсуждать, считаться, внушать, воздействие, впечатление, задумчивый, мышление, сознание, ум, внимание, воображение, понятие, взгляд, мечта, образ, мнение, оценка, забота, ошибка.

Е — говорить[4].

Говор с. Вершинино.

А — думать, считать, чаять 'думать', смыслить 'обдумывать', мечтать 'думать'.

В — ∅.

С — решать, придумывать, рассуждать, выдумывать, сообразить, представлять, разобраться, сдумать 'подумать', удумывать 'придумывать', отгадывать.

Д — рассудок, ум, голова, человек, мнение, считаться, смысл, толк, толковать 'внушать', думка 'мысль', мнение, забота, мечта, мудреный, сознательный, толмить 'внушать', ошибаться.

Е — говорить.

Говор с. Нарым.

А — думать, считать, понимать 'думать', полагать, смыслить 'обдумывать'.

В — ∅.

С — надумать, разобраться, придумывать, работать 'соображать' (о голове), рассуждать, разгадывать, готовить 'задумывать', решить, вырешить, обсудить, судить, мозговать 'рассуждать', задуматься, сдогадаться 'догадаться'.

Д — понятие, значение 'смысл', мнение, внимание, человек, толмачить 'внушать', забота, сознательный, дума, мечта, оценка, ошибаться, считаться, решиться, вздумать, задумать, мысля 'мысль', мечтательный, ум, толк, голова.

Е — говорить.

Представленный материал позволяет установить следующие соответствия по каждому из приведенных полей:

---

[3] См.: Там же. С. 111—113.

[4] См.: Там же. С. 232.

I	II	III
А — думать	А — думать	А — думать
считать	считать	считать
обдумывать	смыслить	смыслить
—	чаять	—
—	мечтать	—
—	—	поминать,
—	—	мозговать
В — ∅	В — ∅	В — ∅
С — решать	С — решать	С — решать,
		надумать,
		вырешить
задумываться	—	задуматься
	придумывать,	придумывать
придумывать	выдумывать	
догадываться	сообразить,	разгадывать,
	отгадывать	сдогадаться
	представлять	представлять,
представлять		преставлять
воображать	—	—
судить	—	судить, обсудить
рассуждать	рассуждать	рассуждать
—	разобраться	разобраться
—	—	работать
—	—	готовить
Д — человек	Д — человек	Д — человек
решаться	сдумать, удумывать	решиться, вздумать, задумать
колебаться	—	—
сознательный	сознательный	сознательный
мысль	думка	мысля, дума
идея	—	—
воспоминание	—	—
обдуманный	—	—
обсуждать	—	—
считаться	считаться	считаться
внушать	толмить, толковать	толмачить
воздействие	—	—
впечатление	—	—
задумчивый	—	мечтательный
мышление	—	—
сознание	рассудок, голова	голова

ум	ум, толк	ум, толк
внимание	—	—
воображение	—	—
понятие	—	понятие
взгляд	—	—
мечта	мечта	мечта
образ	—	—
мнение	мнение	мнение
оценка	—	оценка
забота	забота	забота
ошибка	ошибаться	ошибаться
—	смысл	значение
—	мудреный	—
Е — говорить	Е — говорить	Е — говорить

Проведенное сравнение позволяет сделать следующие предварительные выводы: во-первых, обращает на себя внимание очень небольшое количество собственно диалектных и диалектно-просторечных слов в данном разделе словаря анализируемых говоров; во-вторых, абстрактно-логическая схема вполне допускает структурирование совершенно различных по лексическому составу полей (см.: анализ поля ЖИВОТНОЕ[5]) в достаточно единообразную картину, состоящую из пяти множеств; в-третьих, составленные на основе совершенно различных источников, но в соответствии с общими правилами, поля принципиально повторяют друг друга (что подтверждает косвенно реальность методики).

Сравнительный анализ состава соответствующих множеств еще раз подтвердил, что абстрактная лексика диалектов, из которой в значительной степени состоит данный раздел .словаря, плохо поддается фиксации, что особенно заметно в множестве Д, где в лексике говоров многочисленны пробелы (особенно в говоре с. Вершинино), даже по сравнению с таким конструктом лексики, каким является Малый идеографический словарь. С другой стороны, пробелов в множествах А и С немного, т. е. привативная оппозиция заполняется достаточно интенсивно если не теми же общерусскими словами, то их диалектными семантическими эквивалентами:

---

[5] См.: Раков Г. А. О диалектном идеографическом словаре: Статья 1//Сибирские русские говоры. Томск, 1984. С. 147—161.

I	II	III
обдумывать	смыслить	смыслить
решать	решать	надумать, вырешить
догадываться	сообразить	разгадывать, сдогадаться

Собственно, такое же наблюдается и в множестве С:

I	II	III
решаться	сдумать, удумывать	решиться, вздумать, задумать
мысль	думка	мысль, дума
внушать	толмить, толковать	толмачить
задумчивый	—	мечтательный
сознание	рассудок, голова	голова
ум	ум, толк	ум, толк

Обращает на себя внимание и наличие синонимов (в широком смысле слова как компонентов семантических полей, находящихся в нулевой оппозиции) во всех множествах поля: расширено за счет диалектных компонентов-синонимов множество А — семантические диалектные соответствия общерусским словам не появляются в одиночку, но сопровождаются синонимом или вариантом. Это, видимо, не случайно. Обратим внимание, что в множествах С и Д в редких случаях наличествует синоним к общерусскому компоненту, имеющемуся и в поле литературного языка, диалектный же семантический эквивалент практически всегда сопровождается синонимом или вариантом, что, с одной стороны, может быть, конечно, объяснено спецификой бытования лексики диалекта, но, с другой стороны, может, видимо, свидетельствовать и о некоторой неустойчивости данной ячейки в поле: где нет «кодифицированного» общерусского элемента, там появляются его диалектные или диалектно-просторечные заместители.

Выбор антонима к имени поля (множество Е) в диалектных полях объясняется только тем, что данное слово приведено в соответствующем поле Ю. Н. Карауловым, хотя очевидно, что данная позиция может замещаться и другими словами [6], не выходящими за пределы семантического пространства данного поля.

---

[6] См.: Караулов Ю. Н. Указ. соч. С. 232.

Если рассмотреть естественную парцелляцию поля в трех сравниваемых словарях, то обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее число пробелов возникает в четвертой парцелле (внимание и т. д.)[7], где сосредоточены такие слова, как *воображение*, *воображать*, *воспоминание*, не относящиеся к пласту нейтральной или разговорной лексики литературного языка, наиболее последовательно отражаемой в лексике говоров.

---

[7] См.: Там же. С. 332.

Е. В. ИВАНЦОВА

ОТНОШЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ МОТИВАЦИИ СЛОВ В СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРАХ

Под структурной мотивацией слов в лексикологии понимается «тип отношений лексических единиц, при котором обнаруживается структурная мотивированность слова, отражающая его классификационный признак; ...например, рыбАК—морЯК, кряКАТЬ—кукареКАТЬ»[1]. Явление структурной мотивации пока исследовано в меньшей степени, чем отношения мотивации лексической. Источником анализа отношений структурной мотивации в данной статье послужил «Мотивационный диалектный словарь»[2] и его картотека.

В отношения структурной мотивации (ОСМ) вступают слова, характеризующиеся триединой общностью: части речи, семантики и формы.

ОСМ возникают только в пределах одной части речи. Источники свидетельствуют, что структурная мотивированность характерна для имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий (по убывающей). Теоретически возможна структурная мотивация отдельных групп числительных (*одиннадцать—двадцать, тридцать; триста—четыреста; пятьсот—девятьсот* и некоторых др.), но, очевидно, она очень редка и проявляется только в ситуации счета.

Формальная общность структурно мотивированных слов может выражаться аффиксами (в том числе и нулевыми) или их сочетанием (*осинОВый—берёзОВый, ЗАбор—ЗАпло́т, зыбь—стрежь, парОход—самОлёт*) либо общностью семантического переноса (*трещотка* 'о человеке, который говорит без умолку', *бо́тало* 'то же', ср. *трещотка* 'механизм (молотилка), издающий треск', *бо́тало* 'колокольчик, привязываемый на шею коровы'). Самым рас-

---

[1] Блинова О. И. Явление мотивации слов: (лексикологический аспект). Томск; 1984. С. 186. Там же см. толкование всех используемых в статье терминов, связанных с теорией мотивации слов.

[2] Мотивационный диалектный словарь: (Говоры Среднего Приобья)/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

пространенным случаем является структурная мотивация, выраженная исходом слова, так как именно суффиксы в первую очередь служат в языке для выполнения классифицирующей функции.

Соотнесенность мотиватов по структуре проявляется в различных вариантах. Вероятны такие случаи, как: а) абсолютное совпадение слов по морфемному составу (отношения полной структурной мотивации): Откуда ни возьмись — тучка, *дожжЫНа* полила, а летом опять *жарИНа* жарит (Карг. Ил.) [3]. А тебя как кипятком обварят. *ДожжЫНа, холодИНа* была (Кож. Урт.). Ср. также: *рыжУХа—белУХа, гнедУХа, карЮХа, пегУХа* 'лошадь рыжей, белой и т. п. масти'; *соболЕВА́ТЬ—белкОВА́ТЬ, кротОВА́ТЬ, лосЕВА́ТЬ* 'охотиться на соболя, белку' и т. д.;

б) частичное совпадение морфемного состава мотиватов (аффикс—ноль аффикса, аффикс—вариант аффикса) — отношения частичной структурной мотивации: Ефимка привык по *вдовУХам* да по *РАЗженИХам* бегать (Шег. Фед.). *ПОДпе́чНИК* или *ПОДпе́чНИЦа* — одно и то же, в большой русской печке дыра проделана... *ПО́Дпол* или *ПОДполЬЕ* — западня это под полом (Колп. Тиск.). Ср. также: *ПОДростОК—сосУНОК, телЁНОК* 'названия детенышей животных', *рыжИК—борОВИК, берёзОВИК, ма́слЕНИК, мохОВИК, са́харНИК, ПОДоси́нНИК* 'названия грибов' и др. В одном контексте могут одновременно реализовываться структурные связи обоих типов: *РежО́ВКа* — это обычная сеть с режако́м. Режаком держат сеть... *СорокО́ВКа* — это сорокамиллиметровая сеть (Колп. Тип.). *Шестидеся́тКа* есть, *пятидеся́тКа, сорокО́ВКа* — размеры (Пар. Пар.);

в) совпадение формантов производного и непроизводного слов: *ТалИНа* — тало́вый лес, *осИНа,* берёза, черёмуха (Шег. Труб.). Зимой буря, *ураганАН, бурАНы* (Том. Яр.). Ох, холода были, и— холодный день — *бурАН, тумАН* (Крив. Елиз.). Ср. также: *гулевА́Н—хулигАН, хулюгА́Н.*

Семантическая общность слов при ОСМ также может проявляться в разной мере — от полной аналогии семантики до слабых ассоциативных связей в сознании носителей языка.

Структурные мотиваты могут быть абсолютно идентичны по значению или иметь лишь частично совпадающий семный состав. В первом случае они вступают в отношения дублетности, в остальных случаях устанавливаются гипо- и гиперонимические, антонимические связи.

Существительным и глаголам присущ весь набор перечисленных видов системных отношений между мотиватами: *заварýха—*

---

[3] В статье используются сокращения названий населенных пунктов, принятые в «Мотивационном диалектном словаре».

затиру́ха 'мучная каша на воде', *байкать—лялякать* 'усыплять ребенка, напевая' (дублетность); *пшённик—капу́стник—ку́рник—морко́вник—творо́жник* 'названия пирогов с пшеном, капустой и т. д.', *белкова́ть—кротова́ть—лосева́ть—рябкова́ть* 'охотиться на белку, крота и т. д.' (вид—вид); *грязнуля* 'неопрятный, грязный человек' — *чистюля* 'опрятный человек', *сушить* 'делать сухим' — *мочить* 'делать мокрым' (антонимия); *своеде́лка* 'то, что сделано кустарным способом' — *долблёнка* 'долбленая лодка, сделанная кустарным способом', *наготовить* 'приготовить в количестве' — *настряпать* 'стряпая, приготовить в количестве' (род—вид); *рушни́к* 'полотенце для рук' — *наконе́чник* 'часть полотенца', *зимовать* 'проводить зиму' — *годова́ть* 'проводить год' (часть—целое).

Для прилагательных и наречий несвойственны из этого набора только отношения гиперонимии (части и целого): *мозгови́тый—башкови́тый* 'умный, сообразительный', *стыдно—совестно* 'о чувстве стыда' (дублетность); *глиняный—бере́стяный, деревянный, стеклянный* 'сделанный из глины, бересты и т. д.', *скрасна́—сбелёса, скоричнева́, смалинова́, ссера́, ссиня́, счерна́* 'с красным, белым и т. д. оттенком' (вид—вид); *да́вно́шний* 'возникший давно' — *ны́ношний* 'появившийся в текущем году', *стоймя́* 'в стоячем положении' — *лежмя́* 'в лежачем положении' (антонимия); *едово́й* 'идущий на еду, съедобный' — *кормово́й* 'идущий на корм скоту', *убе́гом, убёгом* 'убежав из дома, тайком от родителей' — *тайком* 'тайно' (род—вид).

Видовые отношения наиболее характерны для слов всех частей речи, устанавливающих структурные мотивационные связи [4].

Отмечены редкие случаи нетипичных семантических связей. У существительных возникают иногда такие отношения, при которых мотиватор обозначает результат переработки или обработки предмета, названного мотивемой: Это от ко́да *скотину* убьют, от и *убо́ина* зовут (Кем. Мар. Кол.) (*скотина* 'крупный рогатый скот' — *убо́ина* 'забитое животное, туша'). Есть *леси́на* в обрубе на пятьдесят, шестьдесят сантиметров... *Теси́на* тоже есть, на тёс пилят (Крив. Н.-Крив.) (*леси́на* 'ствол срубленного дерева' — *теси́на* 'одна доска тёса').

Слова, связанные ОСМ, как правило, принадлежат к одной тематической группе. Самые крупные и типичные из этих объединений выделены О. И. Блиновой: названия лиц по роду занятий, родству и полу, названия животных и птиц, растений, предметов

---

[4] См.: Иванцова Е. В. Типы смысловых связей слов, находящихся в отношении структурной мотивации: (на материале говоров Среднего Приобья)// Мотивационный диалектный словарь... Т. 2. Приложение 4. С. 367—369.

быта и т. д.[5] Иногда наблюдается взаимодействие смежных подгрупп: *ошейник* 'воротник' — *гашник, кокошник, наголо́вник, пово́йник* 'названия видов и деталей одежды'; *гуси́ха* 'самка гуся' — *вистрохво́стиха, глухари́ха, гоголи́ха, клохари́ха, косачи́ха, лоси́ха* 'названия самок птиц и животных'. Наиболее часто это взаимодействие происходит в тематической группе «названия растений»: *подснежник* 'название цветов' — *ве́треник, подорожник, мухомо́рник, пусты́рник* и под. 'названия цветов и растений'; *пшени́ца, пшеница* 'хлебный злак...' — *я́ри́ца* 'яровой хлебный злак', *мокри́ца, череми́ца* 'названия травянистых растений'; *багульник* 'вечнозеленый низкий кустарник' — *боярышник, брусничник, девяти́льник, каргаша́тник, клопо́вник, коне́вник, лаба́зник, лопу́шник, придоро́жник, репе́йник* и под. 'названия растений и кустарников' и др.

Имеют специфику семантические связи слов при структурной мотивации экспрессивной лексики. Коннотация мотивированного и мотивирующего, как правило, совпадает: мотивемы с ласкательным значением «притягивают» мотиваторы ласкательные, слова с оттенком снисходительности — лексические единицы с той же окрашенностью и т. п.: Череда ... от золотухи: напарь, и ребёночку пой его и *головку* мой его, *болявочки* на ём и засохли. Как *гречу́шка травка,* где болота растёт... (Шег. Бат.). Она кошка *беленька, пёстренькая,* с чёрненькими пятнышками. (Колп. Колп.).

В ОСМ могут вступать также оценочные существительные со словами, утратившими эмоциональную окраску или не имевшими ее: А свиней счас больше зовут свинями, а не *чу́шками,* маленьких — *поросю́шками* (Мол. Майк.) (*поросю́шка* 'уменьшит.-ласкат. к порося', *чу́шка* 'свинья'). Ср. также: *заря́ночка* 'утренняя звезда, появляющаяся на заре' — *звёздочка* 'ласк. к звезда'; *бродничо́к* 'уменьшит.-ласкат. к бредень' — *обласо́к* 'вид лодки' и др.

Структурные мотиваты-экспрессивы могут быть связаны разной степенью прочности и в зависимости от этого чаще или реже вступать в мотивационные отношения. При общности формальных средств выражения экспрессии они могут: а) быть дополнительно объединены парадигматическими связями их производящих — видовыми, дублетными и т. д.: Шифра́ны — жёлты *цветочки,* оранжевы... Махровый свет, это говорят о цветке, где много *лепесточков,* как георгин (В.-Кет. Б. Яр) (ср.: *лепесток — цветок* — часть — целое). Я старша была из всех *братишек* и *сестрёнок* (Тег. Берег.) (ср.: *брат—сестра*—вид—вид) и др.; б) соотноситься ассоциативно по тематическому признаку: Вот возьмёшь *иголочку,* вденешь

[5] Блинова О. И. Структурная мотивация слов//Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983.

ниточку (Пар. Нов.). *Гимнастёрочка* зелёна и *винтовочка* в руках (Туг. Бар.) (названия конкретных предметов); в) устанавливать мотивационные связи только за счет коннотативных компонентов семантики при отсутствии тематической общности: *Тра́вынька-мура́вынька,* не я косила, *маменька,* по зелёному *лужку* ходила к милому *дружку* (Том. Верш.) (названия лица — названия неодушевленных предметов).

Формально-семантическая близость при актуализации ОСМ поддерживается на разных уровнях—словообразовательном, грамматическом или же только лексическом. В зависимости от этого структурные мотивационные связи могут осуществляться 1) в рамках словообразовательного типа, характеризующегося общностью части речи мотивирующих слов, форманта и словообразовательного значения: Обласки или облас — это лодки. Делают их из тополя, ветлы, осины, то *ветло́вы, оси́новы, топо́левы* обласки, а по форме бывает остроносый (Колп. Тиск). Лёд когда идёт—*ледоход,* лёд несёт. *Рекоста́в,* когда шуга́ прошла, это снег мокрый, он замерзает на ходу, а вот когда шуга́ кончилась, то река замерзает, стаёт, вот *рекоста́в* (В.-Кет. Б. Яр). Ср. также: *була́нка—бу́рка, ка́рька, ры́жка, си́вка* 'названия лошадей по масти' и др.

Словообразовательные типы в том виде, в каком они выделены в «Русской грамматике» (М., 1980. Т. 1), весьма абстрактны, и структурная мотивация в пределах всего типа (когда в ОСМ могут вступать любые слова, относящиеся к нему) осуществляется редко — в основном у слов экспрессивного лексического фонда. Слова одного словообразовательного типа устанавливают мотивационные отношения, как бы проецируясь на дробные тематические группы. Так, например, существительные с суффиксом -ЩИК/-ЧИК называют лицо или предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом (Русская грамматика. С. 194). Среди всех возможных названий лиц этого типа в ОСМ вступают слова, обозначающие лиц по роду занятий, выполняемому виду работ либо в кедровом промысле (*подбо́рщик—отбо́йщик, сбо́йщик; бо́йщи́к—съёмщик*), либо в рыболовецком (*уста́вщи́к—выкида́льщик, закида́льщик, нало́вщик*), либо в сенокошении (*мётчик, ме́тчик—во́зчик, жа́тчик, жне́йщик, подава́льщик*) и т. д. Подтип глаголов на -ИТЬ с частным словообразовательным значением 'совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным' (Русская грамматика. С. 334) дает структурные мотиваты трех семантических групп: а) быть (работать) кем: *пасту́шить—коню́шить, рыба́чить—ямщи́чить, шоферить;* б) работать подобно кому: *бурла́чить—иша́чить;* в) идти чему (об осадках): *буси́ть—мороси́ть, хиузи́ть;*

2) в ОСМ могут вступать слова одной морфосемантической группы. В отличие от словообразовательного типа, слова этой группы а) либо отличаются частеречной принадлежностью производящего слова: Лён сперва треплют, мнут, *бéлют, зóлют,* тогда уже ткут (Шег. Марк.) (*золи́ть* 'обрабатывать з о л о й', *бели́ть* 'отбеливать, делать б е л ы м'). *Рукавицы* такие, *голи́цы* их ещё называют (Колп. Инк.). Появилась война — троих проводила на фронт, сама с пятерыми осталась. *Ползкóм* ползала, *гóлодом* (Кем. Смол.); б) либо не полностью соотносятся по способу словообразования и формантам: Работали на *самосбрóсках.* На *вéянках* хлеб веяли, просевали, на *сортóвках* сортировали хлеб (Кем. Крап. Крап.). *Ру́чка* будет косови́шше... а сама железна — *литóвка,* она из чистого металла, где она прикрепляется — *пя́тка* (Том. Верш.). Наиболее типичным является именно этот уровень реализации ОСМ;

3) мотивационные связи могут устанавливать слова с общим исходом, принадлежащие к одной тематической группе, вне зависимости от их морфемного членения: Вот эти маленьки *кóйки* зовут *кáчка* (Кем. Яшк. Сосн.). Раньше лаптев я не видала, *обу́тки* носили, *шахтёрки, чарки́, бу́рки* (Шег. Бат.). Ср. также: *кукушка—галка, ласточка, ронжу́шка, стри́жка, чайка* 'названия птиц', *миска—кри́нка, корчáжка, кружка, лáдка, ложка, тарелка, чашка* 'названия столовой посуды' и др.

Во всех трех случаях формальная и семантическая соотнесенность структурных мотиватов укрепляется их парадигматическими связями (гипонимия, гиперонимия, антонимия, дублетность), а иногда и поддерживается на грамматическом уровне (так, например, структурная мотивация наречий осуществляется в рамках их лексико-грамматических групп: образа действия, степени, места, времени и т. д.).

Таким образом, «верхней границей» структурной мотивации является словообразовательный тип и как частный случай — его реализация на тематическом уровне, а «нижней границей» минимальным требованием для установления мотивационных отношений структурных мотиватов—общность одного компонента семантики при минимальном совпадении в форме — двух звуков (не обязательно составляющих морфему).

Среди факторов, влияющих на функционирование структурных мотиватов в тексте, актуализацию ОСМ, следует назвать прежде всего грамматический. Статистические подсчеты говорят о влиянии грамматических характеристик структурно мотивированного слова на его мотивационные связи. Так, в среднем на каждое структурно мотивированное слово приходится по два структурных

мотиватора, а каждый мотиватор, в свою очередь, актуализует мотивационные отношения дважды:

УЖИНАТЬ. Есть ужин.

СМ: *завтракать* 'есть завтрак' (2), *обедать* 'есть обед' (2) [6]: Ну, примерно, ужин варить надо вечером, ужинать надо. А завтракать утром, завтрак утром уже, всё (Колп. Тиск.). Едим, обедаем вместе, утром за́втракам, днём обе́дам, вечером у́жинам (Том. Петр.).

Выше среднего число мотиваторов у существительных (на каждую мотивему — 2,4 мотивирующих единицы; ср.: у прилагательных — 2,0, глаголов — 1,8, наречий — 1,7); по частотности связей мотиватов в речи иерархия несколько иная: наиболее регулярны ОСМ также у существительных (на каждый структурный мотиватор — 2,4 случая актуализации), второе место занимают наречия (2,2), третье — прилагательные (2,0) и последнее — глаголы (1,5). Из этих фактов можно сделать вывод о разной степени типичности и стабильности ОСМ: наиболее типичны и устойчивы ОСМ у имен существительных, наименее стабильными являются мотивационные связи глаголов.

На аттракцию структурных мотиватов, принадлежащих к одной части речи, влияет целый ряд факторов. Отметим некоторые из них.

1. Степень семантической и формальной близости мотиватов. Мотивационные отношения устанавливаются в первую очередь между словами, имеющими не одну, а несколько интегральных сем («узкая тематическая группа»); остальные случаи более редки (примеры см. выше). Полная аналогия мотиватов по форме, очевидно, не столь важна для реализации ОСМ, как аналогия семантическая, но в некоторых случаях и она влияет на частотность совместного употребления лексических единиц: *подосиновик—подберёзовик* (7), *боровик* (1), *красноголо́вик* (1), *ма́сленник* (2) 'названия грибов' и др.

2. Тип парадигматических отношений мотивационно связанных слов. Антонимию структурных мотиватов можно сравнить с катализатором, ускоряющим реакцию вступления слов в ОСМ. Ср.: *постный* 'употребляемый во время поста, не скоромный', СМ: *моло́сный* (1), *молочный* (1), *мясной* (1), *сытный* (1), но *скоромный* (5) 'о пище'; *вечером* 'в вечернее время', СМ: *днём* 'в дневное время' (3), но *утром* 'в утреннее время' (14).

Дублетность структурных мотиватов оказывает воздействие, аналогичное антонимии, хотя зачастую менее ярко выраженное:

---

[6] СМ — структурный мотиватор, в скобках указывается число зафиксированных случаев актуализации мотивационных отношений.

зы́бка 'колыбель', СМ: *лю́лька* 'колыбель' (14), *кача́лка* 'детская качающаяся кроватка' (7), *ка́чка* 'детская качающаяся кроватка' (5).

3. Распространенность, употребительность мотиватора, его локальная характеристика, место в системе диалекта. Возможность вступить в мотивационные отношения больше у слов с широким ареалом распространения. Так, среди дублетов общерусской мотивемы *тяпка* наибольшее количество актуализаций у слова *подбива́лка,* имеющего самый обширный ареал:

тяпка СМ: *подбива́лка* (13) Том. (Карг. Колп. Крив. Мол. Пар. Том.)
царáпка (4) Том. (Том.) Кем. (Мар. Яшк.)
сгреба́лка (3) Том. (В.-Кет.)
подгреба́лка (1) Том. (Кож.)

Возможно, вследствие этого из двух дублетов в отношения с мотивируемым словом чаще вступает общерусский как не имеющий локальных ограничений: *верхний* 'находящийся вверху' — *нижний* (17), *испо́дний* (4) 'находящийся внизу'.

4. Принцип поминации. Так, среди многочисленных названий грибов с формантом -КИ во множественном числе, имеющихся в среднеобских говорах (подоба́бки, смета́нники, по́рфанки, шампиёнки, маслёнки и др.), с мотивемой *синя́вки* преимущественно употребляются мотиваторы *беля́вки (беля́нки)* (13) и *красня́вки* (3) (названия грибов по цвету). Ср. также: *пя́тка* 'часть косы' — *ру́чка* (6), *лито́вка* (2) 'части косы' и др.

5. Фразеологическая связанность слова. Прилагательное *пакостли́вый* из всего круга структурных мотиваторов чаще всего встречается со словом *трусливый,* так как широко распространены поговорки «пакостливый да трусливый», «пакостлив, как кошка, а труслив, как заяц» и т. п.

6. Вероятно, в отдельных случаях влияет и созвучие исходов слов, ср.: *картошка—морко́шка* (13), *редька* (2).

Как правило, эти факторы действуют не обособленно, а в совокупности. Например, для слова *ка́танки* 'вид валенок' предпочтительна мотивационная связь со словом *чёсанки* 'валенки с начесом' (ср. другие названия обуви в среднеобских говорах: вы́ходки, шептунки́, шахтёрки, ка́тки, полболо́тки, вы́воротки и др.) обусловлена и тесной семантической близостью (названия валенок), и общностью аффиксов, и общим принципом номинации (по способу изготовления), и своеобразной функциональной антонимией (противопоставлением этих способов).

Н. Г. НЕСТЕРОВА

ТИПЫ СООТНОШЕНИЯ МОТИВАЦИОННОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

(на материале суффиксальных имен существительных говоров Среднего Приобья)

В статье представлены результаты наблюдений над сопоставлением двух типов языковых значений — лексического и мотивационного. Под последним понимается «значение или синтез значения мотивационной формы слова»[1], которую образуют «значимые сегменты (или сегмент) звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью»[2]. Выявление компонентов мотивационной формы основано на соотнесенности мотивированного слова с мотивирующими его единицами, что предопределяет расчлененную структуру мотивационной формы. Последнюю составляют мотивирующая и формантная части.

Значение мотивирующей части мотивационного значения (МЗ) определяется на основе отношений лексической мотивации (однокорневым словом). Семантика формантной части выявляется с учетом значения формантной части структурных мотиваторов (одноструктурных слов одной тематической группы), а также лексического значения мотивированного слова, контекста и показаний языкового сознания носителей языка.

К примеру, мотивационную форму слова *ягодник* можно представить как *ягод/ник* вследствие актуализации им мотивационных отношений с однокорневым словом *ягода* (лексический мотиватор) и одноструктурными: *брусничник, чернижник* (структурные мотиваторы), обозначающими названия мест, где растут брусника, черника. — Ягодник — где ягода растёт... Брусничник — ягода брусника, родится в бору, на болотах. Это место... Брусничник — ну, ягода там растёт, на кочках и так, гладкое место. Иди и бери (Колп. Колп). Где много черники — чернижник (Том. Кафт.). Формантная часть структурных мотиваторов соотносится со словом *место,* что следует из лексических значений слов и на что ука-

---

[1] Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984. С. 19.

[2] Там же.

зывают приведенные примеры, фиксирующие это слово — идентификатор, и значительное количество примеров, содержащихся в картотеке «Мотивационного диалектного словаря: Говоры Среднего Приобья»[3]. Мотивационное значение слова можно сформулировать как 'место <где> ягоды'[4]. В качестве связки чаще всего употребляются предлоги, союзные слова, а также глагольные связки, выражающие определенные отношения между мотивирующей и формантной частями. Связка находится за пределами мотивационного значения. Выбор связки определяется контекстом.

При формулировании МЗ особую сложность представляет выявление значения формантной части. Даже в пределах одной тематической группы семантическое функционирование формантной части оказывается разнообразным, причем значения, соотносящиеся с формантной частью слова (и соответственно МЗ), характеризуются различной степенью конкретности.

Так, например, формантная часть -НИК в тематической группе с локальным значением, присоединяясь к основам с различным смысловым содержанием, может выражать следующие значения: 'место' — *кочкарник* 'место, покрытое кочками', *ка́мечник* 'каменистое место в реке', *галечник* 'место скопления гальки'. — Если в со́гре кочек много, то это кочкарное место называется. Кочкарник — это где кочки. Травища большая и кочки. На кочках осока растет (Крап. Крап.). Камечник — это место, где камни в реке (Шег. Гынг.). МЗ слов: 'место <где> кочки, камни, галька'; 'поле' — *гороховник, капустник, картовник, репник* и др. названия полей, на которых растут горох, капуста, картофель, репа и т. п. — Гороховник — поля специально для гороху... Капустник — где растет капуста... Картовник — это поле, на каке́м картошку со́дют (Колп. Колп.). МЗ слов: 'поле <где> горох, капуста, картошка, репа'; 'помещение' — *гусятник, курятник, скотник, телятник, овчарник* и др. названия помещений для птиц и животных. — Гусей в гусятнике держали, а зимой в избе, чтобы не помёрзли (Колп. Колп.). Тёплое помещение, где скот держа́ли — скотник, где овец держут — овчарник (Мар. Кол.). МЗ слов: 'помещение <где> куры, гуси, скот, телята, овцы'.

При определении лексического значения слова целесообразно опираться на данные толковых словарей современного русского языка (для общерусских слов) и региональных толковых словарей

---

[3] См.: Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983. Т. 1—2. Картотека словаря насчитывает 90 тыс. карточек, хранится в кабинете русского языка Томского университета.

[4] Здесь и далее в фигурные скобки заключена так называемая связочная часть, без посредства которой сформулировать МЗ бывает невозможно, и другие компоненты значения, не находящие формального выражения в структуре слова.

(для диалектных слов), так как они являются результатом лексикографического осмысления слов многих поколений исследователей и постоянно совершенствуются.

В то же время представляется необходимым уточнить принципы толкования лексического значения слов, так как сопоставление мотивационного и лексического значений проводится на уровне дефиниций значений и возможно только при условии единообразной их подачи. Кроме того, в лексикографических справочниках не всегда выдерживается единообразие в определении лексических значений слов, в частности, мотивированных. Причем несовпадение толкований лексических значений, представленнных в словарях, происходит не только за счет различного определения дополнительной части; по-разному отражается в дефинициях лексических значений (ЛЗ) формантная и мотивирующая части.

Сравним, к примеру, дефиниции лексических значений отдельных слов в различных словарях. Так, ЛЗ слова *голубика* определяется следующим образом: в БАС — 'ягодный полукустарник сем. вересковых с синевато-чёрными ягодами, покрытыми сизым налётом'; в МАС — 'северный болотный ягодный кустарничек сем. брусничных; гонобобель'; в словаре Ожегова — 'кустарничек со съедобными ягодами, похожими на чернику'. Значение слова *учитель* определяется в БАС как 'лицо, преподающее какой-л. учебный предмет в школе, профессионально обучающее кого-либо'; в МАС — 'тот, кто преподаёт какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель'; в словаре Ожегова — 'лицо, которое обучает чему-н.; преподаватель'.

В качестве основного лексикографического справочника при определении ЛЗ слов нами использовался МАС с допуском некоторых корректив: исключались, например, семы, характеризующие научные признаки (род, вид и под. в названиях животных и растений). При этом мы исходили из того, что «лексическое значение слова, понимаемое как закреплённое знаком отражение действительности, есть сжатое, концентрированное, общеизвестное знание о предмете номинации, присущее обществу в конкретный момент его развития» [5]. К дефинициям лексических значений выдвигались следующие требования: 1) последовательное отражение формантной части; 2) по возможности последовательное отражение мотивирующей части; 3) полнота и неизбыточность толкований. Последнее относится в большей степени к дополнительной части.

---

[5] Стернин И. А. Лексическое значение и энциклопедическое значение// Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 16.

При сопоставлении дефиниций МЗ и ЛЗ обнаруживаются разнообразные взаимоотношения значений. Они, например, могут совпадать. Отношения совпадения МЗ и ЛЗ характерны для мотивированных слов с неидиоматичным значением: для имен со значением женскости, невзрослости, если в функции мотиватора употребляются существительные, обозначающие лиц, животных, птиц (родовые названия); для существительных со значением собирательности, единичности, а также отдельных других лексических единиц. Например: *селезню́ха* — МЗ и ЛЗ 'самка селезня'; *лисёнок* — МЗ и ЛЗ 'детёныш лисы'; *весельчак* — МЗ и ЛЗ 'весёлый человек'. — Селезни е́сти, самка — селезнюха, гоголь — гоголюха, че́рнедь — чернедю́ха, чирок — чируха, лыток — лытуха (Пар. Н.-С.). Весельчак, ну это, как сказать, чё-нибудь рассказывает такое весёлое... В компании если он, заводила такой всё, весёлый человек (Кем. Ягун.).

При отношении совпадения мотивационное и лексическое значения выражают равные смысловые объёмы. Графически отношения совпадения можно представить в виде накладывающихся друг на друга и полностью совпадающих кругов. Замечено однако, что значительно чаще МЗ и ЛЗ различаются и демонстрируют разнообразные отношения: включения, пересечения, внеположенности [6].

При отношении в к л ю ч е н и я дефиниция мотивационного значения является частью дефиниции лексического значения. Это происходит в следующих случаях: при наличии в структуре ЛЗ дополнительной части, выражающей индивидуальные смысловые особенности мотивированного слова, не выводимые из значения составляющих его компонентов. Например, *касси́р* — ЛЗ 'работник кассы, производящий приём и выдачу денежных сумм, ценных бумаг, продажу билетов', МЗ 'работник кассы'; *пастух* — ЛЗ 'кто пасёт стадо', МЗ 'кто пасёт'; *возчик* — ЛЗ 'кто перевозит грузы на лошадях', МЗ 'кто возит'; *рябчик* — ЛЗ 'небольшая лесная птица с пёстрым (рябым) оперением', МЗ 'рябая птица'. Ср. тексты:

---

[6] О типах соотношения множеств см.: Н о в и к о в Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 137—141; Б л и н о в а О. И. Явление мотивации слов... С. 24—25.

Сами паслись коровы, а теперь пастухи коров пасут (Юрг. Н.-Р.). Пришли к тем, кто возит, к возчикам (Ас. Б.-Д.). Рябчики — ма́леньки они. А рябчики потому, что рябые (В.-Кет. Мох.).

Условием для реализации отношений включения является употребление связочной части в МЗ как элемента, не имеющего формально-смыслового соответствия в структуре слова и находящегося за рамками МЗ. Например, *сплавщик* — ЛЗ 'рабочий, занимающийся сплавом леса', МЗ 'рабочий <на> сплаве'; *сахарница* — ЛЗ 'посуда для сахара', МЗ 'посуда <под> сахар'; *капустник* — ЛЗ 'поле, на котором растёт капуста', МЗ 'поле <где> капуста'; *медвежатник* — ЛЗ 'охотник на медведей', МЗ 'охотник <на> медведей'. — Сахарница — это вазочка под сахар, а в чём салат, винегрет ста́вют—это салатница, а длинненькие посудинки, тарелочки под селёдку — селёдочницы. Вся́ка посуда бывает (Зыр. Зыр.). Лосятник пошёл лосей бить, а на лис лисятник ходит, а на медведя — медвежатник (В.-Кет. Б. Яр).

Отношения включения наблюдаются также в случаях, когда слово не имеет лексической мотивированности, употребляется в речи только с одноструктурными единицами. Так, слово *багульник* 'вечнозелёный низкий кустарник' актуализует в речи отношения только структурной мотивации со словами *подорожник, шипижник, таволожник* и др. названиями растений. Актуализованной является лишь формантная часть слова, мотивационная форма односегментна; МЗ 'растение'. — Калина растёт и крушина чёрна, и шипижник, и таволожник. Беленьким светёт. Боярка, багульник — то низенький (Том. Верш.).

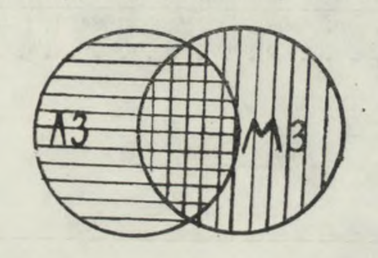
Отношения включения схематически можно изобразить следующим образом:

При отношении п е р е с е ч е н и я мотивационное и лексическое значения имеют общие (одинаковые) семы, образующие сегмент пересечения значений и необщие (неодинаковые) семы.

Чаще всего общим для двух типов значения является значение формантной части. Например, *земляника* — ЛЗ 'ягодное растение, дающее душистые плоды розовато-красного цвета', МЗ 'рас-

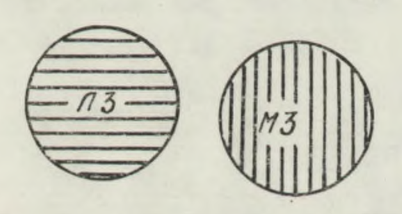
тение <у> земли'; *берли́нка* — ЛЗ 'сорт картофеля берлихенген', МЗ 'картофель <из> Берлина'; *девятильник* — ЛЗ 'растение пижма', МЗ 'растение <с> девятью <цветками>'; *столяр* — ЛЗ 'рабочий, специалист по обработке дерева и изготовлению изделий из него', МЗ 'специалист <по> столам'. — Берлинка была: одна тоненькая, под вид короспе́лки, она откуда-то завезённая, с Берлина, может (В.-Кет. Б. Яр). Пижма есть, или девятильник: девять цветков, цветёт жёлтым, от печени хорошо (Томск). Столяр столы, рамы, двери делает (Крив. Крив.).

Реже при отношении пересечения общей частью в дефинициях мотивационного и лексического значений является мотивирующая часть при различном толковании формантной. Например, лексическое значение слова *равнина* 'ровная поверхность земли', мотивационное значение 'ровное место'. Ср. контексты: Есть равнина,



где ровно место (Том. Верш.). Равнина — ровно место, поле... Чистовина — место чистое, чистовина там, на лугах (Том. Верш.).

При отношении внеположенности в толкованиях мотивационного и лексического значений нет общих, совпадающих сем.



Это происходит при условии, что мотивирующая и формантная части двух типов значения определяются по-разному. Формантная часть лексического значения толкуется при этом у́же, конкретнее, чем формантная часть мотивационного значения. В дефиниции лексического значения не находит отражения связь мотивированного слова с мотивирующим. Например: *племянница* — ЛЗ

'дочь брата или сестры', МЗ 'женск. к племянник'; *свекровь* — ЛЗ 'мать мужа', МЗ 'женск. к свёкор'; *хряк* — ЛЗ 'боров', МЗ 'кто хрюкает'; *варенец* — ЛЗ 'заквашенное топлёное молоко', МЗ 'варёное кушанье'. — Ты за моего брата вышла, то золовка мне была. А свёкра раньше тятенька, свекровку маменькой звали (Мол. У.-Чул.). Варенец с молока варится. Холодец студить надо, он холодный (В.-Кет. Б. Яр).

Проблема соотношения мотивационного и лексического значений слов имеет не только научный, но и практический интерес (последнее в связи с лексикографированием мотивированных слов).

СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948—1964. Т. 1—17.

МАС — Словарь русского языка. М., 1982—1984. Т. 1—4.

Словарь Ожегова — Словарь русского языка. М., 1953.

М. В. КУРЫШЕВА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕМОТИВАЦИЯ СЛОВ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

(на материале среднеобских говоров)

Реализация тенденции языкового знака к мотивированности осуществляется в ремотивации. Суть ремотивации — «создание или воссоздание мотивированности слова на основе установления им мотивационных связей»[1] без изменения значения слова. В сознании диалектоносителя заимствованное (немотивированное) или исконное, но утратившее мотивационные связи слово соотносится с языковыми единицами, которые диалектоносителю кажутся однокорневыми или одноструктурными. В зависимости от особенностей такого соотнесения выделяют ремотивацию лексическую и структурную. Под лексической ремотивацией понимают обретение словом лексической мотивированности посредством связи с гетерогенными единицами языка, а под структурной — соответственно обретение структурной мотивированности через включение данного слова в ряд одноструктурных единиц[2].

В настоящей статье предпринята попытка на основе ранее и вновь выявленных случаев лексической ремотивации в среднеобских говорах уточнить вопрос о границах данного явления[3].

Рассматривая лексическую ремотивацию с точки зрения тех изменений, которые произошли в ремотивированных словах, можно выделить два вида этого процесса:

1. Звуковая оболочка слова не изменена, а значение его толкуется через включение в ряд близких по звучанию гетерогенных лексических единиц. Например:

---

[1] Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984. С. 64.

[2] См.: Там же. С. 64, 71.

[3] В работе использованы результаты эксперимента, проведенного автором в г. Колпашево, Томской области (примеры с указанием местности), а также слова, найденные в различных источниках (примеры с указанием цифрового обозначения источника).

БАБИНА — бобина. Слово, заимствованное из французского bobine[4], в говорах ассоциируется со словом БАБА. — БАБИНА вот она, на ней нитки смотаны (почему 'бабина'?). — Наверно, потому, что на БАБУ толсту похожа (Томск).

БУРАН — снежная буря. Слово, заимствованное из тюркского buran 'вертящийся, колющий', татарское buran 'метель, пурга', в говорах ассоциируется со словом БУРЯ. — БУРАН — БУРЯ, ветер, снег (2, 1).

ДУРМАН — ядовитое травянистое растение. Заимствованное из тюркского durman 'лекарство', в русском языке стало связываться с ДУРНОЙ, ОДУРЯТЬ. — ДУРМАН — его нанюхаешься, ОДУРЕЕШЬ, головая тяжёлая (Колп.).

ВОЛОКНО — непряденый лен, конопля и т. п. Этимологически связанное со словом ВОЛОС, это слово ассоциируется с лексической единицей ВОЛОЧИТЬ. — Лён ВОЛОКУТ, ВОЛОЧИТЬ — ВОЛОКНО (Колп.).

МОЧАЛКА — пучок каких-либо волокон, употребляемых для мытья. Образованное от МЪЧАТИ 'мыкать, разбирать на волокна', это слово связывают с МОЧИТЬ. — МОЧАЛКА — от слова МОЧИТЬ. Её в воде ЗАМАЧИВАЮТ (Колп.).

ПАМПУШКА — пончик, оладья. Образованное от украинского ПАМПУХА 'пышка', это слово было заимствовано из польского pampucha от немецкого Pfannkuchen 'блин, оладья'. В говорах ассоциируется с ПУШОК, ПУХЛЫЙ. — ПАМПУШКА — это пончик. Она ПУХЛАЯ, как ПУШОК, мягкая. Потому, наверно, так и назвали (Колп.).

СИТЕЦ — вид хлопчатобумажной ткани. Заимствованное из голландского sits от бенгальского chits (древнеиндийское sitrás 'пестрый'), это слово в говорах связывается с СИТО. — СИТЕЦ — ткань тонкая, как СИТО (Колп.).

СМОРЧОК — вид гриба с морщинистой шляпкой. Образовано от общеславянского СМЪРКЪ (ср.: СМОРКАТЬ), в говорах связывается с лексической единицей СМОРЩЕННЫЙ. — СМОРЧОК — СМОРЩЕННЫЙ такой гриб, потому так называют (Колп.).

СТРЕКОЗА — хищное насекомое. Это наименование образовано от глагольной основы СТРЕКАТЬ 'жалить, колоть' (ср.: СТРЕК — овод, слепень). В говорах оно сближено со словом СТРЕКОТАТЬ. — СТРЕКОЗА — от СТРЕКОТАТЬ, она, когда летит, крыльями СТРЕКОЧЕТ (Колп.).

---

[4] Этимология слов выявлена по словарям: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1946. Т. 1; 1967. Т. 2; 1971. Т. 3; 1973. Т. 4; Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971; Ганшина К. А. Французско-русский словарь: 51 000 слов. М., 1982.

ТАРАТАЙКА — легкая двухколесная повозка. Заимствование из польского языка в среднеобских говорах связывается с глаголом ТАРАХТЕТЬ. — ТАРАТАЙКА ... потому что она ТАРАХТИТ (2).

2. В большинстве случаев слова, подвергшиеся лексической ремотивации, изменяют свою звуковую оболочку под влиянием лексических единиц, с которыми их соотносят диалектоносители, В. Ченьковский назвал подобные слова 'сильными'[5], так как они как бы вытесняют из исходных слов 'слабые' (непонятные диалектоносителю, немотивированные) элементы. Например:

БИЛИТИРОВАТЬ 'реабилитировать' <БИЛЕТ. — Чуть не пять лет на ссылке был. БИЛИТИРОВАЛИ. За то, что здесь сидел, документ есть (1).

БОГОУСТРОЕННЫЙ 'благоустроенный' <БОГ. — Зачем вам эта богоустроенная? Жили бы в своёй (1).

ВАРЕВЬЯНКА 'валерьянка' <ВАРЕВО, ВАРИТЬ. — ВАРЕВЬЯНКУ от сердца пью... (4).

ВНУЛИРОВАТЬ 'аннулировать' <В НУЛЬ. — Теперь пистонов нет — ВНУЛИРОВАЛИ (1).

КРЫЛОС 'клирос' <КРЫЛО. Идут раньше молоды на КРЫЛОС, на леву и на праву руку, где псаломщик (1).

ЛАМПУЛА 'ампула' <ЛАМПА. — Была где-то ЛАМПУЛА с нашатырем, да разбилась (1).

ЛИСТРАЦИЯ 'регистрация' <ЛИСТ. — ЛИСТРАЦИЯ есть, ЗАЛИСТРИРОВАНЫ мы (1).

НИТКАЛЬ 'миткаль' <НИТКА. — Какой-то НИТКАЛЬ, какой-то голубой (1).

НОВОКОЛИН 'новокаин' <КОЛОТЬ. — НОВОКОЛИНОМ меня кололи (Томск).

ОЛИП 'олифа' <ЛИПНУТЬ. — ОЛИПЫ нет (4).

ПАХМУРНЫЙ 'пасмурный' <ХМУРЫЙ (без контекста) (5).

ПРОСТОКИША 'простокваша' <КИСНУТЬ. — ПРОСТОКИША, она и называется ПРОСТОКИШЕЙ, потому что закисает (2, *2*).

СТРАХНИНА 'стрихнин' <СТРАХ. — Зелье како-то было, СТРАХНИНА, что ли (1).

СУНКА 'сумка' <СУНУТЬ. — ... да сунешь в неё что надо, вот и сунка тебе (Томск).

СУШЕЙКА 'шоссе' <СУХО. — СУШЕЙКИ — дорожки не было... (1).

ТРУБИНА 'турбина' <ТРУБА. — Видно, они реактивные, через ТРУБИНУ действуют (4).

ШОНПОР 'шомпол' <ПОРОТЬ. — Беляки пороли ШОНПОРАМИ (1).

---

[5] См.: Cienkowski W. Teoria etimologii ludowej. Warzawa. 1972. S. 18.

Лексическая ремотивация имеет определенную связь со структурной. Эта связь проявляется, во-первых, в общей тенденции к мотивированности языкового знака, во-вторых, в членимости на значимые сегменты ранее нечленимого слова, обусловленной сближением вычленяемых сегментов с известными и понятными диалектоносителю языковыми элементами. Например, слово РАСКОПАТОР 'экскаватор', встреченное в контексте «Пригнали раскопатор, выкопали котлован...» (Томск), членится на сегменты, соотносимые с приставкой (РАС-), корнем (-КОП-) и суффиксом (-А-ТОР). Можно предположить, что сначала в слове выделилась приставка РАС- (ср.: РАСформатор 'трансформатор' (1), и через ступень РАСКАВАТОР под влиянием слов ВЫКОПАТЬ, РАСКОПАТЬ образовано РАСКОПАТОР — то, чем раскапывают. Слово стало мотивированным и лексически (РАСКОПАТЬ, ВЫКОПАТЬ), и структурно (РАСкопать — и тракТОР, элевАТОР, сепарАТОР). В существительном ПОЛУСАДИК 'палисадник' (Полусадик — маленький сад под окошками; или половина сада (Колп.)) выделились значимые сегменты ПОЛУ-САД-ИК. Слово также мотивировано и лексически (маленький сад или половина сада), и структурно (ПОЛУклиника (1), ПОЛУботинки — и домИК, огородИК).

Число слов, подвергшихся ремотивации (или народно-этимологическим преобразованиям), в разных языках колеблется от десятков до сотен. Например, украинский исследователь И. А. Дзендзелевский описал 200 слов, изменившихся под воздействием народной этимологии [6], а В. Ченьковский — 610, претерпевших процесс «реинтерпретации» [7]. Подобное расхождение частично связано с различным пониманием сути процесса и, следовательно, сужением или расширением его границ. Исследователи, понимающие под народной этимологией только такое изменение слова, в результате которого возможно осознание связи его звучания и значения с помощью лексических единиц гетерогенного характера, считают явление народной этимологии ограниченным, малочисленным, имеющим место только в диалекте и просторечии. Такого мнения придерживается, например, Ф. де Соссюр [8].

Расширяет границы народной этимологии В. Ченьковский, который выделяет четыре типа «реинтерпретации»: 1) этимологическая реинтерпретация со сменой формы слова и его значения,

---

[6] См.: Дзендзелевский А. А. Из наблюдений над народной этимологией в говорах украинского языка//Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (9—12 сентября 1975 г.): Тезисы докладов. М., 1975. С. 280.

[7] См.: Cienkowski W. Op. cit. S. 22.

[8] См.: Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики//Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 211.

2) этимологическая реинтерпретация со сменой формы слова, 3) этимологическая реинтерпретация со сменой значения слова, 4) «исключительная этимологическая реинтерпретация»[9].

Так, под воздействием 'сильного' слова piano 'пианино' akkompaniować 'аккомпанировать' было преобразовано в akkompianować 'аккомпанировать на пианино'. В результате произошло сужение значения. Данный пример В. Ченьковский отнес к первому типу. Подтипом второго вида реинтерпретации является смешение слов на базе паронимии, например, farma zon-parmezan и употребление их друг вместо друга. В третьем типе происходит смена значения слова без изменения его формы: Cyrus 'Кир — имя персидского царя' под влиянием слова cyrulik 'цирюльник' получает значение 'парикмахер'.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о границах явления народной этимологии, осмысление сути которого получило новое терминообозначение — ремотивация.

Процесс ремотивации граничит с такими явлениями, как номинация и паронимия. При различении номинации следует учитывать факт смены (расширения, сужения) значения слова. Например, у глагола ДОВЛЕТЬ значение 'быть достаточным' ныне исчезло, а под влиянием слова ДАВИТЬ сформировалось новое — 'тяготеть над кем-либо или чем-либо'[10]. Слово БЕЛОКУРЫЙ 'светло-русый' было осмыслено в среднеобских говорах как БЕЛОКУДРЫЙ. — Белокурый — белый, кудрявый... (Колп.). Появление добавочного значения ('кудрявый') сузило семантику этого прилагательного. Изменение значения слова — характерный признак процесса номинации.

Различение номинации и ремотивации нередко бывает затруднено в случаях, когда измененное слово стоит на границе этих явлений. Пограничными явлениями можно считать существительные ВЕРХОЛЁТ 'вертолет' и ЛЕКПУНКТ 'медпункт'. В среднеобских говорах сосуществуют оба варианта наименования одной и той же реалии. Значение этих слов не изменено.

Существительное ЛЕКПУНКТ отличается от существительного МЕДПУНКТ сменой иноязычного корня исконно русским, хотя внутрённяя форма последнего включена в ряд одноструктурных образований: МЕДСЕСТРА, МЕДФЕЛЬДШЕР (1). Значение обоих вариантов одно и то же — 'пункт, где лечат', причем эти слова вступают в отношения синонимии. Поэтому следует говорить не о за-

---

[9] См.: Cienkowski W. Op. cit. S. 22.

[10] См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1.

мене одного звукового комплекса другим, а о возникновении нового слова.

На первый взгляд нечто подобное произошло и в слове ВЕРХОЛЁТ. Но одноструктурных образований с элементом ВЕРТ(О)- в среднеобских говорах нет [11], тогда как с элементом ВЕРХ(О)- встречаются: ВЕРХОЛАЗ, ВЕРХОТУНЧИК 'паут' (3). Литературное название (ВЕРТОЛЁТ) подчеркивает такую особенность реалии, которая для диалектоносителя не актуальна: вертящийся винт есть и у самолета. Изменив только один звук, он (диалектоноситель) осмыслил внутреннюю форму слова как 'летающий вверху' или 'летающий с помощью винта, расположенного вверху'. Процесс осознания рациональности связи звучания и значения является ситуационно обусловленным, т. е. актуализируется определенный признак реалии, который можно соотнести с конкретным восприятием субъекта в данный момент.

Обладая некоторыми чертами номинации (использование различных корней для словопроизводства), это слово не изменило значения и приобрело новую мотивировку (ремотивировалось). Таким образом, находясь на границе явлений, оно все же тяготеет к процессу ремотивации.

Другой пример, также стоящий на границе явлений лексической ремотивации, — паронимическое смешение слов. В среднеобских говорах встречается употребление одних единиц вместо других: ГАСТРОНОМ вместо АСТРОНОМ, ПЕНСНЕ вместо ПИНЦЕТ и т. п. Примеры подобного рода приводятся и В. Ченьковским: kreda 'мел' — kredyt 'кредит', Barbara 'Барбара (имя)' — berberis 'барбарис' [12].

Однако существуют явления, которые уже нельзя отнести к паронимии, так как изменения в этих случаях обусловлены тенденцией языкового знака к мотивированности. Например, в среднеобских говорах прилагательное КАЛИЙНЫЙ преобразовано в КАЛИНОВЫЙ, КАТОЛИЧЕСКИЙ в КАПИТОЛИЧЕСКИЙ, ЕФРЕЙТОР в ЕВРЕЙТОР, ХРОНИЧЕСКИЙ в ХРАНИТЕЛЬСКИЙ и т. п. Диалектоноситель делает попытку сблизить неизвестное ему слово с известным. Это первая ступень ремотивации, но до конца процесс не дошел: слова эти не стали мотивированными. Поэтому на границе процесса лексической ремотивации был выделен особый тип — квазиремотивация [13]. Квазиремотивация — переходное явле-

---

[11] В литературном языке есть два слова с этим элементом — ВЕРТОПРАХ и ВЕРТОГРАД, но в разговорном стиле они не употребляются.

[12] См.: Cienkowski W. Op. cit. S. 34—35.

[13] См.: Блинова О. И. Процесс лексической ремотивации в говорах Сибири. Рукопись.

ние; существует потенциальная возможность перехода некоторых слов из разряда квазиремотивированных в разряд ремотивированных. Например, НАЛИСТ 'анализ' — 'записанное на ЛИСТ' (1), ГОРДЕНЦИЯ 'гортензия' — 'гордый цветок' (1).

Таким образом, процесс лексической ремотивации, рассматриваемый в русле общей тенденции языкового знака к мотивированности, предстает явлением сложным, граничащим, с одной стороны, с номинацией и паронимией, с другой — тесно связанным с явлением структурной ремотивации. Критериями отграничения ремотивации от номинации являются неизменность лексического значения исходного слова и ремотивированного, появление мотивированности у слов, ранее немотивированных или демотивированных, и ситуационная обусловленность в осознании рациональности связи звучания и значения.

ИСТОЧНИКИ

[1] Гордеева О. И., Ольговнч С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981.

[2] Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

[3] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964. Т. 1.

[4] Картотека «Вторичные заимствования в среднеобских говорах». Хранится в кабинете кафедры русского языка Томского университета.

[5] Блинова О. И. Русская диалектология. Томск, 1985. С. 80.

Т. А. ШИШКИНА

СЛОВО И СЛОВОСОЧЕТАНИЕ КАК ЕДИНИЦЫ НОМИНАЦИИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Именное словосочетание, как и отдельное слово, способно выполнять номинативную функцию, т. е. соотноситься с определенным фрагментом объективной действительности. Сохраняя номинативный статус, словосочетание является промежуточным звеном в образовании производного слова. Однако переход в универб происходит не всегда.

Задачей данной статьи является выявление факторов, способствующих сохранению и трансформации словосочетаний, реализующих два мотивировочных признака (МП) в производное сложное слово. Эта проблема неоднократно ставилась в литературе и делались попытки ее разрешения. Так, указывалось на экономичность производного слова [1], в качестве причин сохранения словосочетаний назывались отношение к различным функциональным стилям, давление единиц, уже существующих в лексической системе языка [2]. Думается, что способ выражения МП должен находиться в определенной зависимости от набора признаков, их сочетаемости и отношений между ними, т. е. своеобразных номинативных моделей. С целью выявления закономерностей реализации различных моделей номинации способом словосочетания и производного слова было проведено исследование на материале 300 диалектных названий (группа «растения») [3], распространенных на территории Сибири и европейской части страны.

---

[1] Шадрин В. И. Семантико-синтаксическое исследование существительных в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 9.

[2] См.: Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс// Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974. С. 43; Жебит Н. С. Семиологические типы номинативных единиц//Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тезисы докл. республиканск. конф. (26—28 мая 1982 г.). Гродно, 1982. С. 42—44.

[3] Названия растений взяты сплошной выборкой (Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1985. Т. 1—20; Словарь русских старожильческих говоров

Очевидно, что при выборе актуального признака, должного манифестировать понятие, складывающееся об именуемом объекте, в ряде случаев целью именующего является бо́льшая информативность названия — в основу последнего кладется два не связанных между собой признака (лесная желтуха — трава, растущая в лесу, применяемая для лечения желтухи). В основу других наименований кладется один МП (обозначим его МП[а]), с целью дополнения, уточнения, характеристики его добавляется второй МП (МП[б]), как правило, являющийся дифференцирующим элементом первого, так как МП[а] можно соотнести с обширным рядом разнородных предметов или различными видами одного рода (серебристый[б] лист[а], градо[б]бой[а]). То же происходит и при опосредованном выражении МП, когда МП[а], обозначая какой-либо признак или свойство растения, соотносит его с другими растениями, животными, предметами и т. д. Таким образом, признаки являются взаимосвязанными, а функцию единицы номинации в той степени конкретности, которая требуется коммуникативным заданием, способно выполнить лишь словосочетание в целом.

Несвязанные признаки реализуются номинативными моделями с независимыми компонентами, взаимосвязанные — с взаимозависимыми. Однако не все производные слова проходят в процессе образования этап номинативных словосочетаний, т. е. выполняют задачу отнесения денотата к определенному классу предметов и дифференцирования его в пределах этого класса. Обычный вид этих словосочетаний «прил.+сущ.», где существительное играет роль идентифицирующего, а прилагательное — дифференцирующего компонентов. Словосочетания определенного вида могут не указывать на отнесение именуемого объекта к классу предметов (бесогон — растение, которое «гонит беса»; столистник — растение, которое имеет «сто листьев»). Подобные словосочетания условно назовем «неноминативными».

В словосочетании с зависимыми компонентами между последними выделяется шесть типов связи: характеризующая, дополняющая, уточняющая, отличительная, ограничительная и относительная.

средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967. Т. 1—3; Доп. Т. 1, 2; Среднеобский словарь. Томск, 1983. Вып. 1; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1980; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968; Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976).

Характеризующая связь существует между МП характеризующего принципа номинации (Х+Х) [4], а также характеризующего и функционального (Х+Ф). При этом типе связи МП^{а} указывает прямо на морфологическую часть растения (горький ЛИСТ, завязный КОРЕНЬ) или опосредованно на ее форму (желтые БУБЕНЧИКИ, волчьи ЯБЛОКИ), расположение (бельГОЛОВА), действие (белоМОЙ). МП^{б} указывает на признак, характеризующий МП^{а} прямо по цвету (БЕЛострелка, ЖАРКИЙ цвет), вкусу (ГОРЬКИЙ струч), запаху (БЕЗДУШНЫЙ цвет), размеру (ДЛИННохвостка), характеру поверхности (ГОЛоколоска), действию (ЗАВЯЗНЫЙ корень) и др. и опосредованно: цвет по металлу (лист СЕРЕБРЯНЫЙ), характер поверхности по предмету, материалу, животному (ПУХОВЫЕ головки, БАРХАТНЫЙ листок, КОТОВЫЕ лапки), действие по суъекту (ВОРОБЬИНОЕ семя), объекту-лицу, -болезни, -части тела, -животному (МАРЬЯ-корешка, ТРЯСОВИЧНОЕ коренье — от трясовицы, ПУПОВНОЕ коренье, ВОЛЧИЙ корень), обозначается также признак «несъедобность» по животному и птице (ВОЛЧЬИ серьги, ВОРОНИН глаз). При сочетании МП характеризующего принципа номинации МП^{а} указывает на выделяющуюся морфологическую часть растения, а при сочетании МП характеризующего и функционального принципов номинации — на употребляемую.

Неустойчивые сочетания при этом типе отношений между признаками регулярно образуют модели: Х(цвет+Х) м. ч.; Х(цвет+Х) расположение (о); Х(цвет+Х)форма (о). Устойчивые сочетания возникают при мотивации всеми признаками характеризующего и функционального принципа номинации, кроме образованных по модели Ф(объект—лицо+Х) м. ч. Только в производном слове реализуется модель Х(признак действия (п)+Ф) действие (п) (табл. 1).

Дополняющая связь существует между МП характеризующего принципа номинации. При этом типе отношений МП^{а} указывает на морфологическую часть растения опосредованно по продукту, растению (желтоМОЛОЧНИК, желтый КУРОСЛЕП), на его способ растения (дружное СЕМЕЙСТВО), на форму по птице, предмету (белая КУКУШКА, желтая КУБЫШКА), свойству, признаку и др. МП^{б} непосредственно указывает на цвет растения или его части, обозначенной МП^{а} (КРАСНАЯ гвоздика, БЕЛЫЕ медо-

---

[4] В работе приняты сокращения: Х — характеризующий принцип номинации, Ф — функциональный, О — относительный; (п) — прямое выражение мотивировочного признака, (о) — опосредованное, м. ч. — морфологическая часть растения.

Таблица 1

Способ выражения мотивировочных признаков словосочетанием

Тип отношений между признаками	Номинативные модели	
Характеризующий	Х/запах, вкус+Х/м. ч. Х/поверхность+Х/располож. /о/+Х/форма/о/	Ф/объект+Х/м. ч. Ф/объект+Ф/форма/о/ Ф/действ.+Х/м. ч. Ф/субъект+Х/м. ч. Ф/несъедобн.+Х/м. ч. +Х/форма/о/
Дополняющий	Х/цвет+Х/медовитость Х/форма Х/свойство Х/способ растения	
Уточняющий	Х/хар. признак+Х/хар. признак О/птица, живот., лицо+ +Х/форма/о/ О/лицо+Х/располож. Х/способ растения	Ф/объект (лицо, часть тела) +Ф/объект (болезнь, продукт)
Отличительный	Х/размер+Х/свойство Х/приз. отрицан.+ +Х/запах/о/ +Х/форма/о/ +Х/свойство/о/ +Х/способ растения/о/ Х/цвет+Х/действ./о/ Х/призн. отрицан.+ +Ф/действ./о/ О/место+Х/форма/о/ +Х/вкус/о/ +Х/запах/о/ О/лицо+Х/свойство/о/	Ф/некультив.+Ф/действ./о/ Ф/некультив.+Х/вкус/о/ /о/ +Х/форма/о/ +Х/свойство/о/ Ф/несъедобн.+Х/вкус/о/ /о/ +Х/форма/о/ +Х/свойство/о/
Ограничительный		
Относительный	О/место+Х/м. ч. О/лицо+Х/форма +Х/м. ч. О/животн.+Х/запах/о/ +Х/м. ч.	

вики) или выражает субъективно-оценочный признак (ВЕСЕЛАЯ семья).

За исключением одного наименования (желтомолочник) все модели выражены словосочетанием. Думается, причина этого — опосредованное выражение МП[а].

Уточняющая, конкретизирующая связь объединяет МП характеризующего (Х+Х), функционального (Ф+Ф), характеризующего и относительного (Х+О) принципов номинации. При данном типе отношений МП[а] прямо указывает на наличие какого-либо признака (лимонный ДУШОК) или на действие (громоБОИНА, гузноПАЛ) и опосредованно на действие растения — субъекта по объекту и продукту, в качестве которого оно применяется (мужская ЖАБНАЯ, девичьи ПУПКИ, ЗЕЛЬЕ печенковое), а также на форму, расположение, характер растения по части тела и продукту живого существа, предмету и др. (воробьиное ОКО, богова СЛЕЗКА, венерин БАШМАЧОК). При этом МП[б] уточняет, конкретизирует признак, выраженный МП[а] (ЛИМОННЫЙ душок, ЖЕНСКАЯ жабная, МУЖСКАЯ жабная, ГУСИНАЯ лапа) или указывает на субъект действия, обозначенного МП[а] (ВЕТРобой, БОРОНоволок).

При данном типе связи устойчивыми словосочетаниями выражены модели, объединяющие МП характеризующего (Х+Х), функционального (Ф+Ф), модель Ф(объект+Ф) объект и относительного и характеризующего (О+Х) принципов номинации. Причины столь последовательного использования словосочетаний, видимо, в том, что МП (Х+Х), (Ф+Ф) модель, указанная выше, вступают в родовидовые отношения (лимонный душок, женская жабная, мужская жабная), а сочетания МП (Х+О) характеризуются яркой образностью (адамова голова, журавлиный нос, девичья красота, бабьи сплетни). Номинативная модель Ф(субъект+Ф) действие выражается только производным словом.

Отличительный вид связи распространен в моделях с МП характеризующего (Х+Х), функционального (Ф+Ф), характеризующего и относительного (Х+О) принципов номинации. При данном типе отношений МП[а] выражен, за редким исключением, метафорически и характеризует объект по запаху, цвету, вкусу, характеру растения, свойству, форме, функции и др. того предмета, которому данное растение уподобляется по признаку (малая ДУШИЦА, мелкая КАШКА, галочья ПРЯЖА, земляной ЛАДАН). МП[б] указывает на признак, отличающий именуемый объект от предмета, который обладает признаком, используемым как МП[а]. МП[б] может непосредственно указывать на цвет, размер предмета или его части (ЖЕЛТЫЕ колокольчики, МЕЛКАЯ кашка), на не-

культивируемость растения в отличие от названного МП[а] (ДИКИЙ подсолнечник, ДИКАЯ цикория), неупотребление в пищу человеком по принадлежности не человеку (ГУСИНЫЙ горох), МП[б] может просто выражать признак отрицания, т. е. приобретать в словосочетании значение 'не являющийся'. Ср.: МАЛАЯ душица — не душица, растение, имеющее запах, как у душицы, но не душица; ГАЛОЧЬЯ пряжа — пряжа, сделанная не человеком, вьющееся растение, похожее на пряжу, но РАСТЕНИЕ, а не пряжа, произведенная ЧЕЛОВЕКОМ.

Определения малый, глухой, дикий в названиях растений часто указывают на отсутствие какого-либо признака, на имеющееся отличие от предмета, указанного вторым компонентом словосочетания.

За исключением двух названий (желтосливник, белобуквица) все модели выражены словосочетанием, устойчивости которого, очевидно, способствует метафорическое выражение одного из признаков.

Ограничительный вид связи возникает в моделях при сочетании МП функционального (Ф+Ф), функционального и относительного (Ф+О) принципов номинации. МП[а] при этом обозначает действие растения-субъекта прямо (ЖИВокость 1,2[5], хвороБОЙ) и опосредованно по результату действия растения-субъекта (БОЛИголов), по объекту действия (ломоКОСТЬ, девятиБРАТ, сорокоПРИТОЧНАЯ). МП[б] ограничивает действие, обозначенное МП[а], называя его объект, субъект (ВШЕмор, нечуй-ВЕТЕР, БЕСогон), а объект-болезнь — количеством (ДЕВЯТИбратная, СОРОКОприточная). Числительное, разумеется, не называет реальное количество болезней, а имеет значение 'много'.

При ограничительной связи номинативные модели выражены производным сложным словом.

Относительная связь возникает между МП характеризующего и относительного (Х+О), функционального и относительного (Ф+О) принципов номинации. При этом типе отношений МП[а] указывает прямо на морфологическую часть растения (дорожный ЛИСТ, водяной КОРЕНЬ), действие растения-субъекта и действия на растение-объект (летоРОСЛЬ, двоеДЕР), опосредованно на форму морфологической части и запах растения (анютины ГЛАЗКИ, кошачий ЛАДАН). МП[б] служит для обозначения места растения (ВОДЯНОЙ корень), количества (ПЯТИДЕСЯТилистка), лица (ИВАНОВ корень), животного (КОШАЧИЙ корень), пред-

[5] Цифрами 1, 2 обозначаются названия-омонимы.

мета (ГЛЕЧҚопар), с которыми в реальной действительности каким-то образом соотносятся названные растения.

Реализация моделей с данным типом связи происходит словосочетанием и производным словом (табл. 2).

Таблица 2

Выражение мотивировочных признаков словосочетанием и производным (сложным) словом

Тип отношений между признаками	Выражение МП словосочетанием и производным словом (неустойчивые сочетания)	Выражение МП производным словом
	Номинативные модели	
Характеризующий	Х/цвет+Х/м. ч. /п/ +Х/располож. /о/ +Х/форма/о/ Ф/объект+Х/м. ч.	Х/размер+Х/м. ч./п/ /п/ Х/поверхн.+Х/форма/о/ /п/ Х/призн. действ.+Ф/действие/п/
Дополняющий	Х/цвет/п/+Х/м. ч. /о/	
Уточняющий		Ф/субъект+Ф/действие на растение — объект, действие, где растение — средство
Отличительный	Х/цвет+Х/форма/о/ /п/	
Ограничительный		Ф/объект+Ф/действие/п/ и /о/, где растение — субъект и средство Ф/субъект+Ф/действие /п/ О/количество+Ф/объект
Относительный		О/кол-во+Х/м. ч. О/смежн.+Ф/действие, предм., где растение — объект О/кол-во+Ф/действие, где растение — субъект, объект

Таким образом, на выражение номинативных моделей в словосочетании и производном слове влияют следующие факторы:

1. Отношения между компонентами номинативной модели. Взаимосвязанные МП могут выражаться в словосочетании и про-

изводном слове, несвязанные (за редким исключением) — в словосочетании. Сложные слова, мотивированные двумя несвязанными признаками, нерегулярны и в названиях растений почти не встречаются (золотоножка — растение с желтым цветом цветка и ничем не примечательной морфологической частью — стеблем-ножкой).

2. Традиционно закрепленная в языке способность одних номинативных моделей выражаться словосочетанием, других — производным (сложным) словом, третьих — образовывать неустойчивые сочетания, легко трансформирующиеся в производное слово. Так, модели, имеющие одним из компонентов МП «морфологическая часть растения», легко сворачиваются в производное слово (красный корень — краснокоренка). Исчезает перенос названия с части на целое, появляется указание на предмет -К- «предмет, обладающий предметом (корень) с признаком (красный)».

Модели, где один из МП непосредственно указывает на действие или количество, создают названия из «неноминативных» сочетаний (предикативных по своей сути: глагол+существительное, глагол+наречие, количественное/собирательное числительное+существительное) и номинативных сочетаний прилагательное+существительное образовывать не могут, следовательно, реализуются в форме производного слова.

3. Словосочетание устойчиво в следующих случаях: 1) если отношения между компонентами родовидовые; 2) при отличительных отношениях, когда один из МП обозначает какой-либо признак метафорически; 3) при характеризующих, уточняющих, отличительных отношениях, если создается яркое образное наименование.

А. Е. АНИКИН

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ СИБИРСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Статья 1

Данные заметки содержат часть результатов более обширного исследования, посвященного этимологизации русской сибирской лексики [1]. Ниже привлекается материал из общесибирского диалектного словника от А до Д.

АПЦЕ́НЬКИ, мн. ч. 'инструмент для выдергивания гвоздей, плоскогубцы', хаб. (Приамур. слов., 13). Первоисточник, несомненно, польск. obcęgi 'клещи, щипцы' (<нем. Hebzange 'то же' ЭСБМ, 1, 62) [2], ср. происходящее отсюда же блр. абцугі 'деревянные клещи'. Для хабаровского слова следует предполагать белорусское посредство, ср. еще новосиб. абцуги́ 'клещи, плоскогубцы' (запись автора, 1984 г., Черепановский р-н), очевидно, белорусского происхождения.

БАДЯ́РИТЬ 'просить милостыню, попрошайничать', Бурятия (Элиасов, 58) <бур.; ср. бур. (устар.) бадар 'подаяние, приношение, милостыня', бадарша(н) 'сборщик пожертвований', 'странствующий монах (лама, живущий подаянием)', монг. бадар 'сбор пожертвований, подаяний' и, далее, п.-монг. badar, badir 'чаша для подаяния' (<санскр. pātra 'сосуд для питья') (ср.: ТМС, 1, 63).

БАХУР 'внебрачный ребенок' новосиб. (Новосиб. слов., 21). Очевидно, идентично укр. ба́хур 'то же', 'бродяга, развратник', ср., далее, рус. диал. ба́хур 'любовник, франт, молодой еврей' (<евр. bāxūr 'юноша', см. подробнее: Фасмер, 1, 137; ЭСУМ, 1, 153—154).

БЕСКУЛТЫСНЫЙ, БЕСКУЛТЫШНЫЙ 'бесконечный, докучный', н.-индиг. (Биркенгоф, 179) <*без-култычный, от *култык 'конец, завершение' (с метафорическим значением), ср. н.-индиг.

---

[1] См.: Аникин А. Е. Тунгусо-маньчурские заимствования в русских говорах Сибири. Новосибирск, 1985. Вып. 1. С. 47—64.

[2] После сокращенного названия словарей указывается номер тома и страницы, после сокращенного названия других источников указываются только страницы.

култык 'глухой конец залива' и, далее, колым. култу́к 'конец, завершение чего-либо' («его речам култук не будет»), но также 'затон, старица', рус. диал. 'залив, угол, тупик' (СРНГ, 16, 71—72) <тюрк., ср. узб. култук, тат. култык 'залив' и др. (см. подробнее; Räsänen, 276; Фасмер, 2, 411).

ВА́ГА 'переменная погода летом с равномерным распределением теплых и прохладных дней', том. (СОС, 38). Поскольку данное слово обозначает некое климатическое «равновесие», его естественно объяснять как метафору рус. диал. ва́га 'вес, тяжесть, весы, рычаг' и др. (ср. также укр. ва́га, блр. ва́га и аналогичные факты в других славянских языках) <др.-в.-нем. wâga, н.-в.-нем. Wage 'весы' (в восточнославянских языках, видимо, через польское посредство, ср. польск. waga 'вес', ср.: Фасмер, 1, 263—264).

ВАЖВЕРТЬ 'приспособление для промывки золота', кем. (ССО. Доп. 1, 50). Очевидно, искажение рус. вашгерд 'лоток для промывки золотоносных пород' <нем. Waschherd 'то же'.

ВАЛЕ́Т ◆ НЕ ХВАТАЕТ ВАЛЕТОВ 'не хватает ума, рассудка', ирк. (Иркут. слов., 1, 61). Скорее всего, идентично рус. диал. (твер., пск.) вале́т 'лакей' (связано с названием игральной карты: рус. вале́т <франц. valet 'слуга, лакей', 'карточный валет', см.: Фасмер, 1, 209), ср. рус. «не все дома».

ВАРНА́ВА 'птица семейства утиных, красная утка', зап.-сиб., варна́вка 'красивая утка с гребешками на голове, живущая около соляных озер' енис. (СРНГ, 4, 55; ССЭ, 1, 445), варна́вка 'вид дикой утки, белая куропатка' г.-алт. (Талицк. слов., 69). Учитывая факты типа рус. диал. авдо́тка, авду́шка 'название утки' ~Авдотья (имя собственное), рассматриваемый орнитоним допустимо связать с именем собственным Варнава (<ст.-слав. вар(ъ)нава<греч. <евр. Barnebhuah, см.: ЭСУМ, 1, 333).

ВО́ЛМИЯ 'молния', тобол., перм. (СРНГ, 5, 42). Метатезированный вариант формы молвия 'молния' (арх., олон., влад., тобол.) (СРНГ, 18, 214—215), представляющей собой вторичное преобразование (под влиянием рус. молвить?) слова мо́лния (<праслав.* mъlni, см.: Фасмер, 2, 643), ср. еще рус. диал. мо́вия 'молния' (СРНГ, 18, 189).

ВОЛХУНО́К ◆ СИНИЙ ВОЛХУНО́К 'растение Aconītum volubile, семейства лютиковых', тобол. (СРНГ, 5, 78). Родственно вят. волхуно́га 'растение аконит высокий, семейства лютиковых' (СРНГ, 5, 78), далее ср. рус. диал. (вят.) волху́н 'волшебник' (ср. волхун-ога), вят. волхун-́ги 'волхвы' (СРНГ, 5, 78, далее см.:

Фасмер, 1, 346). К возможной мотивировке связи названия аконита с волшебством можно указать на ядовитость этого растения, использовавшегося в качестве отравы еще в древности, ср. лат. (<греч.) aconītum 'аконит', 'яд, отрава'.

ВОТДО́Р 'в сторону', сиб., забайк. (СРНГ, 5, 71). Образование с приставкой (в)от- и корнем дор- (~драть, про-драться и пр., см.: Фасмер, 1, 535, 504—505), ср. с другой приставкой, рус. диал. додо́р 'возможность протесниться' (ср.: Фасмер, 1, 521).

ГАГАНУ́ШКА 'деревянная соха', Бурятия (КСРГС). Учитывая факты типа ирк. гусь 'часть сохи' (КСРГС) (от орнитонима гусь) и, шире, хорошо известные факты использования орнитонимов для обозначения технических приспособлений (ср. рус. лебедка и пр.), рассматриваемое слово представляется возможным объяснить как производное от рус. диал. (новг., самар.) гага́н 'гусь' (~праслав. *gagati, звукоподражание, см.: ЭССЯ, 1, 83—84).

ГАГНА́СТО 'крепко', забайк. (Элиасов, 85). Наречие, подразумевающее прилагательное типа *гагна́стый, с продуктивным в говорах Забайкалья суффиксом -ст-. Из бурятского, ср. бур. гагнаа 'спайка (при паянии)', гагнаатай 'спаянный, припаянный' (~бур. гагна-'паять', х.-монг. гагна-, п.-монг. γangna-'паять')[3]. Исходное значение русского слова — 'так, как будто припаяно'.

ГАДА́Р 'толстый войлок, обшитый материей, заменяющий матрац', 'о человеке, надевающем на себя много одежды', забайк. (Элиасов, 86) <бур.; ср. бур. гадар 'внешний покров, наружная сторона, панцирь', гадарай 'наружный, внешний', гадарай буд 'материя для покрытия шубы', гадарла 'покрывать, обшивать, облицовывать' ~монг. гадар 'внешний покров', 'наружная сторона', гадарла 'покрывать, обшивать, облицовывать'.

ГА́ЗАРЬ, ГА́ЗАР 'крестьянин, занимающийся исключительно хлебопашеством и считающий, что животноводством должны заниматься другие', забайк. (Элиасов, 86; КСРГС) <бур.; ср. бур. газар 'земля, почва', 'местность', 'грунт', 'мир, суша, территория', селенг. газарша(н) 'пахарь', селенг.-тамч. 'земледелец, хлебороб' (~п.-монг. γazar 'земля, местность, страна' и др.[4].

ГАЗАРИ́СТЫЙ 'темнолицый, здоровый, чернявый, смуглолицый молодец' забайк. (Элиасов, 86); газа́рный: газа́рная белка

---

[3] См.: Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982. С. 108—151.

[4] См.: Там же. С. 161.

'черноватого цвета' забайк. (Элиасов, 86). Исходное значение приведенных слов (адъективов с суффиксами -(и)ст- и -н- соответственно) — 'землистый', ср. бур. газар 'земля' и пр., см. га́зар(ь).

ГАЗАРЛИ́СТЫЙ 'невысокий, небольшого роста, но с крепким телосложением, о человеке', забайк. (Элиасов, 86). Того же происхождения, что и газа́р(ь), газари́стый, ср. рус. приземистый.

ГАЛ 'большой лесной пожар', 'светящийся ориентир', забайк. (Элиасов, 86) <бур. гал 'огонь, костер, пожар', 'свет', 'искра' ~п.—монг. γal, х.-монг. гал, калм. ħal и др.[5] Сюда примыкает также производное гали́нка 'луг с выгоревшей травой', сходство которого с рус. диал. галь 'голое место' (<праслав. *galъ~*golъ 'голый', см.: ЭССЯ, 6, 96) вторично.

ГАЛДА́НИСТЫЙ 'обгоревший, о дереве, лесе', забайк. (Элиасов, 86). Ср. бур. галда 'жечь, сжигать', далее см. предыдущее слово.

ГАЛАХА́Й 'крапива', ирк., енис. (СРНГ, 6, 106; Иркут. слов., 1, 112), халага́й, халаха́й 'то же', забайк. (Элиасов, 436, 437) <бур.[6]; ср. бур. халаахай, монг. халагай, халгай 'крапива'~п.-монг. xalaγai~xalaxai 'то же'~бур., монг. хала-, п.-монг. xala- 'греться, нагреваться, обжигаться', 'увлекаться, входить в азарт' (ТМС, 1, 460). Относительно колебаний в анлауте русского слова (г-~х-) ср. нижеследующее:

ГАЛСА́НЫЙ 'лысый, плешивый' ирк., якут., сиб. (СРНГ, 6, 117), халза́ный 'то же', халза́н 'домашнее животное, птица с белой звездочкой на лбу', 'плешь, лысина, о плешивом человеке' забайк. (Элиасов, 437) <бур.; ср. бур. халзан 'лысый, плешивый (о человеке)', монг. халзан 'то же'[7].

ГАНГИ́СТЫЙ 'душистый, ароматный (о траве)', забайк. (Элиасов, 87). Прилагательное, образованное с помощью продуктивного суффикса -(и)ст-. Очевидно, от бур. ганга 'богородская трава, чебрец, растение, листья которого содержат эфирные масла' или монг. ганга 'то же', ср. тот факт, что аромат сожженного чебреца «использовался шаманистами как средство для очищения предметов культа, молочной водки, молока и жертвенного животного»[8].

---

[5] См.: Там же. С. 93.

[6] См.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 375.

[7] См.: Там же. С. 376.

[8] Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978. С. 38.

ГАНЗО́Л 'длинный шест, прикрепленный к журавлю колодца, погружаемый с ведром или бадьей в воду' забайк. (Элиасов, 88), 'длинный шест с толстой веревкой на конце у журавля колодца, за который прикрепляется ведро' Бурятия (КСРГС) <бур.; ср. алар., унгин. гонзоли 'жердь (у журавля колодца)', (ср. гондоэ — 'быть продолговатым'), агин. гондоли 'журавль у колодца'[9] (см.: Черемисов, 156; ТМС, 1, 264—265).

ГАНТО́ХИТЬ 'долбить', забайк. (Элиасов, 88) <бур. хоринск. гонто-'выдалбливать', ср. (со вторичной семантикой) цонгол. гонто-, монг. гонто-'жадничать, попрошайничать'[10].

ГАРАНТА́ 'ловушка для ловли диких зверей: медведей, волков, лисиц', забайк. (Элиасов, 90) <бур.; ср. тунк. гаранта 'ловушка, западня (для ловли куниц)' (Черемисов, 138); -т- русского слова вызывает сомнения (быть может, ошибочно вместо -г-, хотя такое предположение и необязательно).

ГАСУ́Р 'о человеке, который не желает подчиняться общественному порядку, противопоставляет себя обществу', забайк. (Элиасов, 88) <бур. гасуур 'упрямый (о человеке)', 'препятствие, тормоз', 'палка (при помощи которой поднимают, как рычагом, тяжесть, выворачивают пни и т. д.)', производное от бур. гаса- 'тормозить, препятствовать', 'делать наперекор, ставить в затруднительное положение', 'поднимать, выворачивать (посредством палки или рычага)', 'поддевать что-либо' (Черемисов, 57).

ГАТА́Й 'о человеке, который любит возражать, спорить' забайк. (Элиасов, 88). Ср. зап.-бур. гаатай 'вредный (о человеке), раздражительный' (Черемисов, 138).

ГЕШУ́Н, ГИША́, ГИШУ́Н 'дикорастущий ревень', забайк. (КСРГС) <бур. гэшу унэ, гэшу 'ревень'. Небезынтересно, что «до прихода русских буряты не выращивали овощей и употребляли в пищу полевой лук... ревень»[11].

ГИЗЕ́НЬ 'кушанье, приготовленное из гороховой муки и красной смородины', ирк. (Иркут. слов., 1, 44). Несомненная связь с олон. диже́нь 'кушанье, приготовленное из толокна, разведенного в квасу, в вареной процеженной бруснике или воде' (СРНГ, 8, 54), тобол. новосиб., перм., волог., арх. дежень 'кушанье, приготовленное в виде густой смеси толокна с водой или квасом, моло-

---

[9] См.: Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1979. С. 59.

[10] См.: Там же. С. 187.

[11] Там же. С. 236.

ком и под.' (СРНГ, 7, 333—335), от рус. дежа́ 'квашня, деревянная кадка'<праслав. *děža (ЭССЯ, 5, 24), ср. еще антропоним Дежнев. Относительно г- в гизень ср. тот факт, что мена д/г весьма обычна для севернорусских говоров, откуда, видимо, происходит это слово (в то же время -з- не ясно). Вместе с тем с учетом коми диал. генсень', похлебка из толокна с водой или квасом' дежень 'густая похлебка из муки с брусникой' (<рус., см.: КЭСК, 75—76; в коми известно чередование начальных г- и д- перед гласными переднего ряда) не исключено, что рассматриваемое ирк. гизе́нь, в конечном счете, является обратным заимствованием из коми.

ГУГОРЕ́ЛИНА 'горб' енис. (СРНГ, 7, 199). Родственно рус. гугля 'опухоль от ушиба, шишка', гугу́ля 'шишка на голове от ушиба' (СРНГ, 7, 198), укр. гу́гля 'шишка' и др. <праслав. *gug(ъ)la (ЭССЯ, 7, 168). Формы гугорелина, с одной стороны, и гу́г(у́)ля — с другой, совпадают лишь в корневой части; весьма точное соответствие енис. гугоре́лина (<*gug-or-) обнаруживается в лит. gaũgaras 'вершина горы' (это слово приводит Фасмер, 1, 470) (лит. gaũg-ar- = рус. гуг-ор-).

ГУДЖИ́Р 'сибирская соль' якут., забайк., сиб., иркут. 'месторождение глауберовой соли' сиб.; 'солончак' ирк., сиб. (СРНГ, 7, 201), гужи́р 'сырье для сульфата' забайк. (Элиасов, 95). Ср. бур. хужар 'солончак', х.-монг. хужир 'солончак' (~п.-монг. quǰir, калм. хужр. 'то же' [12].

ГУЛАКИ́ 'вид кушанья, приготовленного из муки и сала' новосиб. (Новосиб. слов., 112). Ср. укр. (Полесье) гулаки́ 'продолговатые пампушки на масле', гуляки́ 'большие вареники, начиненные маком, грушами или ягодами', не вполне ясного происхождения. Возможна связь с укр. гу́ля в значении 'комок теста' гула́тий 'надутый, распухлый' (ср. еще рус. простор. гуля 'шишка' и др.) <праслав. *gula (см.: ЭССЯ, 7, 169, 170; ЭСУМ, 170).

ГУТОГАН 'унты, мягкая обувь бурят и орочен из дымленой кожи овцы или ямана, с подошвой из шеи гурана или скотской кожи.., находят применение у русского населения' (Блинова—Палагина, 71) <бур.; ср. вост.-бур. гутаһан 'обувь, сапоги', зап.-бур. годоһон 'унты', баргуз. гутуһун, гутууһан, гутуун 'обувь' [13]. Конеч-

---

[12] См.: Рассадин В. И. Указ. соч. С. 30.

[13] См.: Хомонов М. П. Боханский говор//Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. С. 65; Будаев Ц. Б. Указ. соч. С. 27.

ное-һан бурятского слова представляет собой аффиксальную морфему, находящуюся в дополнительной дистрибуции с аффиксальной морфемой -л в вост.-бур., х.-монг. гутал 'обувь, сапоги' [14].

ГУТУ́ЛЫ 'сапоги на мягкой подошве с приподнятым носком, разновидность унтов' забайк. (Элиасов, 96), 'большие сапоги с толстой подошвой' вост.-сиб.; 'бродни, бахилы грубой работы, с толстой подошвой' сиб., забайк.; 'теплая домашняя обувь из козьих шкур с длинными голенищами' забайк. (СРНГ, 7, 250); 'обувь, применяемая забайкальскими бурятами и монголами' забайк. (ССЭ, 1, 701; Блинова—Палагина, 71). Ср. вост.-бур., х-монг., монг. гутал 'обувь, сапоги' ~ п. — монг. γutul, γutusun (<*γutulsun) (ТМС, 1, 170). Русские слова заимствованы из бурятского диалекта, сохраняющего исходное (не перешедшее в -а-) -у- (ср. п.-монг. γutul).

ГУТУ̀Л 'зазнайка', забайк. (Элиасов, 96). Быть может, идентично забайк. гуту́лы (ед. ч. гуту́л; см. предыдущее слово), т. е. 'зазнайка' ('=кто задирает нос') <'сапог с приподнятым носком'.

ГЫРНИЧ 'горшок', тобол. (СРНГ, 7, 253; с указанием: «в зырянском селении») <коми-зыр. диал. гырнич 'глиняный горшок' (ССКЗД, 97) <рус.; ср. рус. горнец 'горшок', др.-рус. гърньць, грьньць, горнець 'то же' (<праслав*. gъrnьсь, см.: ЭССЯ, 7, 210—211).

ДА́ГА 'маленькая курительная трубка', Бурятия (КСРГС) <зап.-бур. дааһан, тунк. дааһан 'курительная трубка' [15].

ДА́ЙЛА 'беда, несчастье', дайли́стый 'всегда готовый спорить, ссориться, задираться' (Элиасов, 98) <бур.; ср. зап.-бур. дайла- 'буянить, скандалить', бур. 'воевать, идти войной' (~п.-монг. daila-монг. дайла-'воевать' и др., см.: ТМС, 1, 190).

ДАЛАН 'небылица', забайк. (Элиасов, 98) <бур., ср. бур. дала(н) 'семьдесят (числительное)'. Бурятское слово обозначает также (переносно) идею большого количества, множества чего-либо или чрезмерной полноты какого-либо признака, качества, ср., помимо прочего, бур. далан худал 'отчаянная ложь, небылица' (Черемисов, 183).

ДАЛБА́ 'что-либо рваное, лохмотья', забайк. (Элиасов, 98) <бур.; ср. зап.-бур. далбаа, далбага 'отвисающий лоскут', бур. 'парус, паруса', мухор.-шиб. далбаа 'полотнище' (Черемисов, 184).

---

[14] См.: Рассадин В. И. Указ. соч. С. 155.

[15] См.: Абашеев Д. А. Тункинский говор//Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1. С. 28.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки: блр. — белорусский, бур. — бурятский, греч. — греческий, др.-в.-нем.— древневерхненемецкий, др.-рус. — древнерусский, калм. — калмыцкий, коми-зыр. — коми-зырянский, лат. — латинский, монг. — монгольский, н.-в.-нем. — нововерхненемецкий, нем. — немецкий, п.-монг. — письменномонгольский, польск. — польский, праслав. — праславянский, рус. — русский, санскр. — санскритский, ст.-слав. — старославянский, тат. — татарский, узб. — узбекский, укр. — украинский, франц. — французский, х.-монг. — халха-монгольский. Диалекты и говоры бурятского языка: агин. — агинский, алар. — аларский, баргуз. — баргузинский, вост.-бур. — восточно-бурятский, зап.-бур. — западно-бурятский, окин. — окинский, селенг. — селенгинский, селенг.-тамч. — селенгинско-тамчинский, тунк. — тункинский, унгин. — унгинский, хорин. — хоринский, цонгол. — цонгольский. Говоры русского языка: арх. — архангельские, вост.-сиб. — восточно-сибирские, волог. — вологодские, вят. — вятские, г.-алт. — горно-алтайские, енис. — енисейские, зап.-сиб. — западно-сибирские, забайк. — забайкальские, ирк. — иркутские, н.-индиг. — нижнеиндигирские, новг. — новгородские, новосиб. — новосибирские, олон. — олонецкие, орл. — орловские, перм. — пермские, пск. — псковские, самар. — самарские, твер. — тверские, том. — томские, хаб. — хабаровские, якут. — якутские.

Источники и этимологические словари

Биркенгоф — Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М., 1972.

Блинова—Палагина — Блинова О. И., Палагина В. В. «Сибирская советская энциклопедия» как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979.

Иркут. слов. — Иркутский областной словарь. Иркутск, 1971—1973. Т. 1—3.

КСРГС — Картотека Словаря русских говоров Сибири (ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск).

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. МС. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Новосиб. слов. — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Приамур. слов. — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

СОС — Среднеобский словарь. Дополнение. Томск, 1983.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1985. Вып. 1—20.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

ССО Доп. 1. — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. 1. Томск, 1975.

ССЭ — Сибирская советская энциклопедия. Б. м., 1929—1931. Т. 1—4.

Талицк. слов. — Богданов В. Талицкий словарь. Барнаул, 1981.

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975—1977. Т. 1—2.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Черемисов — Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Элиасов — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭСБМ — Этымалагiчны слоўнiк беларускай мовы. Мiнск, 1978—1980. Т. 1—2.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—1983. Вып. 1—12.

ЭСУМ — Этимологичний словнiк української мови. Київ, 1982. Т. 1.

Räsänen—Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Л. А. ИНЮТИНА

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИСХОДНОГО СОСТОЯНИЯ ТОМСКОГО ГОВОРА НАЧАЛА XVII в. ПО ДАННЫМ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ «МАТЕРИНСКИХ» ГОВОРОВ

Для восстановления лексической системы исходного состояния томского говора начала XVII в. необходимо определить состав лексических единиц и системные отношения, существовавшие в каждом «материнском» говоре, функционировавшем в этот период в районе Томского острога. Попытаемся представить системные связи слов внутри лексико-семантической группы «названия земельных пашенных угодий» в речи носителей восточной группы севернорусских говоров.

Известно, что восточная группа севернорусского наречия в начале XVII в. была представлена в Томске и на «подгородном поле» 376 носителями [1]. Это были переселенцы из Белослудского стана Устюжского уезда — 5 человек (Белослудцы и Белослудцовы), с реки Ваги Важского уезда — 24 (Бубенной, Вершинины, Важенины, Кокшар, Мангазея, Мангазеины, Парамоновы, Недомолвины, Цынбал, Черной), из Вологды и уезда—13 (Астроханцовы, Васильев, Вахромеев, Вологженины, Жданины, Крестинины), из Комарицкого стана Устюжского уезда—3 (Комариченины), из Пермской земли — 3 (Пермитины. Щепеткин), из Соли Камской и уезда — 41 (Бурундуков, Вилежанины, Доронины, Засухин, Згибнев, Кожевниковы, Нос, Пичунины, Саламатовы, Сартаковы), из Чердыни — 5 (Поповы, Ус. Чердынец, Чердынцов), из Яренского уезда — 28 (Банщиковы, Большенины, Большенинов, Вымитин. Дьяконов, Кривой, Масловы, Палтырев, Плотники, Попов, Родюковы, Рычко, Торобукин, Шубин) [2].

Используя принцип классификации названий земельных угодий, предложенный Л. Ю. Астахиной [3], ограничим круг описывае-

---

[1] Русские говоры Среднего Приобья/Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1. С. 44—45.

[2] Перечислены выходцы только тех местностей, данные о говорах, которых мы использовали в работе.

[3] См.: Астахина Л. Ю. О некоторых особенностях наименований полевых участков в сельскохозяйственных книгах XVI — нач. XVIII вв.//Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 106—120.

мой в данной работе лексики словами, обозначавшими какой-либо участок земли, обрабатываемый под посев зерновых культур или подготовливаемый под пашню [4]. Рассмотрим подробно, какие взаимосвязи были характерны для лексем, объединенных общим семантическим признаком «угодье, регулярно обрабатываемое, используемое под посев зерновых культур в говорах восточной группы севернорусского наречия.

Полисемичное слово ПОЛЕ [5] в первом значении 'угодье, используемое для выращивания хлеба (вообще)', было синонимично слову ПАШНЯ (это доказывается схожестью отраженных в документах ситуаций и отсутствием лексем в одном контексте).— —И потаенно насъ тотъ нашъ закладнои животъ ПОЛЯ и пожни и скотъ продаетъ и закладуетъ [6] (Протоп., 132). ...а купили они тое пустошь с ПАШНЕЮ и с росчистьми и с займищи и с лугами (Пол. Е. Н., 32) ... да из насиианые ржы с ПОЛИА как бгъ совершитъ на осень сростет (ДПВК, 48). В этот синонимический ряд входили также словосочетания ПАШЕННАЯ ЗЕМЛЯ, ПАХОМАЯ ЗЕМЛЯ, ПАШЕННОЕ МЕСТО, ПАХОМОЕ МЕСТО, ПАШЕННЫЙ ЛЕС. —...а в межах те ПАШЕННЫЕ ЗЕМЛИ и луга с верхнюю сторону речки Сылвы... (Пол. Е. Н., 32); ... подписал землю свою ПАХОМОЕ МЕСТО на Цыдве погоста а межи тому ПОЛЮ со встоку с ним же Фотием (Пол. Е. Н., 35); Заложили деревню со всеми хоромы пожни ПАХОМЫЕ ЗЕМЛИ со всемъ без вывода (Протоп., 125).

Можно предположить, что названные лексические единицы являлись семантически абсолютными синонимами и различались степенью употребительности в речи [7]. Вероятно, были и другие причины их одновременного функционирования в лексической системе говоров, но тексты, которыми мы располагаем, не дают пока оснований для более конкретных выводов [8].

---

[4] Исключая «социальный» аспект, безотносительно к тому, кому принадлежал этот участок, кто его обрабатывал.

[5] Второе значение слова ПОЛЕ — «безлесное пространство, не обязательно распаханное».

[6] Тексты даются так же, как в используемых источниках. В скобках указано сокращенное название источника и страница. Буква «ять» заменяется знаком Ъ, буквы греческого алфавита — русскими, буквы «И десятиричное», «УК», «юс малый», «фита» заменяются соответственно буквами И, У, Я, Ф.

[7] Специальных подсчетов мы не делали, но в исследованных деловых памятниках названные словосочетания встретились только по одному разу, а примеры употребления слов ПОЛЕ и ПАШНЯ нередки.

[8] Е. Н. Полякова называет ряд причин одновременного употребления разных слов синонимического ряда (см.: Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников XVII — нач. XVIII вв. и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 61—62).

Из-за недостаточной информативности текстов трудно точно определить значение слова ПОЛИЩЕ и, следовательно, решить, входило ли оно в синонимический ряд ПОЛЕ — ПАШНЯ — ПАШЕННАЯ ЗЕМЛЯ—ПАШЕННОЕ МЕСТО—ПАШЕННЫЙ ЛЕС—ПАХОМАЯ ЗЕМЛЯ — ПАХОМОЕ МЕСТО[9]. Поэтому мы включаем сюда слово ПОЛИЩЕ лишь предположительно.— Купили совсемъ кошоное мѢсто и ПОЛИЩА ПАШЕННОЕ МѢСТО и поскотинное с присыпми и причисми (Протоп., 208); тои мои пожне кулиге и ПОЛИЩАМЪ и поскотинному мѢсту межи (Протоп., 208).

ОРАНИНА, ОРАМОЕ МЕСТО, РОЛИЯ обозначали вспахиваемое поле, но Е. Н. Полякова[10] отмечает, что в соликамских говорах XVII в. слова с корнем -ОР- имели более конкретное значение по сравнению со словами с корнем -ПАХ-, и называли такие участки, которые вспахивались непосредственно под посев, а не вообще.— Купили пожни и путики и угодья рыбные а межа по край ОРАНИНЫ (Протоп., 202). Слупе да Ивану на юшкате пожня на овинном веретее и съ ПОЛЕМЪ съ ОРАМЫМ МЕСТОМ (Протоп., 122); ...а межа с конецъ РОЛИИ да на перезу да напуть (Протоп., 260).

Наименованиями пашенных земель являлись также слова, обозначавшие определенные части общей запашки в системе трехпольного севооборота: ПАР, ПАРЕНИНА, ОЗИМОВОЕ, ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ, ЯРОВОЕ ПОЛЕ и ПЛУЖЕНИНА. Слова ПАР, ПАРЕНИНА и сочетание ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ были синонимичны друг другу и называли ту часть поля, которую отводили под пар, отдыхать. ПЛУЖЕНИНА и ЯРОВОЕ ПОЛЕ по семантическому дифференциальному признаку «время использования угодья под посевы — весной или осенью» были противопоставлены слову ОЗИМОВОЕ.— ... дал от мнстрьсково от ЯРОВОГО ПОЛЯ от житнитва сороки члков ... (ДПВК, 41); наимовал боронит ПАРЕНИНУ и ОЗИМОВОЕ (ДПВК, 41); Пахомую ЗЕМЛЮ и не пахомую ЧИСТУЮ и подъ лѢсомъ заложил (Протоп., 204); Иван посеял на ПАР пшеницы по 2 насыпки (Астах., 109)[11]. ... ужато

---

[9] А. Протопопов считал, что слово ПОЛИЩЕ обозначало совокупность угодий: «пахотное поле, поскотинное и огородное» (см.: Протопопов А. Сборник слов из яренских столбцов... С. 208).

[10] См.: Полякова Е. Н. Лексика местных деловых памятников... С. 61—62.

[11] Помимо материалов деловых документов мы использовали результаты анализа сельскохозяйственной лексики XVII в. восточной группы севернорусских говоров, приведенные в указанных работах Л. Ю. Астахиной, Е. Н. Поляковой,

и свожено з десятин с мнстырские ПАШНИ и с ПЛУЖЕНИНЫ... (Астах., 109).

Поскольку хлебные посевы производились не только на регулярно обрабатываемые земли, но и на земли, вновь освоенные, только что очищенные и выжженные от леса или кустарника, то в описываемую лексико-семантическую группу органично входили в XVII в. лексические единицы: 1) с корнем -ГАР-: ГАРЬ[1], ГАРЕВОЕ МЕСТО; 2) с корнем -СЕК- (-СЕЧ-): ПОДСЕКА, СЕЧИЩЕ, ОСЕК, ОСЕЧИЩЕ, СЕЧА; 3) с корнем -ЧИСТ-: ПРИЧИСТЬ ПРИЧИСТНОЙ ЛЕС, НОВОЧИСТЬ, НОВОРОСЧИСТЬ РОСЧИТЬ; 4) с корнем -ТЕРЕБ-: НОВОТЕРЕБ, ПРИТЕРЕБ; 5) с корнем -ПАЛ-: ПАЛНИК, ПАЛЬ, а также слова ПРИПРЯДЬ, ЧЕРТЕЖ, ДЕРБА, НОВИНА[1], НИВА, ПРИПАШЬ.

Взаимосвязи этих слов друг с другом и внутри лексико-семантической группы сложны и многообразны. Например, слова ГАРЬ[1] и НОВИНА[1] имели омонимы[12], а некоторые лексемы (ЧЕРТЕЖ, НИВА, ПОДСЕКА, НОВИНА[1]) были многозначны и с разными значениями входили в различные синонимические ряды. Наблюдалась такая закономерность развития переносного значения в этих словах: 'участок с уже подсеченными деревьями' (ЧЕРТЕЖ (1) или 'участок с подсеченными и выжженными деревьями, но еще не паханный' (ПОДСЕКА (1), НОВИНА[1] (1), НИВА (1)) и 'участок, расчищенный от леса и используемый под пашню': ЧЕРТЕЖ (2), НИВА (2), ПОДСЕКА (2), НОВИНА[1] (2). ... какъ поѢхали НОВИНЫ сетчи (ДПВК, 89); ...да в том же долговом лѢсу Никифоръ Иванов сынъ Киряков высѢкъ НИВУ (ДПВК, 13); ...а ПОДЧЕРЧИВАН вязник и осинник и всякий лес а черчен тот ЧЕРТЕЖ Степаном (Пол. Е. Н., 45); ...да в том же ПОЛЕ в ЧЕРТЕЖУ полоса земли (Пол. Е. Н., 45); ...а в НОВИНАХ и ленъ и жито посѢяны все к тои деревне (Протоп., 204).

Мы попытаемся показать системные отношения всех перечисленных в работе лексем (таблица). В графах по вертикали находятся синонимы, характеризующиеся общим лексическим значением и одинаковым дифференциальным семантическим признаком. В ряде случаев это абсолютные синонимы: СЕЧИЩЕ—

а также: Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии: Пособие по спецкурсу. Калинин, 1978. 83 с.; Варникова Е. Н. Из истории ойкономии Тотемского уезда//Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 157—165; Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья//Очерки по лексике севернорусских говоров/Ред. Н. А. Мещерский. Вологда, 1975. С. 3—187.

[12] ГАРЬ² — «запах от чего-либо горелого», НОВИНА² — «кусок нового холста, тканина».

ОСЕК — ОСЕЧИЩЕ — СЕЧА[13], НОВОЧИСТЬ — НОВОРОСЧИСТЬ[14].

Сложнее определить характер отношений, в которые вступают слова, объединенные, стержневым лексическим значением, но имеющие разные дифференциальные признаки. В первом случае это отношения типа «целое и его части» (ПОЛЕ (1), ПАШНЯ, их синонимы — целое и части: ЯРОВОЕ ПОЛЕ — ПЛУЖЕНИНА — ОЗИМОВОЕ—ПАР, ПАРЕНИНА, ЧИСТАЯ ЗЕМЛЯ), где названия частей общей запашки противопоставляются по дифференциальным признакам: «время использования угодья под посев — весной или осенью» и «обрабатываемое поле—отдыхающее поле».

Во втором случае слова-синонимы с корнем -ОР- противопоставлены словам синонимического ряда в графе 7 в отношении «давно и постоянно обрабатываемый участок» — «новый участок, очищенный от леса».

Слова с третьим лексическим значением ЧЕРТЕЖ (1), ПРИЧИСТНОЙ ЛЕС, СЕЧИЩЕ, ОСЕК, ОСЕЧИЩЕ, СЕЧА, ПОДСЕКА (1), НИВА (1), НОВИНА (1), СУКИ и ПРИТЕРЕБ, НОВОТЕРЕБ обозначают первую стадию подготовки земли под пашню, а слова ГАРЬ[1], ГАРЕВОЕ МЕСТО, ПАЛЬНИК, ПАЛЬ — последующую стадию, когда деревья или кустарник уже выжжены.

Наконец, следует отметить еще одно интересное явление, которое наблюдается в исследуемой группе лексем. Слова, различающиеся лишь одним дифференциальным признаком (графы 5 и 7, 8 и 10), не только образуют разные синонимические ряды, но оказываются словами с разными лексическими значениями, причем многие из них являются полисемичными.

Как видим, в данной лексико-семантической группе в сложные парадигматические отношения вступают термины пашенного и подсечно-огневого земледелия. Это подтверждает выводы исследователей сельскохозяйственной лексики XVII в. о том, что терминология пашенного земледелия в начальный период образования национального русского языка еще только формировалась.

Таким образом, мы попытались описать, какие системные отношения существовали внутри одной лексико-семантической группы в речи первых поселенцев Томска, выходцев из северо-восточной части Московского государства. Можно предположить, что эти особенности в определенной мере характеризовали и томский говор, формировавшийся в начале XVII в. Необходимо, конечно, учесть, что результаты нашего исследования еще не окончатель-

---

[13] См.: Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии... . С. 27.

[14] См.: Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов... . С. 33.

Таблица

Дифференциальные семантические признаки

Лексические признаки	Участки, регулярно используемые под пашню				Вновь осваиваемые участки					
					очищенные от леса			очищенные от кустарника		
	обрабатыв. под посев	обрабатыв. под посев осенью	отдыхающая земля	вся запашка в целом	с подсечен. деревьями	с подсечен. и выжжен. деревьями	очищен. от леса, уже используемые под посев	очищен. от кустарника	с очищен. и выжжен. кустарником	очищен. от кустарника и использ. под посев
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пашенный земельный участок, обрабатываемый вообще	яровое поле плуженина	озимовое	пар паренина чистая земля	поле (1) пашня пашенная земля пашенное место пахомая земля пахомое место пашенный лес *полище роспашь						

Продолжение табл.

.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пашенный земельный участок, обрабатываемый под посев или впервые				оранина орамое место ролия			новина[1] (2) чертеж (2) новочисть новоросчисть причисть росчисть приприядь подсека (2) нива (2)			пальник паль
Припашные, запольные земли				припашь	чертеж (1) причистной лес; сечище осек осечище, сеча подсека (1), нива (1), суки новина[1] (1)	гарь[1] гаревое место		притереб новотереб		

ны и что не вся указанная лексика и не все ее особенности были присущи реконструируемому томскому говору, так как его основа не была монодиалектной[15]. Проблема реконструкции лексической системы вторичного говора требует дальнейшего изучения.

СОКРАЩЕНИЯ

ДПВК — Деловая письменность Вологодского края XVII — начала XVIII вв. Вологда, 1979. 108 с.

Протоп. — Протопопов А. Сборник слов из яренских столбцов XVI—XVII вв.//Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854. Т. 1. С. 120—144, с. 198—208, 252—272.

Пол. Е. Н. — Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. Пермь, 1972. 46 с.

Астах. — Астахина Л. Ю. О некоторых особенностях наименований полевых участков... С. 106—120.

---

[15] См.: Русские говоры Среднего Приобья... С. 44—46.

О. Г. ЩИТОВА

СТАТУС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СЛОВ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТОМСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII в.

Для определения статуса западноевропейских заимствований в томской разговорной речи XVII в. представляется целесообразным учет следующих факторов: 1) общерусский или диалектный характер анализируемых единиц, их диалектная принадлежность; 2) абсолютное число употреблений каждого слова западноевропейского происхождения в памятниках Томского острога XVII в.; 3) удельный вес словоупотреблений западноевропейских слов в томских документах XVII в.; 4) «прочность вживания» иноязычных слов в русский язык, сохранение или несохранение их до современного состояния общерусского языка и современных среднеобских говоров.

Для установления локально-нелокальной природы заимствованных лексем словарный материал сопоставлялся с лексическим составом памятников рассматриваемой эпохи, написанных на других территориях России XVII в. В первую очередь привлекаются московские памятники, «язык которых начинал отражать общерусские лексические нормы»[1]. Учитываются сведения древнерусских словарей и лексиконов XVII—XIX вв., а также их негативные показания.

1. Основная часть западноевропейских слов томских деловых документов XVII в. имеет общерусский характер. Это подтверждают материалы Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. (М., АН СССР). Заимствование конца XVI в. из польского языка слово *збруя* 'снаряжение, принадлежности' в XVII в. уже стало широко известным жителям не только западных территорий Руси, но и центральных и северных районов: «А они, враги божии, пришед великим собранием, святую обитель разорили ... и всякую конскую и санную збрую и наши келейные рухледи... пограбили

---

[1] Хитрова В. И. Диалектная лексика в языке русской письменности XVII в.: (к постановке вопроса о путях выделения диалектизмов)//Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 60—65.

без остатку» (1671 г.) [2]; Велимъ ихъ смотрЪть [3] на конехъ во всякой ратной збруЪ [4]; А владЪти ему егумену и з братею тое мелницею и с хоромы и землею и со всею мелничною збруею чемъ мы тое мелницею сами владЪли (1636 г.) [5]. Из контекстов КДРС видно, что рассматриваемое заимствование часто встречается в московских памятниках, документах, связанных с Польшей, Персией и Востоком; употребление лексемы не окказионально и не вызвано польским языковым окружением, а является общерусским. Полонизм *збруя* зафиксирован в литературных произведениях и в разнообразных деловых памятниках.

Германизм *кармазин* отмечен в севернорусских, среднерусских и южнорусских памятниках письменности XVII в. — Да тому Степану приказано товаръ с Вологды беречь идо Великово Новагорода довесть. Да нечто золотца попадеть законново, будет мошно, и ты его залезъ, и камокъ кармазину и иными цветами, и ты их однолищно... промысли (первая половина XVI в.) [6]; Куплено в Великом НовЪгородЪ у новгородца посадского члвка у Ивана Васильева... отласу кармазинного цвЪту десят аршини... (1669 г.) [7]; Государь... поминовахъ Донского атамана ...велЪлъ ему дать... камку кармазинъ десять аршинъ (1640—1646 гг.) [8].

Заимствование из баварского языка *селитра* отмечается в письменных памятниках разной территориальной принадлежности. Это в первую очередь московские документы. — ...по уговору своему Романь селитряникъ тое селитры ему не отдаеть... (1622 г.) [9], а также деловые бумаги Казани, Вологды и др. — ...зелье и селитру и ядра и свинец и пищали и затинные и ручные и всякий городовой снаряд... [10]; ... зелье и свинец, и селитра, и сЪра, и нефть велЪно намъ отпустити ко государю к МосквЪ тотчас (1615 г.) [11]. Следовательно, возможен вывод об общерусском характере заимствования *селитра*.

---

[2] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1962. Т. 3. С. 138.

[3] Здесь и далее буква «ять» заменяется буквой Ъ.

[4] Записные книги Московского стола 1636—1663 гг.//РИБ. Т. 10.

[5] Акты Александрова Свирского монастыря XVII в.//Рукопись ЛОИИ, ф. 3. оп. 1.

[6] Грамота новгородца//Русские акты Ревельского городского архива/Под ред. А. Барсукова. СПб., РИБ. 1894. Т. 15. С. 87.

[7] Книга приходно-расходная Иверского монастыря//Рукопись ЛОИИ, ф. 181, оп. 2, № 53, л. 308—308 об.

[8] Донские дела. СПб., 1906. Кн. 2. С. 256 (РИБ. Т. 24).

[9] Акты Московского государства: Разрядный приказ//Московский стол. СПб., 1890. Т. 1. С. 175.

[10] Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг.//Материалы по истории народов СССР. Л., 1932. С. 2.

[11] Отписка вологодского воеводы//Архив П. М. Строева. Пг., 1917. Т. 2. С. 362.

Ранние актуализации в памятниках XV в. полонизма *шкода (шкота)* связаны с документацией польско-русских отношений. В XVII в. слово *шкода* было распространено по всей территории Московского государства, начиная с самого крайнего севера — Соловецких островов, — включая Обонежье, Олонецкий край, центральные районы страны: Москву, Псков, Тулу, Астрахань — и южные донские регионы, а также Сибирь (Свирский монастырь, Томск); — ...учинили ... старцу великую шкоту, и его, де, старца пограбили [12]; ... и в том им шкоты и лишних налог не чинит (1664 г.) [13]; ... и тому ж хлѣбу великую шкоду учинили [14]; ... государевымъ людямъ чинить многие шкоты (1657 г.) [15]; ...и от тои их винной продажи чинитца мнстрю великая шкота (1675 г.) [16] и мн. др. Интересующая нас лексема встречается в статейных списках русских послов не только из Польши, но и из Средней Азии, Грузии, Англии, Персии. Следовательно, употребление слова *шкода* (*шкота*) в этих документах не является окказиональным, вызванным влиянием польского языка.

Можно сделать предположение о диалектном характере слов *шлях* и *шляхта*. По данным Картотеки Древнерусского словаря, полонизм *шлях* встречается в памятниках, отражающих южновеликорусское и средневеликорусское наречие (воронежские, курские, харьковские, донские, московские, астраханские), а также территориях, связанных с польскими поселенцами (томские, якутские). — Велѣл ихъ устроить на вѣчное житье на поле на Муравском шляху (1639 г.) [17]; ... только де урывались небольшими людьми на Крымскую степь под Татарские шляхи, которые ходили воевать въ Литве (1649 г.) [18]; И берегли того на крѣпко, чтобъ Бакаевымъ шляхомъ, и на просѣки и иными мѣсты въ наши украйные города воинские люди безвѣстно не прошли (1660 г.) [19]; И тогда я ѣздил и сакмы осматривал ино коннского шляху чает было ло-

---

[12] Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае// Чтения ОИДР, 1868. Кн. 1. Смесь. С. 118.

[13] Акты Олонецкой воеводской избы 1597—1666 гг.//ЛОИИ, ф. 98.

[14] Акты Дедиловской воеводской избы 1659—1732 гг. (Тульская губерния)// ЛОИИ, ф. 134, оп. 2.

[15] Донские дела. — Пг., 1917. Кн. 5. С. 253 (РИБ. Т. 34).

[16] Акты Александрова Свирского монастыря XVII в.//Рукопись ЛОИИ, ф. 3, оп. 1.

[17] Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI—XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. Харьков, 1886. С. 15.

[18] Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. С. 278 (РИБ. Т. 29).

[19] Акты Московского государства: Разрядный приказ//Московский стол. — СПб., 1890—1901. Т. 3. С. 216.

шадей за шестьдесят[20]. В севернорусских памятниках XVII в. это название проезжей дороги не отмечено. Факт неизвестности данной лексемы северновеликорусскому наречию подтверждается также отсутствием ее в мангазейских деловых документах XVII — первой половины XVIII вв.[21], так как «в Мангазее и ее уезде в XVII в. проживали уроженцы территорий севернорусского наречия»[22].

О заимствовании из польского языка *шляхта* применительно к XVII в. можно говорить как о диалектном, связанном с западными, южными и центральными областями русского государства и территориями поселений поляков (Шацк, Дон, Минск, Смоленск, Москва, Тула, Тобольск, Томск и др.).— Ратные люди, смоленская шляхта и из Белогородского полку конные и пѢшие люди, по се число ко мнѢ... в Шацкой не бывали (1670 г.)[23]; Шли татаровя изъ Литвы съ полономъ, и казаки де у татаръ отбили литовского полону, ляховъ шляхтъ человѢкъ с тридцать, и привели на Донъ (1648 г.)[24]; ... бутто полскому и литовскому полону шляхте и мещаном и пашенным мужиком учинена всѢм свобода и отпускъ без разбору (1667 г.)[25]; ТоѢ ж присылки ссылные ж люди шляхта: порутчик Ватслав Унецкий, Степан Круглин (о лицах, сосланных в Тобольск за 1554—1662 гг.)[26].

2. Наибольшим числом употреблений в томских памятниках XVII в. отличаются общеславянские заимствования из германских языков *князь, царь, купить*. Большая частота употребления слов *князь* и *царь* в деловых памятниках допетровской эпохи обусловлена не только языковыми причинами, но и внелингвистическим фактором: документы часто адресованы царю, носящему также титул великого князя, здесь множество ссылок на царские указы и т. п.; томские воеводы являлись одновременно князьями. Большая значимость торговых отношений в общественной жизни русского государства обусловила широкое функционирование в речи слова *купить*.

---

[20] Акты Астраханской воеводской избы XVII в.//ЛОИИ, ф. 178, № 1794, отписка № 2.

[21] См.: Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII— первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.

[22] Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966. С. 20.

[23] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1957. Т. 2. С. 45.

[24] Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. С. 278 (РИБ. Т. 29).

[25] Акты Тульского губернского правления, № 67, ст. 1//ЛОИИ, ф. 134, оп. 2.

[26] Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России//Чтения ОИДР, 1903. Кн. 3, отд. 3. С. 39—75.

Велика частота употребления названий мер веса *пуд* и *фунт,* заимствований XIV в. Причем лексема *пуд* используется в речи томского населения в значительной степени чаще, чем *фунт*. Внеязыковой причиной такого преимущества крупной меры веса является оптовый характер ввоза многих товаров в Томск из центральных областей Московского государства, пудами измерялись «пушечные запасы».

Исключительное значение для Томского острога имели оборонительные и наблюдательные сооружения — башни, и им уделяется пристальное внимание при описании города и острога. Поэтому по числу употреблений в письменных памятниках заимствование XVI в. *башня* очень заметно выигрывает по сравнению со многими западноевропейскими словами, в том числе и заимствованными в более ранние эпохи.

В XVII в. широко распространенным было название льняной ткани *холст*, что подтверждается значительной частотой употребления этого заимствования в томских памятниках. Если шерстяные и шелковые ткани в XVII в. в основном привозились из заграницы, то льнопрядение было известно русским с давних времен. Холсты высылались в Сибирь на жалованье служилым людям, ружникам и оброчникам и изготовлялись местными жителями. Абсолютное число употреблений слова *холст* поэтому больше, чем таких названий тканей, как *шелк, бархат, атлас (отлас), лундыш, стамед, трип.*

В условиях суровых сибирских зим людям была необходима теплая одежда: шубы и шапки. В описях имущества разных слоев населения Томска частыми являются эти названия. Об особенной популярности общего головного убора — шапки — и о тяготении этого слова в памятниках Посухонья XVII в. к общему названию теплых головных уборов говорит Г. В. Судаков [27].

Из номинаций посуды широтой функционирования отличаются слова *блюдо, котел, торель.*

Военная терминология (*збруя, пансырь, пистолет, пушка, полк, солдат*) менее часто употребляется в томских памятниках письменности XVII в., чем бытовая лексика.

3. Степень западноевропейского влияния на словарный состав томских памятников письменности XVII в. может быть выражена в том, какая часть лексики документов связана по происхожде-

---

[27] См.: Судаков Г. В. Бытовая лексика в деловой письменности Посухонья (названия головных уборов)//Системные отношения в лексике северно-русских говоров. Вологда, 1982. С. 93—94; Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности: XVII — первая половина XVIII вв.: Новосибирск, 1985. С. 51.

нию с западноевропейскими языками. Удельный вес словоупотреблений западноевропейских слов и их производных вычисляется отношением числа словоупотреблений лексем с западноевропейскими корнями к общему числу словоупотреблений.

Абсолютное число употреблений западноевропейских слов и их производных в томских деловых документах XVII в.

князь	600/300[28]	котел	12/2	солдат	4/4	королек	2	селитра	1/1
царь	400/200	блюдо	12/1	атлас	4/2	лук	2	скорлат	1
купить	246/49	мастер	12/1	пансырь	4/1	полковник	2	спикидарнои	1
пуд	115/32	бархат	9/2	верблюд	4	протазан	2	стамед	1
башня	64	торель	9/1	гаруснои	4	ротмистр	2	трип	1
фунт	39/21	ларешнои	7	пистолет	4	шнурок	2	шкатула	1
холст	34/8	пара	7	шкода	4	рейтар	1/3	шлях	1
шуба	46	кабак	6/5	полк	3/17	анис	1	шпанка	1
лазоревои	22	табак	5/2	мушкет	3	кипа	1	щелок	1
шапка	21/14	збруя	5/1	кармазин	2/6	милдалныи	1	ярмарка	1
польскои	27	лундыш	5	шляхта	2/1	мушкат	1	яхонт	1/1
шелк	16/4	пушка	4/28	кнут	2	пистоль	1		

Совершенно очевидно, что от содержания делового документа во многом зависит выбор лексического материала. Так, в челобитных и статейных списках часты употребления слов *князь* и *царь*[29], так как они обязательны в традиционных зачинах, концовках и других штампах этих документов. В таможенных, приходных и расходных книгах среди иноязычных слов западноевропейского происхождения преобладает древнее германское заимствование *купить*. В использовании других иноязычных слов не наблюдается подобной зависимости от типа делового документа.

Удельный вес слов с западноевропейскими корнями в челобитных, сказках, отписках томских воевод выражается примерным соотношением 1:64; в статейных списках — 1:21; в таможенных книгах — 1:84. Если в наших расчетах не учитывать словоупотребления заимствований *князь, царь* и их производных, то цифровые данные значительно изменяются. В некоторых памятниках на одно слово с западноевропейским корнем (без учета слов *князь, царь*

[28] В числителе приводится абсолютное число употреблений иноязычных слов, в знаменателе — их производных.

[29] Ср. частоту употребления этих слов (7904 и 4132), указанную в словаре А. А. Гинзберг (См.: Частотный словарь русского языка второй половины XVI—начала XVII вв. — Пермь, 1974. С. 11).

и их дериватов) приходится около 300 или даже 900 лексем незападноевропейского происхождения. Средняя цифра такого соотношения для всех использованных нами томских деловых памятников письменности XVII в. (а их около 3500 листов рукописей) составляет 1:300. Среднее соотношение словоупотреблений западноевропейских иноязычных слов (без учета их дериватов) и лексем незападноевропейского происхождения — 1:72. На одно словоупотребление западноевропейской лексемы с вычетом общеславянских заимствований *князь* и *царь* в томских документах XVII в. приходится около 340 слов незападноевропейского происхождения.

4. Одним из доказательств прочного вхождения заимствованного слова в русскую разговорную речь XVII в. может служить факт наличия данной лексической единицы в современном русском литературном языке и современных среднеобских говорах. Из 61 реконструированной иноязычной лексемы XVII в. 57 вошли в словари современного русского литературного языка без пометы «областное». Часть их изменила свою нормальную сторону: *милдал* → миндаль, *мушкат* → мускат, *спикидар* →скипидар, *торель (тарель)* → тарелка, *шкатула* → шкатулка. Естественно, что и значения ряда слов получили дальнейшее развитие.

Отдельные западноевропейские заимствования перешли из активного в пассивный словарный запас современного русского языка, получив помету «устаревшее». Это историзмы, приобретшие такой статус в связи с исчезновением реалий из современной жизни носителей русского языка. Историзмами стали лексемы, характеризующие общественно-политический уклад страны прошлых веков: *князь* и *царь;* названия военных чинов царской армии: *рейтар* — солдат кавалерии в наемных армиях Западной Европы в XVI—XVII вв. и в России в XVII в. (АН-III, с. 701); *ротмистр* — офицерский чин в дореволюционной русской кавалерии, соответствовавший чину капитана в пехоте и других войсках, а также лицо в этом чине (АН-III, с. 734); наименования оружия: *мушкет* — старинное ручное огнестрельное оружие с фитильным замком (АН-I, с. 1405); *панцирь* — старинный доспех в виде рубахи, обычно сделанный из плотно сплетенных мелких металлических колец, для защиты от поражения холодным оружием (АН-I, с. 127); *протазан* — старинное оружие, копье с плоским наконечником (АН-1, с. 1427); номинации старинных тканей: *кармазин* — старинное тонкое сукно красного цвета (АН-I, с. 821); *стамед* и *стамет* — вид шерстяной ткани, теперь не изготовляемой (АН-I, с. 715).

Слово *шкода* 'убыток, изъян, вред, порча' сохранилось в русском языке как просторечное.

Заимствование *королек*, мн. *корольки* было известно в русском языке XIX в. (Даль, с. 161), а в настоящее время в литературном языке помечается как устаревшее (АН-I, с. 1412: «Корольки — Устар. Ожерелье из кораллов») и распространено в современных среднеобских говорах в значении 'бусы' (ТС, 2, 96).

В современном русском языке и его говорах не сохранились названия тканей *лундыш* и *скорлат* и лексема *шпанка* 'испанская игла'. Причиной исчезновения из русского языка слов *лундыш* и *шпанка* послужило то, что называемые реалии перестали вводиться из заграницы с исчезновением такой необходимости. *Лундыш* 'английское сукно' объяснялось как «старое» уже в XIX в. (Бр.-Эф., т. 16, с. 106). Итальянизм *скорлат* был вытеснен из русского языка до XIX в. Он не зафиксирован ни в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, ни в словаре В. И. Даля.

В современных среднеобских говорах и русском литературном языке не употребляется полонизм *шлях*, он вытеснен словами *дорога, тракт*. «Шлях — на Украине и Юге России: наезженная дорога, тракт» (АН-III, 4, с. 724).

Таким образом, под статусом заимствований мы понимаем общерусский или диалектный их характер, частоту употребления каждого слова и удельный вес словоупотреблений иноязычных лексем в памятниках письменности, прочность вхождения их в русский язык.

Западноевропейские заимствования томской разговорной речи XVII в. являются в основном общерусскими. Диалектный характер имели лишь полонизмы *шлях* и *шляхта*. Слово *шляхта* с течением времени распространилось по территории всего русского государства, а лексема *шлях* оказалась вытесненной в конкуренции с исконно русскими образованиями.

Абсолютное число употреблений западноевропейских заимствований зависело не только от языковых причин, но и от внелингвистических факторов. Более ранние по времени вхождения в русский язык иноязычные слова отличаются значительной частотой употребления в памятниках письменности XVII в. Общерусский характер заимствованных лексем влечет за собой большую их функциональную активность. Экстралингвистические факторы — общественно-политическая ситуация в стране, активизация торговых отношений, национальный и диалектный состав томского населения, степень распространения обозначаемых реалий и др.— влияли на абсолютное число употреблений каждого отдельного иноязычного слова.

Количественные данные позволяют сделать вывод о том, что удельный вес западноевропейских заимствований в разговорной

речи XVII в. был невелик. Основную часть словаря составили исконно русские слова. XVII век не являлся периодом массового проникновения западноевропейской лексики в русский язык и его разговорную разновидность. Но в то же время русский язык допетровской эпохи нуждался в обозначениях новых реалий, новых понятий общественного уклада и военного строя, в уточнении существовавших понятий. Эта потребность удовлетворялась не только за счет исконных средств русского языка, но и в результате процесса лексического заимствования из языков Западной Европы. В течение каждого периода истории русского языка его лексика пополнялась заимствованиями. Для отдельных из иноязычных слов XVII век был предысторией, когда становление их значений еще не завершилось, ассимиляция и адаптация в принимающем языке не была полной. Но основная часть употреблявшихся в русской разговорной речи XVII в. лексем западноевропейского происхождения функционировала и на более поздних этапах существования языка, сохранилась в русском языке до настоящего времени.

СОКРАЩЕНИЯ

АН-I — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950—1965. Т. 1—17.

АН-II — Словарь русского языка. М., 1981—1985. Т. 1—4.

Бр-Эф. — Энциклопедический словарь. СПб., Изд. Ф. А. Брокгауз и А. И. Эфрон, 1890—1904. Вып. 1—82.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978—1980. Т. 1—4.

КДРС — Картотека Древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР).

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

ОИДР — Общество изучения древностей российских.

РИБ — Русская историческая библиотека.

ТС — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1975. Т. 1—3. Дополнение. Ч. 1—2.

Л. И. ШЕЛЕПОВА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ И ЯЗЫКОМ «СИБИРСКИХ» СПИСКОВ ПРОЛОГА

К изучению Пролога, являющегося переводом «Менология» византийского императора Василия II и существовавшего в Древней Руси и Московском государстве в сотнях списков, обращались исследователи как в прошлом столетии, так и в наше время[1]. В последние годы систематически и целенаправленно изучает Пролог в лингвотекстологическом аспекте Л. П. Жуковская[2]. В докладе, прочитанном на IX Международном съезде славистов, ею были представлены основные итоги этого изучения: введены в научный оборот сами факты существования отдельных списков Пролога сентябрьской половины года (около 400 списков); отмечено наличие — отсутствие в рассматриваемых списках разных по происхождению групп текстов; дана обобщенная типологическая характеристика спискам на уровне принадлежности к двум типам Пролога (нестишному и стишному) и их основных редакций; показана намечающаяся текстология отдельных статей Пролога. Л. П. Жуковская осознает предварительность своих выводов, поскольку изучение списков проводилось методом зондирования:

---

[1] См.: Сергий. Полный месяцеслов Востока: Восточная агиология. 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 1. С. 303—336; Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 36—42; Бубнов Н. Д. Славяно-русские прологи//Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. Фет Е. А. О софийском Прологе конца XII — начала XIII вв.//Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 78—92; Она же. Новые факты к истории древнерусского Пролога//Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 53—70.

[2] См.: Жуковская Л. П. О якобы датированных списках стишного Пролога XV в.: (Троицкое собрание ГБЛ)//История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1980. С. 74—121; Она же. О южнославянском влиянии XIV—XV вв.: (На материале проложного Жития Евгении)//Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26—59; Она же. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: (избранные византийские, русские и инославянские статьи)//Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 110—120.

рассматривались отдельные сюжеты (21 статья). В полном же годовом составе Пролог включает более 1500 сюжетов, которые варьируются текстологически. Поэтому для лингвотекстологического изучения Пролога «нужны десятки исследователей, имеющих возможность целенаправленно изучать памятник в его списках многие годы»[3].

В обобщающих таблицах Л. П. Жуковской, в которые введены указанные выше сведения о Прологах, не нашли отражения списки, хранящиеся в Государственной публичной научно-технической библиотеке Новосибирска (назовем их условно по месту хранения «сибирскими» Прологами). Всего здесь представлено 13 списков: 9 — из коллекции М. Н. Тихомирова, 4 — из других собраний. Рукописи содержат проложные чтения на сентябрьскую половину года (Q. II. 38 — XV в., F. VI. 8 — XVI в., Тих. 311 — кон. XVIII в., Тих. 543 — кон. XVIII в.), на мартовскую половину (Тих. 557 — XV в., Тих. 556 — XVI, F. VI. 9 — XVI в.), на целый год (Q. VI. 22 — XIX в.), на осеннюю четверть года (Тих. 559 — XVI в.), на зимнюю четверть года (Тих. 520 — XV в., Тих. 561 — XVI в., Тих. 551 — XVI в.), на август месяц (Тих. 400 — кон. XVIII в.). Таким образом, в книгохранилище СО АН сосредоточены списки Пролога XV—XIX вв.[4] Все они, за исключением списка F. VI. 9, нестишного типа[5].

Материалом для нашего анализа послужили 11 статей византийского происхождения, представленных в чтениях за сентябрь месяц в трех рукописях XV—XVI вв.— Q. II. 38, F, VI. 8, Тих. 559. В задачу исследования входит выявление некоторых текстологических примет и лексических особенностей данных рукописей. Нами избрана методика текстологического и лингвотекстологического анализа, описанная в работах Д. С. Лихачева и Л. П. Жуковской[6].

Из собственно текстологических примет мы обратили внимание на характер расположения статей в анализируемых списках,

---

[3] Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога. С. 111.

[4] Мы не проводили палеографического анализа рукописей, датировку их указываем по данным хранилища.

[5] Некоторые из названных рукописей упоминает в своей статье Е. А. Фет, при этом ошибочно относит к мартовской половине список Тих. 551, к сентябрьской половине—списки Тих. 520, Тих. 561. Все эти списки на зимнюю четверть (см.: Фет Е. А. О софийском Прологе конца XII—начала XIII вв. С. 78). В другой статье (Новые факты к истории древнерусского Пролога... С. 57) Е. А. Фет относит рукопись Тих. 559 к выявленной ею 3-й редакции Пролога.

[6] См., напр.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. 640 с.; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. 368 с.

на дополнения или опущения части текста в рассматриваемых чтениях.

По расположению исследуемых текстов списки отличаются значительным единством. Тексты находятся в чтениях на одни и те же дни сентябрьского месяца и либо начинают собой чтения определенного дня, либо заканчивают их; иногда рассматриваемыми текстами заполняется весь день. Указанное единство списков демонстрируется в следующей таблице. Здесь цифрами (1, 2, 3...) показана последовательность анализируемых статей в наборе чтений на тот или иной день. Если текст открывает чтения дня или завершает их во всех трех списках, то цифра не ставится[7].

Представленный материал является еще одним подтверждением существования в прошлом единого источника списков Пролога. Характер же заголовков и особенно анализ состава чтений на сентябрь месяц в целом свидетельствует о принадлежности анализируемых рукописей, скорее всего, к разным редакциям. Очевидно, первую редакцию[8] представляет список Q. II. 38 (здесь на сентябрь месяц содержится 137 статей, из них только одна славянского происхождения — убиение князя Глеба, других славянских статей не встречается на всем протяжении данного списка). Возможно, ко второй редакции относится список F. VI. 8 (здесь 145 сентябрьских чтений, статей славянского происхождения — западнославянских и древнерусских — 4: убиение князя Глеба, житие Людмилы чешской, житие князя русского Михаила и Федора, страсть Вячеслава, князя чешского). В списке из собрания М. Н. Тихомирова (Тих. 559) — 195 сказаний сентября месяца, статей славянского происхождения — 9. Кроме содержащихся в списке F. VI.8 здесь помещены славянские статьи: память Иоанна, архиепископа новгородского, представление Киприяна, митрополита Московского, память князя Федора смоленского, память чуда от псковской иконы, преставление игумена Сергия Радонежского, еще раз память Иоанна, архиепископа великого Новгорода. Не случайно последний список Е. А. Фет анализирует в составе рукописей, которые представляют собой третью переделку текста

---

[7] По техническим причинам в текстах буква «ять» заменена буквой Ъ, буква «шт» передается знаком Щ, знак титла опускается, «йотованное а» заменяется буквой Я, вместо «юса малого» поставлена буква Я, надстрочная буква Т над омегой заменяется надстрочной чертой.

[8] Впервые на существование двух редакций древнерусского Пролога, определяемых по характеру соотношения статей славянского и неславянского происхождения, обратил внимание архимандрит Сергий (Сергий. Указ. Соч. С. 303—336).

	F.VI.8	Q.II.38	Тих. 559
2 сентября	В тои(ж) днь слово о оуноши, совлачивъши(м) мертвеце и паки покаявшим сЯ (л. 4 об.—5 об.)	В тои(ж) днь слово ω оуноши, съвлачивши(м) мртвыа и пакы покаЯ(в) сЯ спсе сЯ (л. 6—7 об.)	В тои же днь слово ω юношЪ, совлачившемъ мертвеца и паки покаЯвшем сЯ (л. 9—10 об.).
3 сентября	Мца того(ж) въ. г. днь стаго сЩенномү(ч)нка Анфима блгослови ω(ч) (л. 5 об.) 2. В тои(ж) днь стыЯ мү(ч)нцы Василисы (л. 5 об.—6)	М(с)ца того(ж) .г. стго сЩеном(ч)нка Анфима, еп(с)па никоми(д)ска(г) (л. 7 об.—8) 3. В тои(ж) днь стра(с)ть сты Ям(ч)нцы Василы (л. 8—8 об.)	М(с)ца того же въ .г. днь стаго сЩенномчнка Анфима, еп(с)кпа никомидіискаго (л. 10 об.) 3. В тои(ж) днь стыЯ мчнцы Василисы великіЯ (л. 10 об. — 11 об.)
4 сентября	Мца того(ж) въ. д. днь стра(с)ть стаго сЩенномү(ч)ника Вавилы и с ни(м) г. мла(де)нець (лл. 6 об.) 2. В тои же днь сты(х) мү(ч)нкъ Феодора и Міяна и Оуліяна и Ќіона (л. 7). 3. В тои же днь стр(с)ть стыЯ мү(ч)нцы Ермионы (л. 7—7 об.) 4. В тои(ж) днь слово ωлимониса о мнисе, его(ж) хотЪ оуби(т) срачининъ (л. 7 об.)	М(с)ца того(ж) въ .д. стго сЩенном(ч)нка Вавилы и с нимъ .г. младенець (л. 9 об.) 2. В тои(ж) днь сты(х) мчнкъ Феω(до)ра и Миана і Оуліана, Океα(на) (л. 9 об.—10) 3. В тои(ж) днь стыЯ м(ч)ницы Ермиωны, дЩери Филиппа ап(с)ла (л. 10 —10 об.). 6. В тои(ж) днь слово ω лімониса ω мнисЪ, его(ж) хотЪ оубити срачінинъ (л. 11—11 об.)	М(с)ца того же въ .д. днь стр(с)ть стаго сЩенномоученика Вавилы и с нимъ тре(х) мл(д)нцъ (л. 12 об. — 13). 3. В тои же днь стыхъ мчнкъ Феодора и Міана и ОуліЯна и Ќіона (л. 13 об.—14) 5. В тои же днь памЯть стыЯ Ерміоніи, единыЯ ω четырехъ дЩеріи стаго ап(с)ла Филиппа (л. 15—17). 6. В тои же днь слово ω лимониса ω мнисЪ, его же хотЪ оубити сарацынинъ (л. 17—17 об.)
5 сентября	2. В тои(ж) днь стаго мү(ч)нка АвдЪЯ (л. 8) 3. В тои(ж) днь стаго мү(ч)нка Фүθаила и ВевЪи, сестры е(г) (л. 8—8 об.)	2. В тои(ж) днь страсть стго м(ч)нка АвъдиЯ (л. 12— 12 об.) 3. В тои(ж) днь стра(с) сты(х) мчнкъ Фоуфаила и ВевЪи (с. 12 об.)	2. В тои же день стыи мүченикъ АвдЪи, сүкоκоватымъ жезліемъ біемъ, сконьчасЯ (л. 18—18 об.) 3. В тои же днь стаго мчнка Фифаила и Фивеи, сестры е(г) (л. 18 об.)

6 сентября	В тои же днь пре-п(д)бнаго ѡца на-шего Два(д) бывша-го прежде ра(з)бои-ника (л. 11—11 об.)	В тои(ж) днь прп (д)бнаго ѡца нашего Двда, бывша(г) пре (ж) разбоиника (л. 15—16 об.)	В тои же днь препо-добнаго оца нашего Дв-да, бывшаго прежде разбоиника (л. 23—24 об.)
12 сентября	В тои же днь сло(в) о Евлогіи мнисе и о ниЩе(м) расслабле-немь (л. 21—23)	В тои(ж) днь сло-во ѡ патерика ѡ Еνлогіи мнисѢ и ѡ раслабленѢмь (л. 27 об.—30 об.)	В тои же день слово ѡ Евлогіи мньсѢ и ѡ ниЩе(м) разслаб-ленѢ(м) (л. 48 об.—51)

Пролога, осуществленную, по мнению исследователя, в XV в. в Пскове[9].

Анализируемые списки отличаются почти полной сопоставимостью рассматриваемых текстов. Случаи собственно текстологического варьирования (введение или опущение целых фраз, отрывков, иное изложение сюжета) относительно редки. Тем не менее они не позволяют относиться к спискам Пролога как к абсолютным копиям, к стандартным рукописям. Покажем случаи подобного рода варьирования на примере одного из чтений — Слова о юноше. При сопоставлении приводим данные еще двух рукописей XIV в., выполненных на пергамене (ЦГАДА, собрание библиотеки Синодальной типографии, ф. 381, № 161 и 163), относящихся, соответственно, ко II и I редакциям[10].

Всего в рассмотренных текстах выявилось 15 подобных текстологических разночтений. Эти различия позволяют объединить, во-первых, списки II редакции (F. VI. 8 и Тип. 381—161), в которых обнаружено 10 общих разночтений; во-вторых, списки I редакции (Q. II. 38 и Тип. 381—163), здесь наблюдается 8 общих разночтений. Особое положение занимает список Тих. 559: в нем выявлено 6 разночтений, повторяющихся в списке F. VI. 8, 5 разночтений не встречаются больше ни в одном из представленных списков, остальные разночтения роднят данную рукопись с разными анализируемыми списками. Таким образом, предположение о редакциях «сибирских» списков Пролога, основанное на анализе набора чтений в каждой рукописи (в частности, на сентябрь месяц), кажется, подтверждается особенностями изложения текстов (случаи дополнения или опущения части текста).

---

[9] См.: Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога. С. 57.

[10] См.: Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога... (обобщающие таблицы).

F.VI.8	Q.II.38	Тих. 559	Тип. 381—161	Тип. 381—161
не востанеши скоро ѡсюдѢ и на ѡбычныЯ с нами поидеши, ожидають тебе блудници, прикүпи, не поидеши ли скоро, напитаешисЯ похоти	но въстани скоро и напитаеши(с) похоти	и что не востанеши скоро ѡсюдѢ и на ѡбычнаЯ с нами поидеши, се ожидають тебе блүдницы и прикүпы, что не поидеши скоро да напитаеши сЯ похоти	не въстаеши скоро ѡсюду і на обычныи с нами поидеши, ожидають тебе блудниці и прикупи, да поидеши ск(о)ро, напитаеши(с) похоти	не въстанеши скоро и напитаеши сЯ похоти тоя
бе(з) беды пожи(в) во гробе до живота своего; бгү нашему слава, ѡцү и снү	бгү на(ш)	бе(з) бѢды поживъ во гробѢхъ до живота своего	бу же на(ш)	бу нашем

Список Тих. 559 выделяется еще и тем, что некоторые статьи (о Василисе, Анфиме, Ермионии) отличаются совершенно особым пространным изложением сюжетов. Эти статьи оказываются текстологически несопоставимыми: подобное изложение не встречается ни в одной из привлеченных нами рукописей (F. VI. 8, Q. II. 38, Тип. 381—161, Тип. 381—163, а также в просмотренных списках, хранящихся в ГБЛ: собр. Маркушевича. ф. 755. № 4, собр. Большакова, ф. 37, № 222, собр. Музейное, ф. 178, № 3755, собр. Рогожского кладбища, ф. 247, № 508, собр. Румянцева, ф. 256, № 320, собр. Троице-Сергиевское, ф. 304, № 726). Для сравнения приведем отрывок из жития Василисы по спискам ГПНТБ.

Дав собственно текстологическую характеристику анализируемым «сибирским» спискам Пролога (на материале 11 статей византийского происхождения), обратимся к разночтениям языкового порядка, которые встретились в исследуемом материале. Мы остановимся лишь на тех различиях, которые касаются словарного состава списков. Нас интересуют слова, образованные от разных корней. При установлении текстологической значимости выявленных лексических разночтений мы учитываем следующее предупреждение Л. П. Жуковской: «Встретившись с лексическими разночтениями, исследователь-текстолог обязан ответить на вопрос, были ли отношения парности и, следовательно, взаимозаменяемости, между лексемами, составляющими разночтение. Ответить на этот вопрос в подавляющем большинстве случаев очень трудно. Особенно осторожным приходится быть в случаях, когда

F.VI.8	Тих. 559
В тои(ж) днъ стыЯ мγ(ч)нцы Василисы. Сія беяше при Діоклитіяне цари и АлександрЪ игемоне. ЖивγЩи внЪ града никомидіискаго сγЩи .θ. лЪ(т), пребывшγ гоненію ѡ гемона, и пре(д) Александро(м) исповЪдавши имЯ влки ха, біена бысть по лицγ и обнажена бывши, мγ(ч)на бы(с)ть; по се(м) провертЪша еи пЯты, на ключи желЪзне повЪсиша ю оуже(м) стре(м) гла(в), и по(д) кγриша ю пекло(м) и сЪрою... л. 5 об.	В тои же днь стыЯ мчнцы Василисы великіЯ. Александрγ ѡбладаюЩγ Никомидіею, гонение бЪЯше на хр(с)тіЯны, и сіЯ представши пред Александромъ, и по вопрошеніи повелЪ бити лице еЯ, и абіе она блгодарЯЩи бга, за него же по лицγ біема. Слышавъ же игЪмонъ, повелЪ совлеЩи с неЯ ризы и ѡставити ю нагγ и жезліе(м) бити. Она же большее блгодареніе бгу воздаЯше. Разъярив же сЯ игЪмонъ повелЪ вЯЩьше бити ю, и толико біена бысть по всемγ тЪлγ, яко быти плоти ея едина язва... (л. 10 об.).

мы склонны дать отрицательный ответ, так как современное языковое сознание, недостаточная осведомленность в памятниках древней письменности и сама неполнота этих материалов иной раз заставляет видеть разницу в значениях сопоставляемых слов там, где в древности было единое значение и единое употребление или где эти различия были в достаточной степени аморфными»[11]. В анализируемых текстах трех «сибирских» рукописей встретилось 45 лексических разночтений. Приведем некоторые из них и затем попытаемся сделать вывод о значении выявленных лексических разночтений для текстологической классификации списков. Лексические разночтения будут сравниваться только в текстах, сопоставимых во всех трех списках. По-прежнему приводим данные еще двух пергаменных рукописей (ЦГАДА, Тип. 381, № 161 и 163). Лексические разночтения, как правило, представляют собой бинарные соотношения. Они приводятся сразу с контекстами двух противопоставленных по данной лексической особенности списков. Контексты других списков, содержащих эти же лексические разночтения, не приводятся, указываются лишь их шифры. В необходимых случаях при определении значений слов привлекаются данные словарей[12].

[11] Жуковская Л. П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях//Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 21.

[12] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 1—3 (Срезн.); Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978—1980. Т. 1—4. (Даль); Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1983. Вып. 1—10. (СлРЯ XI—XVII вв.); Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд/Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12. (Труб.).

Слово о юноше

1. ПРЕТЕРПЕВАШЕ немощнγю и(х) силу (F. VI. 8, л. 5; также Q. II. 38, Тип. 381—161, 163) — ПРЕОДОЛЪВАШЕ немощнγю и(х) силγ (Тих. 559, л. 9 об.).

ПРЕТЕРПЪВАТЬ «переносить, испытывать терпя, перестрадать; подчиняться чему неволей» (Даль, т. 3, с. 397), ПРЕОДОЛЪВАТЬ «одолевать, осилить, побороть, победить, превозмочь, покорить, низложить и подчинить себе» (Даль, т. 3, с. 394).

Страсть Федора...

2. и ввергоша Я во ОГНЬ (F. VI. 8, л. 7; также Тих. 559, Тип. 381—161, 163) — и ввергоша Я в ПЕЩЬ (Q. II. 38, л. 10).

Страсть Фуфаила и Вевеи

3. ха со ДЕРЗНОВЕНiЕ(М) исповЪдаста (F. VI. 8, л. 8—8 об.; также Тих. 559, Тип. 381—161) — и ха не ОБИНОУЮЩЕ(С) исповЪдаюЩе (Q. II. 38, л. 12 об.) — и х(с)а не ОБИНУЯСЯ пропов Ъдасъта (Тип. 381—163).

ДЕРЗНОВЕНИЕ — здесь «смелость, отвага; решительность (СлРЯ XI—XVII вв., вып. 4, с. 227); ОБИНОВАТЬСЯ, ОБИНУТЬСЯ, црк. «колебаться, сомневаться, недоверять, опасаться двоякого, неверного исхода; скрывать, таить, умалчивать из опасенья» (Даль, т. 2, с. 584).

Житие Давида

4. такъ бЪ ЗОЛЪ (F. VI 8, л. 11, также Тих. 559, Тип. 381—161. 163) — тако ДИВЕНЬ (Q. II. 38, л. 15).

Старослав. ДИВИИ «дикий», болг. ДИВ «дикий» (Труб., вып. 5, с. 35—36).

5. бесныЯ ИЗБАВИ (F. VI. 8, л. 12; также Q. II. 38, Тип. 381—161, 163) — бесныя ИСЦЪЛИ (Тих. 559, л. 24 об.).

Слово о Евлогии

6. и все ра(з)сыпа(в) ИМЪНiЕ свое (F. VI. 8, л. 21; также Q. II. 38, Тих. 559, Тип. 381—161) — и все ЖiТЬЕ свое расыпа(в) (Тип. 381—163).

ЖИТИЕ — здесь «имущество, богатство, хозяйство» (СлРЯ XI—XVII в., вып. 5, с. 117); ИМЪНИЕ — здесь «имущество, богатство» (СлРЯ XI—XVII в., вып. 6, с. 226—227).

7. в ЛЪНОСТИ(ж) бысть не могіи со (д)рγжиною быти (F. VI. 8, л. 21; также Тих. 559, тип. 381—161, 163)—в РАЗМЫШЛЕНІИ (ж: бывъ и не могыі съ дроужною быти (Q. II. 38, л. 27 об.).

8. покою его до дне СМЕРТИ его (F. VI. 8, л. 21 об.; также Тих. 559, Тип. 381—161, 163) — покою е(г҃) по всЯ дни ЖИВОТА моего (Q. II. 38, л. 28).

9. и ПРИНЕСЕ и в до(м) свои (F. VI. 8, л. 21 об.; также Q. II. 38, Тип. 381—161, 163) — и ПРИВЕЗЕ в домъ свои (Тих. 559, л. 49).

Более соответствует содержанию текста употребление формы ПРИВЕЗЕ, поскольку нищий в дом Евлогия был доставлен на осле.

10. с ЧЕСТіЮ и с ЛЮБОВіЮ возвратиста сЯ в кЪлію свою (F. VI.8, л. 23; также Тих. 559, Тип. 381—161, 163) — с ЧИСТОЮ ЛЮБОВіЮ възвратитеСЯ в вашю келію (Q. II. 38, л. 30 об.). Лексическая замена относится к содержанию фрагмента. Изменение смысла подчеркивается и употреблением другой глагольной формы (вместо аориста двойственного числа — простое будущее время).

Выявленные лексические разночтения, как правило, представляют собой синонимические замены. Лексические расхождения, изменяющие смысл сходных фрагментов текста, очень немногочисленны (они приведены нами почти полностью под цифрами 1, 7, 8, 9, 10). Учет в целом 45 лексических разночтений (в том числе и синонимических, имеющих, как известно, незначительную текстологическую значимость), позволяет объединить списки II редакции (F. VI. 8 и Тип. 381—161) по 32 общим лексическим разночтениям. Близко к ним примыкает список I редакции Тип. 381—163. Выделяется рукопись Q. II. 38, которая по 14 лексическим разночтениям противопоставляется всем другим сопоставляемым спискам. Список Тих. 559 содержит 11 особых лексических разночтений.

Таким образом, наблюдения над текстом и языком трех «сибирских» рукописей XV—XVI вв. (в сопоставлении с другими рукописями, хранящимися в ЦГАДА и ГБЛ) позволяют сделать вывод о принадлежности анализируемых списков к разным редакциям Пролога. Причем наблюдения над языком (лексическими особенностями) необходимо считать предварительными, поскольку выявлено пока немного лексических разночтений, которые могли бы стать текстологическими приметами.

З. П. НИКУЛИНА

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ ПРОЗВИЩА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

(на материале прозвищ населения Кемеровской области)

Одним из ономастических средств называния лица являются прозвища, широко представленные не только в говорах и просторечии, но и в разговорной форме литературного языка. Исследователи неоднократно обращали внимание на структурное многообразие русских прозвищ, хотя считать их достаточно изученными в этом аспекте оснований нет.

Обычно структурный тип прозвища определяется в зависимости от характера языковых единиц, выступающих в качестве базы онома. Так, В. А. Флоровская, Е. Ф. Данилина все прозвища по структуре делят на три группы: однословные, прозвища-словосочетания и прозвища, по структуре равные предложению [1]. Привлечение более широкого материала позволило Н. П. Клюевой, кроме указанных групп, выделить и такие структурные типы, как прозвища-аббревиатуры и прозвища-формулы [2].

Преобладают среди прозвищ однословные единицы, поэтому они прежде всего попали в поле зрения исследователей и получили многоаспектное описание. В частности, на структурно-грамматические особенности однословных прозвищ (грамматическое выражение их и структуру) обращают внимание Е. Ф. Данилина, Н. П. Клюева, В. Т. Ванюшечкин [3] и др.

Не оставлены без внимания и прозвища других структурных типов, особенно прозвища-словосочетания. Описание многочисленных подтипов двухкомпонентных и многокомпонентных прозвищ-словосочетаний дается с учетом частеречной принадлежности

---

[1] См.: Флоровская В. А. Прозвища в русских говорах Кубани//Этнография имен. М., 1971. С. 144; Данилина Е. Ф. Прозвища в современном русском языке//Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 286—288.

[2] Клюева Н. П. Структура и орфография прозвищ//РЯШ, 1979, № 4. С. 92—94.

[3] См.: Данилина Е. Ф. Указ. соч. С. 286; Клюева Н. П. Указ. соч. С. 93; Ванюшечкин В. Т. Семантическая и словообразовательная структура диалектных прозвищ//Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Т. 2. С. 89.

компонентов, а иногда и их местоположения по отношению друг к другу[4].

Одни исследователи ограничиваются только выявлением подтипов прозвищ-словосочетаний и прозвищ-предложений, другие исследуют структуру их в связи с орфографией. Функционирование прозвищ указанных структурных типов до сих пор не рассматривалось. Лишь Е. Ф. Данилина указывает на возможные номинативные варианты прозвищ-предложений: «... заметно стремление прозвищ-предложений к лексикализации. Это выражается, во-первых, в том, что любая единица из класса прозвищ осознается как нерасчлененная характеристика, во-вторых, в эллипсисе в речи, а именно параллельно с прозвищами-предложениями встречаются прозвища-слова или словосочетания»[5].

Объектом нашего исследования являются прозвища сложной структуры, включающие в свой состав более одного компонента. Эти прозвища мы называем многокомпонентными. В качестве составляющих в них могут выступать не только отдельные лексемы, существующие в языке, но и «отзвуки» слов, не только слова самостоятельных частей речи, но и служебные, междометия и междометные образования, не только «целое» слово, но и аббревиатурное образование и т. д. Материалом для наблюдений послужили прозвища жителей Кемеровской области.

Задачей данной статьи является выявление основных структурных типов многокомпонентных прозвищ, а также наблюдение над особенностями их употребления в речи. Наличие разных структурных типов прозвищ позволяет пронаблюдать зависимость их функционирования от структуры. Предположив, что функционирование многокомпонентных прозвищ может зависеть от протяженности прозвища и от степени значимости каждого компонента в структуре прозвища как эмоционально-экспрессивной единицы, мы при рассмотрении структуры их учитываем не только характер отношений между составляющими и статус их на апеллятивном уровне, но и количество компонентов, входящих в состав номинативной ономастической единицы, а также семантический и эмоционально-экспрессивный потенциал компонентов.

Рассмотрим прежде структурные типы многокомпонентных прозвищ в аспекте намеченных направлений.

П р о з в и щ а р е д у п л и к а ц и о н н о й м о д е л и представляют собой удвоения, повторы а) полнозначных слов: Говорю-говорю («дважды повторяет почти каждое слово»), б) междометий

---

[4] См.: Ф л о р о в с к а я В. А. Указ. соч. С. 114; К л ю е в а Н. П. Указ. соч. С. 92—94.

[5] См.: Д а н и л и н а Е. Ф. Указ. соч. С. 288.

и слов, образованных по моделям междометий: Кис-кис («любит котов»), Тля-тля («он букву «р» не выговаривает»), Хоп-хоп («сложит руки и бормочет: «Хоп, хоп». Это значит всё, всё), Хы-хы («всё она смеется, даже когда не надо»), Бур-бур («быстро-быстро говорит, что ничего не понятно»), Боль-боль («говор у него на бульканье похож»), Пынь-пынь («это его любимое выражение») и др. Большая часть прозвищ указанных подтипов является звукоподражательными повторами, они отражают речевые особенности именуемых: одни из них даются по частоупотребляемым выражениям-призвукам, другие характеризуют качественные особенности речи. Третью группу составляют прозвища, повторяющиеся компоненты которых представляют собой различные отантропонимические образования: Вась-Вась (от Василий Васильевич), Вася-Вася (сам себя так называет), Мих-Мих (от Михаил Михайлович).

С л о ж н о с о с т а в н ы е п р о з в и щ а выражают собой двучленный ряд грамматически равноправных словоформ, чаще всего построенный по формуле «имя+имя». Компоненты такого прозвища — неофициальные формы личных имен, обычно гипокористические. Это могут быть формы двух мужских имен: Толя-Коля, Леня-Петя, Гена-Сема; двух женских имен: Дуня-Тамара, Нинель-Ирен; мужского и женского имени: Таня-Саня, Дуня-Ваня, Лена-Гоша.

В нашем материале имеются пока только единичные примеры сложно-составных прозвищ других моделей: 1) имя+кличка животного: Рунда-Паша (Прасковья Дмитриевна; «у нее собака по кличке Рунда, они всегда ходили вместе»); 2) отфамильное прозвище+отфамильное прозвище: Тега-Нос (Гуськова дружит с мальчиком Носовым); 3) имя+отфамильное прозвище: Дуня-Ваня (Иванова Дуня).

Составные прозвища подобного типа возникают на базе именований как одного лица, так и разных лиц. В зависимости от первоначальной объективной соотнесенности именных компонентов составные прозвища можно разделить на две группы. Первую образуют ономастические единицы, представляющие собой неофициальную форму паспортного имени, соединенную со вторым бытовым или «ототеческим» именем того же лица: Дуня-Тамара (Евдокия Дмитриевна, «...в молодости сама называла себя Тамарой»), Тимка-Васька (Василий Семенович, «сначала Тимкой назвали, а потом не поглянулось бабке, так стали называть Васькой»), Толя-Коля (Анатолий Михайлович, «он сам себя зовет то Толей, то Колей»), Галя-Валя (Галина Валентиновна), Боря-Коля (Борис Николаевич), Гена-Сема (Геннадий Семенович), Толя-

Ваня (Анатолий Иванович), Саня-Ваня (Александр Иванович), Ваня-Ваня (Иван Иванович). Во вторую входят прозвища, образованные объединением имен разных лиц: Дуня-Ваня («ее звать Дуня, а мужа Ваня»), Гена-Настя, Генастя («от имени Гена, а жена у него Настя»); Толя-Коля (Лемеховы Анатолий и Николай; «мы близнецы и очень похожи друг на друга») и др.

На сложные составные прозвища впервые обратила внимание В. А. Флоровская[6], которая в русских говорах Кубани зарегистрировала восемь прозвищ, образованных соединением имен мужа и жены. Таким прозвищем в говорах Кубани, в отличие от наших, могут называть как жену, так и мужа.

Прозвища-словосочетания — наиболее представительная в нашем материале группа, что нельзя считать случайным, ибо, как отмечает В. Т. Ванюшечкин, «словосочетания выступают в говорах как образные характеристики лица. Здесь становится заметной тесная соотнесенность обозначения и обозначаемого, налицо яркий этимологически осмысленный образ»[7].

Прозвища-словосочетания по структуре неоднородны. Подавляющее большинство представляет собой двучленные структуры, сложные словосочетания редки. Приведем зарегистрированные нами трехчленные прозвища-словосочетания: Директор Табачной Фабрики («много курит»), Профессор Кислых Щей («поступил в институт по блату, не по знаниям»), Продавец Воздушных Пузырей («рассказывал всем историю про продавца»), Артист из Погорелого Театра («любит петь, а голоса нет»), Отец Большого Семейства («отец большой семьи»).

В прозвищных наименованиях представлены различные по характеру синтаксических отношений простые (двучленные) словосочетания.

А. Прозвища, представляющие собой аппозитивные словосочетания с комплективной связью между компонентами. По лексическому составу компонентов они неоднородны и могут включать только апеллятивы или апеллятив и онома; ср.: Гром Баба, Шлеп Нога, Гуляй Нога, Глаз Алмаз, Колба Плоскодонка, Бог Пройдоха; Яшка Боксер («хорошо занимается боксом, как Яшка»), Таня Конь (Павлюченко Мария; «здоровая, сильная, полнокровная такая»), Дуня Ягодка («так мать звала, она была очень красивой»). Наименования типа Таня Конь являются составными прозвищами, которые в целом выполняют и индивидуализирующую, и характеризующую функции. Характерной особенностью таких прозвищ является то, что первый компонент представлен

---

[6] См.: Флоровская В. А. Указ. соч. С. 143.

[7]. Ванюшечкин В. Т. Указ. соч. С. 89.

личным именем (не самого именуемого, а другого лица), к которому добавляется собственно прозвищный компонент. Личное имя выступает в качестве «определяемого» и указывает на лицо, которому подобен по какому-либо признаку именуемый, а в качестве «определяющего» используется существительное или субстантивированные слова, заключающие в себе качественную характеристику.

Б. Прозвища, представляющие собой сочетания компонентов, связанных подчинительными синтаксическими отношениями между собой: Крыса Ненамасленная («вредная, ехидная девочка»). Кубышка Сала (за полноту), Нога Паука (длинные, худые ноги), Подарок Америки (любит импортные вещи), Американский Крючок («просто она ходит крючком»), Бычий Глаз («глаза у него очень большие»), Веселый Карандаш («худой, с длинным носом ... любит рассказывать побасенки, веселый»).

По характеру стержневого слова все представленные в нашем материале прозвища относятся к именному типу. Группа именных прозвищ-словосочетаний неоднородна по составу, она включает в себя две разновидности. Большую часть составляют прозвища-словосочетания субстантивного типа как беспредложные, так (реже) и предложно-падежные: Хозяин Хохляндии (приехал с Украины), Кривой Чемберлен (страдает косоглазием) и Дама с Собачкой (часто гуляет со своей собакой), Бочка с Медом (очень любит сладкое), Министр с Портфелем (зазнается, не здоровается с соседями), Сундук с Клопами («он такой тупой, вот и Сундук с Клопами»). Словосочетания адъективного типа используются в качестве базы многокомпонентных прозвищ нечасто: Седьмой от Угла («хозяин, дом которого по счету является седьмым»), Рыжий из Шанхая («юноша с рыжим волосом, с окраины поселка»), Счастливый по Отцу («отец у него был счастливый, и сын такой же»).

Проведенный анализ прозвищ свидетельствует о том, что прозвища рассматриваемого структурного типа по происхождению неоднородны, т. е. не всякое прозвище, представляющее сочетание слов, образовано по модели словосочетания. Генетически среди прозвищ выделяются две группы:

1) прозвища, появившиеся в результате использования уже имевшихся, готовых словосочетаний. В процессе прозвищной номинации в качестве номинант используются различного рода комплексные единицы: а) названия лиц и объектов, чаще всего заимствованные из произведений народного творчества, художественной литературы, кино и т. д.: Красная Шапочка, Конек Горбунок, Бегемот в Купальнике, Пан Спортсмен, Тринадцать Стульев, Капитан Грей, Морской Дьявол, дед Щукарь, Королева Бензоколонки,

Елена Прекрасная, Деревенский Детектив, Бременские Музыканты, Неуловимый Мститель, Поп Гапон, Ванька-Встанька; б) фразеологические единицы общенародного употребления или обобщенно-образные сочетания, встречающиеся в говоре, просторечии: Дунь Ветер, Скорая Помощь, Кобра в Юбке, Колобкова Корова;

2) прозвища, образованные по модели словосочетания и представляющие собой дискретные наименования лица: Бык Упорный («упрямая очень»). Пятиполосный Тигр, Разноногая Кукушка.

Роль атрибутивного компонента в прозвищах-словосочетаниях второй группы различна. Нередко прилагательные, например, распространяя определяемый компонент, эксплицируют номинационный признак. Ср.: Кобыла: («длинная и толстая») и Толстая Кобыла, Цапля («у нее длинные ноги») и Длинноногая Цапля, Камбала («нет глаза») и Камбала Одноглазая, Сокол («за зоркое зрение») и Зоркий Сокол, Таракан («... усы отрастил, ну совсем на таракана похож») и Таракан Усатый. В таких случаях чрезвычайно усиливается степень экспрессивности, оценочности.

В других случаях атрибутивный компонент выражает дополнительный признак, не зависимый от основного признака, запечатленного в прозвище-словосочетании в стержневом компоненте: Толстопузый Филин («глаза как у филина и очень толстый, особенно выделяется живот») и Филин («глаза большие»), Усатый Хомяк («усы носит, а сам толстый») и Хомяк («маленький ростом, но толстенький, как хомячок»), Глист в Обмотках («высокий, худой и носит все вещи после брата») и Глист («длинный и худой»), Бульдог с Бобриком («имеет неприятное выражение лица и прическа бобрик») и Бульдог («лицо как у бульдога»).

Иногда атрибутивный компонент указывает на возраст именуемого или порядок закрепления прозвищ за именуемыми. В качестве атрибутивного члена используются в таких случаях «возрастные» определители (младший, старший) или числовой компонент: Лися Старший — Лися Младший, Макака № 1 — Макака № 2. Обычно такие корреспондирующие прозвища употребляются для именования лиц, находящихся в родственных отношениях. В других случаях на возраст указывают слова тетя, дед: Тетя Лошадь, Тетя Кобра, Тетя Утя, Дед Карась.

В. Прозвища, представляющие собой сочетание компонентов, связанных сочинительной связью, чрезвычайно редки в нашем материале: Я и Мой Дядя (по любимому выражению), Лук, Чеснок, Горчица, Перец («он всегда так говорил, любил лук, чеснок, горчицу и перец»).

Многокомпонентные прозвища в нашем материале представлены и единицами, по структуре равными предложению.

Подобные прозвища одними исследователями называются прозвищами-предложениями, другими — прозвищами-фразами.

В структурном отношении многокомпонентные прозвища этого типа трудно поддаются какой-либо классификации и, как справедливо отмечает Н. П. Клюева, «образование их каждый раз происходит по своей модели и может быть приравнено к образованию окказионализмов»[8]. И все-таки среди многокомпонентных прозвищ, базой для которых послужили фразы, можно выделить наиболее используемые конструкции:

побудительные: Убей Кобылу (работает конюхом), Комар тебя забодай (любимое выражение), Не Попухни (часто употребляет эту фразу);

конструкции с обращением: Дядя, достань воробышка (за высокий рост);

предложения, оба члена которых выражены существительными в им. п.: Базиль—Великий Архитектор («за неумелое строительство»), Татьяна Русская Душа («любит Пушкина») и др.

Итак, многокомпонентные прозвища по структуре довольно разнообразны, неодинаковы они и по величине, протяженности. Естественно, возникает вопрос: как ведут себя «длинные» прозвища в речи, подвергаются ли они редукции, сокращаются ли? Если да, то как и какие из них.

Как показывают наблюдения, прозвища редупликационной модели, сложно-составные прозвища и прозвища, возникшие на базе фразеологических единиц, обычно используются в речи в полном объеме: эллиптирование их ведет к разрушению номинативной единицы (прозвища типа Ваня-Катя), значительно сокращает эмоционально-экспрессивный заряд.

Эллиптирование прозвищ-словосочетаний наблюдается обычно в тех случаях, когда они построены по модели «определяющее+ +определяемое» и информация, содержащаяся в первом компоненте, оказывается избыточной вообще или же для данной ситуации общения. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Прозвища, в которых атрибутивный член указывает на возрастной признак именуемого: Гога Старший, Гога Младший — Гога, Мизя Старший, Мизя Младший — Мизя, Лися Старший, Лися Младший — Лися. Обычно сферы употребления этих прозвищ не совпадают. Полный вариант прозвища используется в ситуации тезоименности, а также в тех случаях, когда появляется необходимость в дополнительной конкретизации именуемого. Например, в клубе неподалеку друг от друга сидят братья, по прозвищу Лися Младший и Лися Старший. От дверей кто-то крикнул:

---

[8] Клюева Н. П. Указ. соч. С. 94.

«Лися!» Повернулся Лися Старший.— «Да нет, мне Младший Лися нужен». Если же не возникает подобных ситуаций, то используется только первый компонент.

2. Прозвища, в которых атрибутивный член эксплицирует признак, обозначаемый определяемым: Зоркий Сокол — Сокол, Длинная Антенна — Антенна.

3. Прозвища, в которых тот или иной компонент мало информативен: Перевернутая Антенна—Антенна (высокая ростом), Раскидай Нога—Раскидай («походка у него такая, идет ноги разбрасывает»).

Использование полных или эллиптированных прозвищных наименований определяется иногда и экстралингвистическими условиями. Например, прозвище Геракл Засушенный употребляется и в эллиптированной форме при непосредственном общении: «Не, мы его так не называем, когда говорим, так Геракл, только каждый знает, что еще Засушенный добавляется». При отсутствии же носителя прозвища его именуют двучленом Геракл Засушенный.

Наш материал подтверждает также утверждение Е. Ф. Данилиной о том, что прозвища-предложения в речи сокращаются. По отношению к одному именуемому употребляются как прозвища-предложения, так и прозвища-слова и прозвища-словосочетания: Убей Кобылу и Кобыла, Базиль Великий Архитектор и Базиль, Федул в штаны Надул и Федул.

Однако раритетность прозвищ-предложений, «окказиональность» моделей, незначительная степень характеризующей семантики в них (прозвища-предложения представляют собой обычно излюбленные выражения именуемого) не позволяет в отличие от прозвищ-словосочетаний обнаружить какие-то типовые условия эллиптирования их в речи.

Нельзя не обратить внимания и на обратный процесс — усложнение прозвищ, возникновение на базе простых, однословных единиц многочленных наименований на уровне речи.

Это, во-первых, прозвища, усложненные рифмующимся компонентом, который может быть словом, словосочетанием или предложно-падежной формой: Ну, ты, Абрам Триста Грамм, слишком не зазнавайся (Абрам — отфамильное прозвище); Юрку называем Султан-болван и убегаем (Султан — отфамильное прозвище), Фома без ума (от Фомин), Мошка в три горшка (от Машков), Гурка—огурка (от Гуркина), Федя—бредя (от Федоскина) [9].

---

[9] См. подробнее: Никулина З. П. О прозвищах со вторым рифмующимся компонентом//Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976. С. 75—77.

Во-вторых, это — номинативные группы, представляющие собой синтагматическое сочетание прозвища с другими антропонимическими единицами. Наш материал позволяет выделить три антропонимические модели, в состав которых входит прозвище: 1) имя+прозвище: Вася Чубчик в гараже работает; Наташа Гуся скоро подойти должна; Надя Лаптиха тоже сына провожала; 2) отфамильное прозвище+оценочно-характеристическое: Андрей Балетный (Г. Андреев, «походка у него, как у балерины, не идет, а пляшет»), Терех Пузан (Н. Терехов, «за большой живот»); 3) прозвище+фамилия: — Кто сегодня дежурит? — Хома Белов (С. Белов, «он круглый, плотный, похож на хомяка, но его уважают и зовут Хома»), Захматов Лохматый, не мешай нам (А. Захматов, «он всегда обросший, грязный»).

А. Н. РОСТОВА

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ОКРАСКИ СЛОВ В МЕТАЯЗЫКЕ НОСИТЕЛЕЙ ДИАЛЕКТА

Вопрос об экспрессивно-стилистической дифференциации лексики говора является одним из наиболее дискуссионных и сложных в современной региональной лексикологии. Недостаточная разработанность проблем диалектной стилистики обусловлена не только отсутствием единства в терминологии и решении классификационных вопросов[1]. но и особенностями диалектной речи — обусловленный устной формой существования повышенный эмоциональный тонус, активное словотворчество[2], зависимость стилистической характеристики от социально-речевого типа говора[3], различия в стилистической окраске слова в системе литературного языка и диалекта, «чужеродность» говора по отношению к исследователю. «Только полная неразработанность диалектной стилистики вынуждает исследователей подходить к стилистике говоров с готовыми категориями литературного языка»,— пишет Т. С. Коготкова[4]. Однако и в словарях литературного языка имеется немало разногласий в стилистической маркировке одного

---

[1] О характеристике различных точек зрения на функционально-стилевую дифференциацию лексики диалекта и систем стилистических помет разных диалектных словарей см.: Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология: (Состояние и перспективы). М., 1979. С. 59—67; См. также: Матвеева Т. В. Семантические основания экспрессивности глагола: (На материале говоров Среднего Урала): Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979. С. 7—10; Лукьянова Н. А. О некоторых аспектах изучения экспрессивно-выразительной лексики диалектного языка//Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982. С. 98—101.

[2] См.: Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования//Славянская лексикография и лексикология. М., 1966. С. 297, 299.

[3] См.: Орлов Л. М. О методике изучения социальной и стилистической дифференциации в народных говорах//Исследования и статьи по русскому языку. Волгоград, 1972. Вып. 3. С. 168—217.

[4] Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология... С. 64.

и того же слова, отсутствует единая система стилистических помет [5].

Решение конкретных вопросов, связанных с изучением экспрессивно-стилистической дифференциации лексики диалекта, как представляется, не может быть конструктивным без выработки шкалы оценок, адекватно отражающей экспрессивно-стилистическое членение лексики говора.

Общепринятым является выделение двух разных, но органически связанных пластов — стилистическое членение, отражающее положение слова относительно функциональной сферы употребления, и эмоционально-экспрессивная разграниченность лексики, отражающая положение слова относительно передачи эмоционального отношения говорящего к предмету речи. Оба эти плана неразрывно связаны с языковым сознанием говорящего: экспрессивно-стилистическая окраска слова отражает «социальное предписание его употребления, имеющееся в сознании носителей языка» [6], и говорящий всякий раз сознательно (или подсознательно) выбирает из арсенала языковых средств те, которые адекватно выражают его эмоциональное переживание действительности и соответствуют данному функциональному стилю. Поэтому учет тончайших нюансов в восприятии и характеристике языковых средств носителями говора может стать важным фактором при определении стилистических категорий диалекта и обосновании критериев эмоционально-экспрессивной и стилистической маркировки его лексики [7].

В высказываниях информантов об эмоционально-экспрессивной окраске (в показаниях языкового сознания носителей диа-

---

[5] См.: Скляревская Г. Н. О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. С. 18; Зелкинд А. А. Стилистическая помета как проблема лексикографии//Науч. тр./Ташкент. ун-т. Ташкент, 1979, № 578. С. 148—152 и др.

[6] Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации//ВЯ. 1978. № 1. С. 59.

[7] Особое значение учета общественного мнения говорящих при выявлении стилистической принадлежности слова и его эмоционально-экспрессивной окраски отмечалось многими исследователями (см., напр.: Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С. Об изучении отношения говорящих к языку//Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7. С. 27; Жураковская Н. В. Методика выявления экспрессивной лексики в говорах//Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов. Новосибирск, С. 96; Орлов Л. М. Указ. соч. С. 210; Лыжова Л. К. О языковом сознании носителей диалекта и формировании стилистических оценок в диалектной лексике//Русская диалектная и народно-поэтическая речь: Изв. Воронеж. пед. ин-та. Воронеж, 1976. Т. 186. С. 87—96; Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология... С. 79 и др.

лекта)[8] воплощается интеллектуальная оценка — основанное на общественном опыте суждение о положительном или отрицательном, допустимом или недопустимом с точки зрения говорящего коллектива явлении, свойстве, какой-либо стороне предмета и т. д.

Необходимыми компонентами структуры оценки как логической категории являются[9]:

а. субъект (информант) — либо или группа лиц, осознающих данное языковое явление. Оценка говорящим факта языка основывается на практическом владении данным языком и дается с позиции сложившейся в данном коллективе языковой нормы. Суждение информанта о том или ином явлении говора социально обусловлено, оно базируется на осознании языковой традиции, допустимости или недопустимости того или иного словоупотребления с точки зрения говорящего коллектива, привычного употребления. Вместе с тем в высказываниях информантов может оцениваться не только объективная, устойчиво закрепленная за словом эмоционально-экспрессивная окраска, но и различные индивидуальные, субъективные восприятия, свойственные отдельному носителю языка и обусловленные его личным речевым опытом[10]. Подобные индивидуальные восприятия могут быть выявлены и устранены путем сопоставления оценок разных информантов.

б. предмет оценки — слово как единица говора, в данном случае — наличие или отсутствие у слова, кроме денотативного (предметно-понятийного), компонента значения, коннотации — дополнительного содержания слова, его сопутствующих семантических оттенков, «которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов»[11].

в. Основание оценки. В широком смысле слова основанием оценки служит система социальных норм, представлений о ценностях и пределах их допустимого варьирования, отражающая коллективный опыт познания мира. Применительно к рассматриваемому материалу основанием для решения вопроса о наличии у слова коннотативного созначения может служить сравнение с его нейтральным аналогом или со словами эквиалентной коннотации, осознание стандартных ситуаций употребления слова, осмысление

---

[8] О понятии «показания языкового сознания носителей диалекта» см.: Ростова А. Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. С. 7—8.

[9] Описание структуры оценки как логической категории см.: Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970. С. 21—32.

[10] См. об этом: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 247.

[11] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

объективных свойств, ценностей обозначаемого с точки зрения соответствия их реальной усредненной социальной норме.

В зависимости от основания оценки сведения об эмоционально-экспрессивной окраске слова могут быть представлены различными способами.

I. Абсолютные оценки содержат непосредственную характеристику коннотации (слово «ласкательное», «грубое». «обидное» и т. д.) и, как правило, предоставляют информацию о различного рода эмоциональных созначениях слова [12]. Этот способ представлен в 30% анализируемых здесь высказываний [13].

Абсолютные оценки выражаются набором слов — операторов, выполняющих металингвистическую функцию и выделяющих различные разряды эмоционально окрашенных слов.

1. Закрепившейся в лексикографической практике помете «ласкательное» соответствуют характеристики «ласково», «ласкательно», «вежливо», «уважительно», «хорошо», «хорошее слоло». — «Горлышко» — это, конечно, ласково, а «горло»-то уже не ласково (Том. Мох.). «Свину́шка» — это вежливо так. Не «свинья», а «свину́шка» (Том. Б. Яр.). Ага, «вдовушка», то ли это ласкательное, ласкательное, ага (Том. Мох.). Моло́дчик — молодой парень, это хоро́ше слово (Том. Б. Яр).

2. Ироническая лексика в оценке носителей диалекта обычно характеризуется как «шутливая», «укорительная», «ироническая», «несерьёзная».— Воя́ка — военный человек, фронтовиков «воя́ками» зовут. Ну а когда и в шутку скажут: «Вот уж воя́ка»,— расхрабрился, значит, кто, да всё больше врёт (Том. Б. Яр). «Грамоте́й — ускорительное слово. «Ты, грамоте́й, бросай книгу, иди то-то сделай» (Том. Б. Яр). «Грамоте́й» — как будто бы шутя, тот, кто может писать и читать (Том. Б. Яр). Ну, это «гнилу́шка»

---

[12] Автор разделяет точку зрения тех лингвистов, которые последовательно различают эмоциональность и экспрессивность в коннотативном значении слова (см.: Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. С. 120—121; Васильев Л. М. К вопросу об экспрессивности и экспрессивных средствах: (на материале славянских языков)//Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 110—111; Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1974. С. 77—78; Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979. С. 54—58 и др.). При этом под эмоциональностью понимается выражение языковым знаком «эмоционального переживания субъектом некоторого явления действительности» (см.: Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы... С. 58), под собственно экспрессивностью — выражение качественно-количественных характеристик обозначаемого (интенсивность — неинтенсивность признака, свойства, процесса и т. д.) (см.: Блинова О. И. Указ. соч. С. 78; Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы... С. 56).

[13] В статье анализируется 470 показаний об эмоционально-экспрессивной окраске слов, записанных в говорах Верхнекетского района, Томской области, и Крапивинского района, Кемеровской области.

[о доме] — уже ирония, знаете, иронически назвали. Это несерьёзно (Кем. Бор.).

3. Снисходительная окраска (слова с суффиксами -ИШК-, -НИШК-, -ОШК-, -ОНК-, -ОНЧИШК-, произносимые с интонацией снисходительности, которая призвана скрыть от собеседника особое благосклонное отношение говорящего к называемому) в силу своей специфики не имеет в говоре особых специализированных определений. Слова со снисходительной окрашенностью обычно оцениваются как занимающие промежуточное положение между разрядом ласкательных слов и слов с пейоративной окраской.— «Девчо́нчишка» — ну это тоже жалеют, но не ласково жалеют, а так. Но это не ругательное (Том. Б. Яр). «Бабёнчишка» — ну обезличенное, не так ласково (Том. Б. Яр). «Мужичо́нка» — насмешливо, но не обидно (Том. Б. Яр). «Парнишо́нка» — тоже просто так назовут, не обязательно плохо (Том. Б. Яр).

4. Слова, выражающие отрицательное отношение к обозначаемому, определяются информантами как «обидные», «насмешливые», «плохие», «оскорбительные», «унизительные» «неодобрительные», «грубые», такие, которыми дразнят. Эти и подобные характеристики соответствуют стилистическим пометам «осудительное», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «уничижительное».— «Бро́шенкой» называли, навро́де как надсме́шка. Это было позорно, что разойдёшься, что муж бросил (Том. Б. Яр). Ну, «бро́шенка», вот ушёл муж, бросил. Ну, конечно, это обидно слово (Кем. Кам.) Просто «пожра́ть» — грубо это. Оно и сейчас так. Выражение тако́ (Кем. Кам.). Ну, скажут «ла́йка». Это, конечно, неодобрительно (Кем. Арс.). «Отчи́шка» — это унижают, мне кажется. Унижают, ну да. Тоже унизительно же (Том. Мох.). «Бабёнчишка» — это примерно так дразнят. Это обидное, что самое плохое имя (Том. Юд.).

5. Грубая, бранная лексика обычно оценивается информантами как «ругательная», «грубая», используемая в ссорах.— «Зара́за» — ругательное слово, самое последнее слово (Том. Мох.). Ну когда ребятишки. А «живоря́та» — когда руга́сси на их (Кем. Арс.). «Эх, вы, пятны́» — это ругательство такое старинное (Том. Мох.). «Собака» — когда он сильно ругается, собачится. Конечно, грубое. «Сволочь» — это почти одно и то же, что «собака», тоже ругательно (Том. Мох.).

Показания языкового сознания носителей диалекта не устанавливают градацию тончайших отличий эмоциональных оттенков, выражающих отрицательное отношение к обозначаемому (осудительное, неодобрительное, пренебрежительное, презрительное, уничижительное), а также не проводят чёткую границу между лексическими единицами, окрашенными названными оттенками,

и словами грубыми, бранными. Причина тому — не только особенности индивидуального восприятия коннотативного значения, но, главным образом, отсутствие в распоряжении носителей диалекта специализированых языковых средств для дифференциации различных эмоциональных наслоений на денотативное значение слова, взаимозаменяемость смыслов предлагаемых информантами характеристик («ругательное». «обидное», «грубое» и т. д.).

II. Оценки ситуации представляют сведения об эмоциональных созначениях слова путём описания наиболее типичных ситуаций употребления слова. При этом характеризуется определённый эмоциональный настрой говорящего или реакция собеседника на то или иное словоупотребление. Рассматриваемый способ представлен в 10% анализируемых высказываний.

В оценках информантов осмысляются главным образом ситуации употребления ласкательных слов и слов с пейоративной окраской.— Ну а коды́ уж скажи «мну́чечка», коды́ она не досади́т ничо́, дак... А коды́ досади́т, так кака́ же она мну́чечка. Мну́чечка — дак она ишшо́ ла́стится около тебя (Том. Б. Яр). «Ове́чушка», «коро́вушка» — а хоть кода́ называ́м. Кото́ра хозяйка относится к ним хорошо, так та и называ́т (Том. Мох.). Нас «чалдо́нами» да ешшо́ «желтопу́пой». Да от кода́ назовут так — драка сразу (Том. Б. Яр). Я сама как сделаю чего-нибудь неладно, уроню, скажу: «У, зара́за!» Вводное слово как бы (Том. Мох.).

Оценки ситуации часто сочетаются с абсолютными оценками.— Ну, это уж там кода́ по-грубому... И вот зло же возъмёт порой. Начнёт ругаться: ну ты, мол, вроде отро́дье чьё (Том. Б. Яр).

III. Относительные оценки представлены в 85% высказываний. В относительных оценках сведения об экспрессивных и эмоциональных элементах коннотативного значения слова представлены опосредованно — через суждения информанта о достоинствах или недостатках обозначенного словом явления, свойства, предмета, сопутствующие, как правило, толкованию значения слова (характеристике его предметно-логического значения).

1. В высказываниях об эмоционально окрашенных словах наличествуют качественные характеристики обозначаемого (хорошо — плохо и т. д.).

а. Положительную оценку получают денотаты ласкательных и одобрительных слов. Граница между ними устанавливается без особых затруднений: одобрительная окраска, как известно, присуща агентивной лексике; особое эмоциональное отношение, выражаемое ласкательным словом, нередко подчеркивается наличием в высказывании целого ряда уменьшительно-ласкательных форм.

Ласкательные слова: Малышка, ребёнок маленький бывáт такой хорошенький, что и «малю́точкой» называют (Том. Б. Яр). «Хле́бушко» — конечно, хлеб мягкий который, свеженький. «Хле́бушко», «хле́бушек», хоть как называют, наверно (Том. Б. Яр). Одобрительные слова: «Вьюлá» называ́тся, котóра бойко де́лат, быстро всё де́лат. И мушши́ну так называют, и же́ншшину. Ну и молодец, как вьюлá рабóтат. А вертлявый человек — это который без дела ве́ртится. Его не зовут вьюлóй. Вьюлá — это хорошо (Том. Б. Яр). Ну, говорит в пользу чё-то хорошее, то «говору́н» там (Том. Б. Яр).

б. Сведения о снисходительной окраске могут оформляться путём отождествления маркированного слова со стилистически нейтральным или путём сочетаемостной характеристики определяемого слова (указание на сочетаемость со словами положительной оценки — «хороший», «путный», «симпатичный» и т. д.).— Шишчóнка — шишка ли с леси́ны. Шишка обыкновенно. Такая же шишка, идинáково (Том. Б. Яр). Симпатичный фартучóшко, фартучи́шко, как назовёшь — так и ладно (Том. Мох.).

в. При характеристике осудительной, неодобрительной, презрительной, пренебрежительной, уничижительной лексики информанты подчёркивают отрицательные стороны обозначаемого. Обращает внимание общий сниженный фон высказывания: наличие в окружении отрицательных сравнений, слов с пейоративной окраской.— Бунчи́вый человек — который под нос себе ворчит, как пёс голодный (Том. М. Яр). Пьянчу́г есть, пьёт который ши́бко. говорят «пьянчу́г», как свинья напился (Том. Б. Яр).

2. Слова, в коннотативном значении которых преобладает экспрессивность, определяются с помощью количественно-качественных показателей (большой — маленький, сильно-слабо, быстро — медленно, много — мало и др.).

а. Информанты могут свидетельствовать о том, что слово обозначает реально уменьшенный предмет или признак. Такие лексические единицы можно охарактеризовать как уменьшительные или уменьшительно-ласкательные.— Денни́к, денничóк. Это небольшой если — денничóк (Кем. Бор.). Горло у взрослого, а у маленького — горлышко (Том. Мох.). Очень маленький, когда говорят «малюсенький», «махонький» (Том. Мох.).

б. В высказываниях диалектоносителей может содержаться информация о том, что слово обозначает реально увеличенный предмет или интенсивность проявления действия, состояния, признака.— Трухну́ла-то? Да испужáлась сильно (Кем. Тарад.). Пластáться — это работать вот до устáтку, т. е. пристáнешь (Том. Мох.). Снежина — снег валит дак валит (Том. Б. Яр).

IV. Смешанные способы представления сведений об эмоционально-экспрессивной окраске слова составляют 5% анализируемых высказываний.— Тоже это вроде оскорбительное «бакла́н». А чёрт его знат, почему. Это просто така́ поговорка, зна́те. Про человека. «Иди, бакла́н, принеси то-то». Ленивый, ничо́ не хочет делать. «Эй, ты, бакла́н, иди принеси топор». Ну, это просто... оскорбляют (Том. Б. Яр). Растопча́ — какой-нибудь плохо де́лат человек. «У, растопча́, ни черта не можешь делать!» — так его ругают вроде. Он досади́т чего-нибудь, вот э́дак назовут (Том. Б. Яр).

Способ представления сведений об эмоционально-экспрессивной окраске слова во многом определяется характером осмысляемой коннотации. Так, сведения об эмоциональных оттенках оформляются преимущественно способом абсолютной оценки и оценки ситуации, информация об экспрессивных элементах коннотативного значения обычно представляется посредством относительной оценки. Это обусловлено соотношением собственно экспрессивных и эмоциональных сем с ядром семантики слова: собственно экспрессивные семы ближе к денотативному компоненту семантики слова, они относятся к интеллектуальной семантике [14].

Таким образом, типы выделяемых носителями диалекта элементов коннотативного значения слова в целом соответствуют сложившейся в лексикографической практике системе стилистических помет, отражающих эмоционально-экспрессивную дифференцию лексики. Поэтому оценки информантов могут служить важным источником определения эмоционально-экспрессивной окраски слов говора.

При сборе диалектного материала в полевых условиях следует учитывать, что оценки говорящими коннотативного значения в метатекстах могут быть выражены непосредственно (абсолютные оценки) и опосредованно (оценки ситуации и относительные оценки). Отсутствие специализированных метаязыковых средств, «приблизительность» используемых носителями диалекта характеристик (ср.: «ласкательно» и «вежливо», «иронически» и «несерьёзно»), возможности индивидуального, субъективного восприятия коннотации требуют привлечения для анализа максимального количества высказываний информантов, подтверждения полученных сведений фактами реальной языковой действительности.

---

[14] См.: Матвеева Т. В. Указ. соч. С. 61.

О. И. БЛИНОВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Термин «мотивационное значение слова» возник при исследовании лексикологического аспекта теории мотивации[1]. Под мотивационным значением (МЗ) понимается значение или синтез значения мотивационной формы слова — семантизованных сегментов звуковой оболочки слова, обусловленных его мотивированностью[2]. Например, в русских говорах Среднего Приобья МЗ слова *голи́цы* (широкие охотничьи лыжи, не обшитые кожей) — 'голые лыжи', МЗ слова *голуби́ца* (ягода голубики) — 'голубая ягода', слова *курятник* (помещение для кур и петухов) — 'место (где) куры'[3], *запогодить* (начаться плохой погоде) — 'начаться «погоде» (ненастью)', *годовать* (проводить где-либо год) — 'жить год' и т. д.

В лексикологических работах рассмотрены отличительные признаки МЗ (внутрисловность, расчлененность, промежуточность, индивидуальность, формальная выраженность и др.), определено соотношение МЗ с другими типами значений — грамматическим, словообразовательным, лексическим, выявлено его место в иерархии вышеперечисленных типов значений, обнаружена вариантность МЗ одного и того же слова как следствие его полимотивации, выявлены в общем виде типы соотношения МЗ с лексическим значе-

---

[1] См.: Блинова О. И. Фактор мотивированности и вариантность слова// Язык и общество. Саратов, 1974. Вып. 3; Она же. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1975; Она же. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984 и др.

[2] См.: Блинова О. И. Явление мотивации слов..., с. 19, 25 и др.; Она же. Явление мотивации слов в литературном языке и диалекте: (на материале русского языка)//Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: Тезисы международного симпозиума (декабрь 1984 г.). М., 1984. С. 150—153; Она же. Мотивационная форма и мотивационное значение слова//Межвузовская научная конференция «Деривация и история языка»: Тезисы докладов. 17—19 июня 1985 г. Пермь, 1985. С. 86—88 и др.

[3] Здесь и далее в круглые скобки заключен связочный или дополнительный компонент толкования МЗ, не находящий выражения в мотивационной форме слова.

нием (отношения включения, наложения, пересечения, соположения), определены составные компоненты МЗ — мотивирующая часть и формантная часть, разработана методика выявления МЗ слова, учитывающая его мотивационную форму, лексическое значение, семантику мотивирующих данное слово единиц, контекстное окружение и показания языкового сознания носителей языка.

В настоящей статье сделана попытка определить природу (статус) МЗ слова с учетом способов и средств его проявления.

Как свидетельствуют данные «Мотивационного диалектного словаря (говоры Среднего Приобья)» (Томск, 1982—1983, т. 1—2), отражающего факты актуализации в диалектной речи мотивационных связей слов, а также факты их осмысления носителями диалекта, МЗ слова (как и лексическое значение) представляет собой категорию, присущую языковому сознанию говорящего или говорящих на данном языке или диалекте, результат «прочтения» внутренней формы слова как средства реализации его мотивированности. Основной формой проявления МЗ слова являются показания языкового сознания носителей диалекта, в которых нередко по собственной инициативе или в ходе лингвистического эксперимента дается толкование МЗ слов диалекта.

Типы и способы толкования МЗ слов диалектоносителями еще не подвергались рассмотрению, хотя их анализ возможен с учетом типов и способов толкования лексического значения слов, выявленных на большом материале А. Н. Ростовой[4], тем более что МЗ актуализируется в речи, как правило, при попытках толкования носителем диалекта лексического значения слов с ориентацией на мотивирующие его единицы и слова-идентификаторы, отражающие классификационный признак толкуемого слова.

А. Н. Ростова называет следующие основные типы и способы толкования лексического значения слов носителями диалекта:

1) аналитический тип, отражающий денотативную и понятийную апелляцию языкового сознания и включающий три способа толкования значения: а) описательно-логический (толкование через слово-идентификатор и слово-конкретизатор, указывающее на отличительный признак определяемого слова); б) собственно-описательный способ, отличающийся от описательно-логического структурой и формой построения высказываний; в) перечислительный способ, раскрывающий значение слова посредством

[4] См.: Ростова А. Н. Толкования значений слов информантами как лингвистический источник: (на материале говоров Верхнекетского района, Томской области). Томск, 1982. 37 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 11005—82 от 25.08.82; Она же. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. С. 8—11.

перечисления однородных объектов-компонентов обозначаемого понятия;

2) релятивный тип, ориентированный на отражение в толковании лексического значения системных связей слова и включающий два способа: а) парадигматический, связанный с сопоставлением определяемого слова с его парадигмантами (дублетами, синонимами, антонимами и т. п.) и б) эпидигматический, использующий мотивационные и вариантные отношения толкуемого слова.

МЗ слова также объясняется посредством привлечения слова-конкретизатора, в роли которого выступает мотивирующая единица (лексический мотиватор), отражающая факт осознания носителем диалекта мотивирующей части МЗ, и слова-идентификатора, отражающего факт осознания формантной части МЗ. Так, в реплике «Вот у нас у дочери дом засыпу́шка, потому что опилками засыпан» (Б. Яр) мотивирующая часть МЗ осознается путем привлечения мотивирующего слова-конкретизатора *засыпан*, а формантная часть — посредством использования слова-идентификатора *дом* (ср. с другими названиями жилого помещения в среднеобских говорах: ***насыпУШКА, карамУШКА, землянУШКА, избУШКА***).— Курицу клоктушкой называют: клѐкчет она (Б. Яр); Шпульку, на которой нитки были, вьюшкой называли, потому что вьётся (Б. Яр); Чечѐс леси́на упадёт и её собирают. А коли упадёт, почти никто его не подбирѐт, он и валёжник называѐтся: валятся же (Мох.).

При толковании МЗ слов носителями диалекта используются следующие основные типы и способы:

1) релятивный тип, в рамках которого реализуется только эпидигматический способ толкования МЗ, как и лексического, с той разницей, что в качестве слов-конкретизаторов привлекаются лишь мотивирующие единицы, например: *Сеногной* потому и называют, что *сено гниёт,* трава гниёт, вот и — сеногной (Юд.); *Сеногной* называют, потому что *сено гнойт* погода: то сушит, то жарит, то дожж (Мох.); Моросит когда — *сеногной* называли, что *сено гноит,* что сено портится (Б. Яр); К *земле* низко — вот ее *земляника* и зовут (Юд.); *Земляника* — низко растёт от *земли* (Б. Яр); *Земляника* — она у *земле* близко (Мох.);

2) комбинированный способ толкования, характеризующийся использованием описательного способа аналитического типа толкования для семантизации формантной части МЗ, т. е. привлечением слова-идентификатора, и эпидигматического способа релятивного типа, используемого для семантизации мотивирующей части МЗ, например: Мохнѐшки — ну, рукавицы, они мохна-

тые (Б. Яр); Синя́вки — синие грибы (Мох.); От невода повод отходит — мы его тя́гой зовём, тянут, потому и тяга (Б. Яр); Сеть, допустим, два перста, *частая,* то *часту́шкой* называется обычно (Б. Яр).

Толкование лексического значения и МЗ слова могут совмещаться. Наблюдается это в тех случаях, когда они находятся в отношении наложения.— Моложавник называли молодой лес (Б. Яр); Столе́шница — это покрышка на столе (Юд.); Хле́бник — хлеб резали нож (Б. Яр); Чернолѐсье — это чёрный лес. Пихта, ель, сосна, лиственница — это чернолесье (Б. Яр).

Однако чаще толкованию МЗ предшествует толкование лексического значения слова.—Мохна̀шки—рукавицы из лосиной кожи или собаки. Наверно, что они мохнатые (Б. Яр); Стожа̀р — это кол, который втыкают в середину стога. Потому что он стог держит (Б. Яр).

В использовании слов-конкретизаторов и слов-идентификаторов имеются различия: 1. Неодинакова частота их реализации в диалектной речи — чаще актуализуется мотивирующее слово-конкретизатор.— Потому и лайка называется: отыщет (зверя) и лает (Б. Яр); Лесник — за лесом присматривает (Тип.); Костяника — внутри ее косточки (Б. Яр); Костяника — у ей в середине, как кость (Мох.); Рябчик маленький, как комок. Он рябой, так его и называют (Мох.); Маслята, они сверху словно маслом намазаны (Б. Яр). Реже — одновременно и конкретизатор, и идентификатор.— Ледянка — дорога, ледяная дорога (Черд.); Летяга — белка летуча (Кинд.); А дети-то у птиц зовутся: если галка, то галчата (...) у скворца—скворчата, вороны — так воронята (Верш.). 2. Если слово-конкретизатор с толкуемым мотивированным словом состоит в отношении лексической мотивации, то слово-идентификатор по отношению к толкуемому слову находится либо в отношениях дублетности, либо — в родовидовых, либо в видовых, которые могут сопровождаться отношениями структурной мотивации.— Рукомойник — это умывальник ещё зовут. Рукомойник, умывальник — это руки мыть и умываться, вот это — рукомойник (Ягун.); У помидоров отростки называют пасынки (Нарым); Сани у нас зовут дровни (Ат.); Полотенце звали рукотѐльник, руки вытирают и тело, а посуду вытирают отдельным полотенцем, его посудником называли (Б. Яр); Полотенце раньше рукотѐрником называли — руки тереть (Верш.); Рушник — ну, руки это вытирать же... А полотенце — это как лицо вытирают (Ягун.). 3. Связь слова-конкретизатора с МЗ слова непосредственная, открытая (*ледянка — ледяная*), а связь слова-идентификатора с МЗ — опосредованная (нередко через толкование лексического значения слова), скрытая (*ледянка — дорога*).

Способы толкования мотивирующей и формантной части МЗ слова сопровождаются соответственно полимотивацией и полисемантизацией. Полимотивация может приводить к варьированию МЗ слова. Так, варьируется МЗ слова *ма̀сленик* (маслёнок): 'масленый гриб' (Масленик, сверху он так масленый, корешок с палец. Зыр.) и 'гриб /как бы покрытый/ маслом' (У нас масленики разные бывают, толстые такие, большие, их не солят, только жарят, они как в масле. Б. Яр). Варьируется МЗ слова *глухарь*: 'глухая птица' (Косач есть, тетёрки, глухари. Весной, когда он [глухарь] самку подзывает, так поёт и, как глухой, ничего не слышит, хоть руками его бери. Сар.) и 'птица, /обитающая в/ глухих /местах/' (Где глухое место, там ведутся тетери, глухари. Б. Яр). Если при полимотивации мотивирующей части МЗ сло̀ва используются носителем диалекта разные слова-конкретизаторы, то при полисемантизации формантной части МЗ сло̀ва привлекаются разные слова-идентификаторы, которые могут принадлежать как одной части речи, так и разным. Например, слова одной частеречной принадлежности используются при семантизации формантной части МЗ слова *выползок* (кожа змеи, сброшенная в период линьки) — *кожа* и *шкура* (Змеиный выползок, когда змея выполза̀т из кожи. Гынг.; Выползки — змея каждый год теряет шкуру. Весной она выползает из старой своей шкуры. Сар.), при семантизации формантной части МЗ слова *равнина* — *место* и *поле* (Равнина — ро́вно место, поле. Верш.); слова разной частеречной отнесенности — при семантизации формантной части МЗ слова *ржанище* (поле, с которого убрана рожь) — *поле, где* и *там, где* (Больше картошки садили по ржанищу: где скосят рожь, там ржанище. Ярское. «Ржанище было — рожь с поля убрали». Яр.) и многих других слов.

Таким образом, способы и средства толкования МЗ слова носителями диалекта, которые находят свое постоянное проявление в речи, обнаруживают языковую природу, языковой статус МЗ слова. Вместе с тем анализ способов и средств толкования МЗ слова свидетельствуют о вторичности МЗ по сравнению с лексическим значением, ибо осознание МЗ, его «прочтение» возможно только на базе знания лексического значения слова. Отсюда сопоставление МЗ и лексического значения слова носит условный характер и правомерность такого сопоставления основывается на возможности сравнения дефиниций того и другого типов значения.

В. В. ПАЛАГИНА

«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Интенсивное развитие региональной лексикографии требует поиска новых ее источников. Процесс постепенной нивелировки говоров под влиянием литературного языка заставляет обращаться для выявления диалектных черт не только к сельскому населению старшего возраста, но и к материалам XIX в., так как многие носители говоров уже плохо помнят слова, которые были в активном лексическом запасе их прадедов, дедов, отцов.

Местные газеты XIX в. как источник региональной лексикографии использованы недостаточно. Составители диалектных словарей обращались только к этнографическим и лингвистическим статьям, помещенным в них. В списке источников сводного «Словаря русских народных говоров», издающегося под редакцией Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова с 1958 г. [1], мы находим ряд статей со сведениями о промыслах, обычаях, обрядах и говорах, опубликованных в Архангельских, Астраханских, Владимирских, Вологодских, Воронежских, Вятских, Казанских, Калужских, Костромских, Курских, Нижегородских, Новгородских, Олонецких, Оренбургских, Орловских, Пензенских, Пермских, Рязанских, Саратовских, Симбирских, Тамбовских, Тверских, Томских, Тульских, Уфимских, Ярославских губернских ведомостях, Московских ведомостях, Донской и ремесленной газетах. Но даже статьи краеведческого характера введены в научный оборот не из всех губернских ведомостей, издававшихся в XIX в. на обширной территории Русского государства (с 1838 г. — в европейской части, а с 1857 г. и в Сибири). Другие же (не краеведческие) публикации лексикографами вообще не использованы, хотя в них тоже можно ожидать отражение местной лексики.

Поэтому оценка газет XIX в. как источника региональной лексикографии необходима.

---

[1] См.: Словарь русских народных говоров/Составит. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 21—99.

В лингвистическом источниковедении должного внимания губернским ведомостям не уделялось. Нам известна только одна статья Г. А. Богатовой «Материалы по русской исторической лексикологии в «Губернских ведомостях»[2], посвященная источниковедческому анализу «Ярославских губернских ведомостей» за 1887—1889 гг. В ней рассмотрены «любопытные в лексическом отношении записи народной речи»[3].

«Томские губернские ведомости» привлекали внимание лексикографов только как газета, опуликовавшая ряд статей В. Вербицкого о русских говорах Алтая («Русская речь в Алатайских горах», «Сотня областных слов, употребляемых близалтайскими крестьянами», «Пятая сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями» и др.[4]), Д. Кузнецова («Сибирские народные присловья»[5]), Я. Андреева («Нарымская речь»[6]) и др.

Но только ли такие статьи содержат материал для составления диалектных словарей Сибири? Для ответа на этот вопрос нами рассмотрены «Томские губернские ведомости» 1862 г. (№ 1—14), 1863 г. (№ 1—51), 1864 г. (№ 6—50).

«Томские губернские ведомости», выходившие с 18 августа 1857 г., были еженедельной газетой. Каждый их номер состоял из двух частей: официальной и неофициальной. Официальная часть, в свою очередь, делилась на два отдела: в первый включались сообщения о переменах по службе и объявления, во второй—правительственные и местные распоряжения. О задачах неофициальной части, о том, что следует помещать в ней, редактор газеты Д. Кузнецов писал: «... излагать относящиеся до местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и пр., о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии, о явлениях метеорологических, статьи и сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных справочных ценах» (1863, № 38, с. 243, неофиц.)[7].

Казалось бы, что искать диалектную лексику следует только в этой (неофициальной) части, само содержание которой неизбежно вызывает появление местных слов. Однако составитель диа-

---

[2] См.: Русский язык: Источники для его изучения. М., 1971. С. 230—246.

[3] Там же. С. 236.

[4] См.: Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961. С. 49.

[5] См.: Там же. С. 62.

[6] См.: Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 22.

[7] Здесь и далее указывается год, номер газеты, официальная (офиц.) или неофициальная (неофиц.) часть.

лектных словарей совершил бы непоправимую ошибку, не обратившись к официальной части. Разнообразные по содержанию объявления (о совершенных купчих крепостях, о розыске людей с подробным описанием их примет, о розыске «покраденного» имущества, о потерянных и найденных вещах, о «гульном» и «пришатившемся» скоте и т. п.) изобилуют локальной лексикой. Например: Ишимский земской суд разыскивает крестьянина Ивана Антонова Скопина ... лице шадровитое (1863; № 9, с. 107). О розыскании лиц ... на ногах пимы ... выехала из дому кошевой (1863, № 17, с. 299). Азям... полотенцев: ленное — 1, пачесное — 1, ленного холста 3 трубы (1863, № 46, с. 675). Бродни тюменской работы ... холщевые синеные чулки и черки крестьянской работы (1864, № 10, с. 146). Гнедая кобыла ... при ней жеребенок селеток (1864, № 18, с. 285). Кобыла ... на правом боку килка (1864, № 25, с. 393). Деревянный туесок ... нашел около поскотины (1864, № 64, с. 806). Призвать в рекруты по жеребью ... о сокращении жеребьеваго призыва (1863, № 4, с. 53). Суд разыскивает покраденное имение ... тулуп ... шубу женскую с борами, сукна четыре портища, холста ленного 19 труб, пачесного 11, изгребного 10 ... 31 пару женских рубах с разными становками, занавесу холщевую (1863, № 41, с. 580).

Значительно богаче диалектной лексикой неофициальная часть. Статьи, помещенные в ней, разнообразны по тематике. Есть тут публикация без диалектизмов: рекламы об издающихся журналах и газетах («Петербургском вестнике», «Русском листке», «Журнале министерства юстиции» и др.), отчеты о работе различных учреждений (лечебниц, приютов, библиотек, училищ, гимназий и др.), публикации архивных документов XVII в., научные статьи (например, «О красках, в состав которых входит мышьяк, в отношении к общественному здоровью» (1863, № 28, 29, 30), «О влиянии климата на здоровье человека» (1863, № 10) и др.). Но значительно больше публикаций, дающих материал для диалектной лексикографии. Несомненно, прежде всего следует назвать наблюдения над речью сибиряков В. Вербицкого и Д. Кузнецова. Диалектная лексика представлена также в сообщениях о происшествиях (пожарах, убийствах, побегах арестантов, болезнях, кражах и т. п.), в статьях о быте сибирского населения, о растительном и животном мире Сибири, о природных явлениях, в путевых очерках и др. Особенно много диалектизмов в статье Д. Кузнецова «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (из подлинных записок бродяги)» (1863, № 45—48), в публикациях, автор которых назван -овъ; «Возделываемые растения в Нарымском крае» (1863, № 29, 30), «Царство

животных в Нарымском крае» (1864, № 39), «Растительность Нарымского края» (1864, № 26, 27).— Для шитья чембар кожи предварительно окрашиваются (1862, № 4, с. 18). У крестьянина Кондратия Литвинова из находящейся у дома завозни покрадено ... разного имущества (1863, № 8, с. 37). В канаве, наполненной водою, возле заплота пустопорожнего места найден мертвым (1863, № 18, с. 89). Загорелся зарод сена (1863, № 26, с. 151). В доме столяра ... загорелись на вышке от ветоши трубы, бревна (1864, № 11, с. 70). Топленого скотского сала 4 пуда 36 ф. (1864, № 12, с. 78). Дорога пошла тут ... через скалы, утесы, буераки (1863, № 47, с. 333). Только топорик его лежал под лесиной (1863, № 48, с. 340) [8].

Как видно из приведенных примеров, диалектные слова в тексте обычно не объясняются, так как предполагается, что все жители Томска (читатели губернских ведомостей) знают их. Не выделяются они, как правило, и графическими средствами. И это, бесспорно, иногда затрудняет использование рассматриваемого источника при составлении диалектных словарей. Так, например, не совсем ясно значение полисемантичных в русских говорах слов: «В колке около деревни найдено мертвое тело» (1863, № 45, с. 320, неофиц.). В «Словаре русских народных говоров» слово КОЛОК как название местности помещено с 11-ю значениями. «В городе Томске ... неизвестно кем выкрадены из завозни разные вещи» (1863, № 18, с. 89, неофиц.). В «Словаре русских народных говоров» указано, что словом ЗАВОЗНЯ могут называться сарай, амбар, кладовка.

Неизвестным остается и точное значение слова ВОХЛЫШ, отсутствующее в «Словаре русских народных говоров», в «Опыте областного словаря» и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. «На спине с правого бока вохлыш и седельныя подпарины» (1863, № 42, с. 594, офиц.). В диалектных словарях есть слово ВОХЛЫ космы.

Но в некоторых случаях редактор или автор раскрывают читателям семантику диалектизма. Так, в статье «Растительность Нарымского края» даются в сносках примечания редактора. К предложению «Дикая роза (шиповник) растет по опушкам боров весьма редко, а главное место ее — соры, понжи» (1864, № 26, с. 174—175, неофиц.). В сноске — примечание редактора «понжа — остяцкое слово, усвоено русским населением. Оно означает водотопное высокое место». В той же статье есть сноски-примечания

---

[8] В нашей статье не приводятся примеры из публикаций «Томских губернских ведомостей», вошедших в список источников «Словаря русских народных говоров».

автора, пояснения автора в тексте, выделение местных слов курсивом, введение их через сочетание «так называемый». «Есть и такие воеки, поросшие хвощом и другими травами, в которых лошади прохаживают всю зиму на подножном корму» (1864, № 27, с. 179, неофиц.). К слову ВОЕК есть пояснение автора в сноске: «Воек — слово, употребляемое нарымскими обитателями, обозначает глухие места на сорах, большие мелкие озера, поросшие или осокой или хвощом и окруженные крупным осинником, черемушником и др. кустарниками». «Растение, употребляемое как лекарственное средство ... так называемое *озерное масло* ... еще более известно под именем *водяного масла*» (курсив в газете. — *В. П.*). (1864, № 27, с. 187, неофиц.).

В статье «Царство животных в Нарымском крае» диалектные слова вводятся в текст и объясняются так: «Дело одной минуты, чтобы стремительно броситься на спину животному и перегрызть ему шею (по-туземному *лен*)» (1864, № 36, с. 229). «Горностай и ласка (или *ласточка*) (1864, № 36, с. 231). «Лось или сохатый» (1864, № 36, с. 233). «Шкурки годовых лосей туземцы называют *пинежиной*» (там же). «Шкурки их[9] известны под названием неплюйек» (1864, № 37, с. 224). «Беркута остяцкие дети убили томаром, т. е. деревянною стрелою с тупым концом вместо железного наконечника» (1864, № 41, с. 282, неофиц.) «Оводы или *пауты,* как их называют туземцы, беспокоят только один скот» (там же). «Пескарь или *искозоб,* как называют его нарымские промышленники» (1864, № 46—47, с. 321, неофиц).

Реже выделение и семантизация диалектизмов встречается в других статьях: «Способы против лихорадки или *кумушки* (курсив в газете.— *В. П.*) (1863, № 12, с. 55—56, неофиц.). «Сжигают так называемое *ядно* ... т. е. кусочек трута или сердцевины бузины» (1863, № 24, с. 134, неофиц.). «Под большим *навесистым* кустом» (1863, № 46, с. 318). «При *змеевике* — нарыве, подобном большому закожному чирью, красном и жестком ... делают *пыштак* — род творога из сваренного заквашенного простоквашею творога» (1864, № 24, с. 133, неофиц.).

Давая источниковедческую оценку «Томским губернским ведомостям», нельзя не обратиться к тематической характеристике диалектных слов, употребляемых в них. Естественно, что списки местных слов, опубликованные разными авторами в неофициальной части, нами не рассматриваются, так как эти списки представляют собою диалектные словари, имеющие свой источник — наблюдения исследователей над речью сибиряков.

---

[9] Речь идет о детенышах оленей.

Одним из минусов «Томских губернских ведомостей», органически присущих данному источнику региональной лексикографии, является некоторая тематическая ограниченность диалектной лексики, встречающейся в официальной и неофициальной частях, обусловленная содержанием газеты.

В «Томских губернских ведомостях» встречаются диалектные НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ: азям — верхняя мужская одежда, зипун (Один в сером сюртуке, а другой в зипуне. 1863, № 44, с. 310, неофиц.), капотка (Одевшись в крытую поношенную шубу, а сверх ее в суконную капотку, подпоясался шелковой опояской ... капотка суконная на фланелевом подкладе. 1864, № 12, с. 77, неофиц.), лабашак — верхняя одежда из домотканого сукна (Хозяин ... лабашаку с холщевыми заплатами. 1863, № 45, с. 656, офиц.), шамшура (Четыре женские шамшуры. 1863, № 46, с. 675, офиц.), аракчин (И при нем мешок, в нем шапка, аракчин. 1862, № 3, с. 17—18, офиц.), чембары—штаны, косинка, вареги (Рукавиц лосиных с шерстяными варегами 623 пары. 1863, № 16, с. 242, офиц.), исподки (Хозяин рукавицам кожаным с исподками. 1863, № 45, с. 637, офиц.), лосинки, мохнашки (Мохнашки собачьи желтые. 1862, № 4, с. 39, офиц.), бродни (На ногах ветхие бродни. 1863, № 26, с. 371, офиц.), пимы — валенки, чарки и черки (На ногах черки поношенные. 1862, № 3, с. 371, офиц.; Черки с кожаными голенищами. 1864, № 23, с. 362, офиц.).

НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА: карамжа — коробка из бересты, клюка — кочерга (Взяты из избы ... две чугунки ... ухват и клюка. 1864, № 12, с. 77, неофиц.), лжица — ложка (Две лжицы серебряные. 1863, № 45, с. 675, офиц.), туясок — берестяной короб с крышкой, хлебник — нож для резки хлеба.

НАЗВАНИЯ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ. Анбар (Выкрадено... в анбаре. 1863, № 37, с. 240, неофиц.), завозня, клев, клеть, стайка, вышка — чердак, матка (Загорелись... щели вблизи трубы около потолочной матки. 1863, № 11, с. 49, неофиц.), погребица — погреб, подпол, чело — часть печи, чувал (В комнате топился чувал, 1864, № 27, с. 181, неофиц.), горница (через разломание у горницы окна покрадено ... 1863, № 48, с. 346, неофиц).

ЛЕКСИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. Зарод, кладь (Много хлеба проросло в кладях. 1864, № 7, с. 43, неофиц.), конопле (Конопле и лен покупают для себя в Томске. 1864. № 29, с. 197, неофиц.), ярица — яровая рожь, загон (Градом выбито хлеба: ярицы 1 десятина и один загон, пшеницы 10 загонов ... хлеба озимового 104 десятины ... конопля 3 десятины. 1863, № 44, с. 311, неофиц.).

НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ И ЧАСТЕЙ ИХ ТЕЛА. Бугай, порос (Бык порос шерстью красный. 1864, № 10, с. 146, офиц.), селеток (Гнедая кобыла, при ней жеребенок селеток кобылка шерстью гнедая 1864, № 18, с. 285, офиц.), скотина — одно домашнее животное (Земский суд вызывает хозяев к пришатившимся двум рогатым скотинам. 1863, № 26, с. 453, офиц.; Больного рогатого скота 28 скотин. 1863. № 29, с. 174, неофиц.), бедра (На задней левой бедре тавро. 1862, № 3, с. 18, офиц.), лен—шея.

ЛЕКСИКА ФЛОРЫ. Бархатник, голубица (В борах растут... черника, голубица, костяника. 1864, № 26, с. 175), кислица (Черемуха, черная и красная смородина — по-местному кислица 1864, № 26, с. 174, неофиц.), колба — дикий чеснок, лесина — растущее дерево (Причина смерти последовала, как полагают, от падения с лесины, на которой он срубал сучья. 1863, № 25, с. 144, неофиц.), попутник — подорожник, пуны — мухоморы, остяцкая крапива, водяное масло или озерное масло, ласточкина трава, грудная трава, песочная трава, ягодица или волчье лыко *(Ягодица* или *волчье лыко* — от ревматизма, запора, лихорадки. 1864, № 27, с. 178, неофиц.).

ЛЕКСИКА ФАУНЫ. Белодушка, крестовка и сиводушка — названия лисы, кошлок (Найдя бобра, можно не убивать его детенышей кошлоков. 1864, № 37, с. 242, неофиц.), ласточка — зверь ласка, пеструха (Боровые птицы: глухарь, косач, пеструха, рябчики и куропатки. 1864, № 41, с. 281, неофиц.), пестун, сохатый — лось, черный зверь — медведь, паут — овод, искозоб — пескарь, чебак—разновидность рыбы плотвы, щекур—рыба «похожая на муксуна» (1864, № 42—43, с. 290, неофиц.).

НАЗВАНИЯ МЕСТНОСТИ. Буерак — овраг, воек — разновидность озера, елань, живец — ключ с чистой водой, колок, пондижа — заливаемое водой высокое место, сор (Вех растет на сорах и в борах около болот ... Господствующее растение соров — осока. 1864, № 27, с. 179, неофиц.).

ЛЕКСИКА РЫБОЛОВСТВА И ОХОТЫ. Дель (Для вязки неводной дели и сетей. 1863, № 27, с. 161, неофиц.), морда-ловушка для ловли рыбы, тетива (верхняя и нижняя) — веревка у невода, тонь (Каждая тонь бывает очень обильна. 1864, № 42—43, с. 290, неофиц.), подъем рыбы (Жители Обдорья и Березова ход рыбы называют подъемом. 1864, № 23, с. 289, неофиц.), чердак — рыболовецкий снаряд; тамар — деревянная стрела с тупым концом, неплюйка — шкурка олененка, пинежина — шкурка лося.

Единичными словами представлена лексика других тематических групп. Например: длинник (Земли длиннику 14 и поперечнику 30 саж. 1863, № 8, с. 93, офиц.), заплот — забор (Загорелся заплот двора крестьянина Льва Михайлова. 1863, № 46, с. 325,

неофиц.), кошева — сани (Вызываются за получением лошади бурой масти, запряженной в кошеву. 1862, № 11, с. 144, офиц.), ограда — двор (Крестьянин Прохор Батурин... в ограде своего дома ... умер. 1863, № 25, с. 143, неофиц.; Крестьянский сын Гаврило Кондратьев, 3 лет, выйдя из ограды дома ... упал. 1863, № 17, с. 78, неофиц.), пускать палы — сжигать прошлогоднюю сухую траву, пасма — единица измерения пряжи (Ниток 150 пасм. 1863, № 43, с. 617, офиц.), пошевни — сани, сера — смола (Против золотушного чирья ... употребляют лиственичную серу. 1863, № 25, с. 140, неофиц.), стяг — палка (На пояснице синебагровые пятна от нанесенных ударов стягом. 1863, № 46, с. 327, неофиц.), порса и урак (Порса — изжаренная мелкая рыба. Томские инородцы называют порсу ураком. 1864, № 46—47, с. 322, неофиц.), пыл — огонь (Дом Пранга подвергался сильному пылу, 1864, № 45, с. 309. неофиц.) и др.

Диалектная лексика «Томских губернских ведомостей» ограничена частеречно. Основную массу составляют существительные (более 170) [10], в том числе и субстантивированные прилагательные типа сохатый—лось, побежная—веревка, которой подтягивают невод к берегу, кошевая — сани. Значительно меньше прилагательных, отыменных и отглагольных (всего около 40 слов): базарный— покупной, водотопный — заливаемый водой, головчатый (Головчатый лук. 1862, № 3, с. 15, неофиц.), жеребьевый, изгребный, кошемный — сделанный из кошмы, ласточный в ◇ ласточная трава, ленной — льняной, мизинный в ◇ мизинный палец, неятный (На задней бедре неятное тавро. 1863, № 14. с. 177, офиц.), озимовый — озимый, присмуглый, скотский — говяжий, соровой (Оно родится в соровых озерах, 1864, № 27, с. 177, неофиц.), череповой в ◇ череповое бревно (С задов от реки Ушайки с подпола подожжено череповое бревно. 1863, № 30, с. 183, неофиц.), шадровитый— со следами оспы (Лицом смуглая шадровитая. 1863, № 46, с. 675, офиц. Лицем бел шадровит. 1864, № 22, с. 571, офиц.), гульный — живущий на воле (о скоте), навесистый — развесистый, обсечковатый — обрезанный (Хвост обсечковатый, 1863, № 14, с. 192, офиц.; Грива обсечковата. 1863, № 17, с. 248, офиц.), пачесный — сделанный из очищенного льна, пришатившийся — приблудный (Земский суд вызывает хозяина пришатившейся лошади, 1863, № 5, с. 56, офиц.), срослый (Левое ухо порото и срослое. 1864, № 14, с. 213, офиц.) и др.

Возможно. к числу локально ограниченных слов надо отнести многочисленные названия мастей домашнего скота, в состав кото-

---

[10] В это число включены и диалектные существительные, входящие в состав фразеологизмов: пускать палы, потолочная матка и т. п.

рых входят наименования оттенков цвета типа с бела, с бура, с голуба, с игреня, с каря, с каура, с мухорта, с полова, с рыжа, с чала, (Правая нога по бабке белая, у левой щетка также с бела. 1864, № 27, с. 478, офиц.; О вызове хозяев к гульным лошадям ... с каря гнедой ... с кауро игреней ... синечалой с мухорта. 1863, № 13, с. 177. офиц.; Ищет хозяев жеребцу с каря серому ... кобыле с чала гнедой. 1863, № 17, с. 248—249, офиц.; Хозяин мерину с голуба карему. 1863, № 41, с. 580, офиц.; Хозяин мерину с рыжа бурому. 1864, № 7, с. 85, офиц.; Хозяин ... кобыле шерстью с полова буланной. 1863, № 45, с. 656, офиц.; Кобыла с рыжа коурая. 1864, № 8, с. 109, офиц.; Хозяин... кобыле шерстью с полова буланной 1863, № 45, с. 656. офиц. и др.).

Диалектные глаголы и наречия единичны: класть — кастрировать (Бычков обыкновенно *кладут* и только некоторых оставляют для оплодотворения. 1864, № 37, с. 248, неофиц.), куржаветь — покрываться инеем, огребаться — грести веслами, обсечковать — обрубить, скать — крутить, свивать; зазнамо (Нередки случаи, что беглые проживают у крестьян за-знамо. 1864, № 34, с. 217, неофиц.), теперича (Ляжет он теперича на пол. 1863, № 38, с. 242. неофиц.) [11].

Итак, «Томские губернские ведомости» дают богатый диалектный материал, подтверждающий существование в сибирской речи XIX в. многих слов и выражений, зафиксированных и не зафиксированных в областных словарях (например, воек, вохлыш, белий — беличий, боевой знак — след от побоев на теле, головчатый лук — репчатый лук, ласточная трава, лжица — ложка, морох — ход рыбы вверх по течению, отсутствуют и в словарях русского литературного языка и в «Словаре русских народных говоров»). Местная лексика «Томских губернских ведомостей» подтверждает также положение о неоднородности диалектного происхождения словарного состава томских говоров, об участии в сложении их лексической системы не только северно-русских, но и южнорусских говоров. Так, в «Словаре русских народных говоров» к южнорусизмам отнесены слова, встречающиеся в «Томских губернских ведомостях» КАПОТКА кафтан (помета юж.) и ИВЕРЕНЬ — «вырванное место у лошади. Дон».

Дальнейшее изучение губернских ведомостей не только расширит словник «Словаря русских народных говоров», но и состав его локальных помет. Пока же этот источник лексикографами еще не использован. Всесторонний анализ лексики всех губернских ведомостей может дать многое не только для региональной лексикографии, но и для исторической лексикологии.

---

[11] Слово «теперича» употреблено в прямой речи крестьянина в статье Д. Кузнецова «Томск 27 сентября».

И. Г. ФАТАХОВА

ЖУРНАЛ «ОХОТНИК И РЫБАК СИБИРИ» КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Интенсивное развитие региональной лексикографии требует привлечения все большего количества источников. Ф. П. Филин выделяет четыре группы источников: материалы словарных картотек Института русского языка АН СССР, опубликованные словари и другие сведения по диалектной лексике (общие и специальные словари, этнографические описания, записи живой речи, словарные приложения к различного рода изданиям), рукописные материалы к словарной картотеке Института русского языка АН СССР, словарные приложения к кандидатским диссертациям по диалектологии[1]. Все эти источники использовались составителями «Словаря русских народных говоров»[2]. Однако в списке источников словаря нет местных энциклопедий[3] и местных специальных журналов, которые тоже могли бы дать определенный материал для региональных словарей. Один из таких журналов и послужил объектом анализа настоящей статьи.

,Охотник и рыбак Сибири»—ежемесячный научно-популярный журнал. Он посвящен вопросам охоты, рыбной ловли, пушного промысла, звероводства и собаководства, отражает жизнь и быт охотников и рыбаков Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Издавался журнал в Новосибирске с 1924 по 1933 г. С 1934 г. он стал выходить под названием «Охотник Сибири».

Особенность специального журнала как лексикографическоского источника состоит в том, что в нем имеются самые различные по жанру, стилю и языку материалы.

В общем разделе журнала помещались правительственные по-

---

[1] См.: Филин Ф. П. Проект Словаря русских народных говоров. М.; Л., 1961. С. 6—10.

[2] См.: Список источников//Словарь русских народных говоров/Составит. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965. Т. 1. С. 21—99.

[3] См.: Блинова О. И., Палагина В. В. «Сибирская советская энциклопедия» как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979. С. 14—45.

становления и решения местных органов власти, он включал подраздел «Хроника соцсоревнования».

В общем разделе встречаются статьи типа «Крепить мощь Красной Армии», «Пятилетку в четыре года» и т. п. Для диалектологов этот раздел в силу своей специфики не представляет интереса: диалектизмов в нем нами не обнаружено.

Раздел «Охотничье хозяйство» содержит разнообразные по содержанию материалы. Это и описания способов охоты, например: «Малоизвестный способ охоты на белую куропатку» (1932, № 1), «Осенняя и зимняя охота на глухаря» (1932, № 8), «Весенняя охота на уток» (1932, № 3). И описания устройства ловушек на дичь, и техника пользования ими: «О технике добычи весенних видов пушнины» (1932, № 4).

С 1932 г. в этот раздел введены подразделы «В охотугодьях» и «Охотничий опыт», в которых корреспонденты сообщали о результатах работы охотничьих хозяйств, охотники делились с читателями своим опытом. Например: «Новосибирское опытное хозяйство» (1932, № 11—12), «Как мы добываем хищного зверя» (1932, № 9—10), «О соболином промысле в Забайкалье» (1932, № 11—12).

Раздел «Рыбный промысел» посвящен рыболовству. Здесь описаны: устройство рыболовных снарядов: «Стрежевой невод» (1932, № 11—12), «Ставная сеть» (1930, № 3), «Мутник» (1932, № 5—6); способы лова рыбы: «В осетровых краях» (1930, № 1); есть и рассказы об условиях труда рыбаков: «Зимой с неводом» (1930, № 1).

Раздел «Быт охотника и рыбака» интересен тем, что авторы нередко не только рисуют картины жизни, но и стараются передать язык охотников и рыбаков. Так, в зарисовке с натуры «Крылатая щука» А. Михайловского (1930, № 1) повествование ведется от имени героя-рыбака, который рассказывает о событиях, происшедших с ним и его сыном на берегу р. Кан. Репортаж В. Троицкого «Вавила-промысловик» посвящен охотникам Минусинского округа (1930, № 1). Автор почти дословно передает свой диалог с охотником Вавилой.

Кроме перечисленных в журнале были разделы: «По товариществам и коллективам», «Звероводство», «Обзор охотлитературы», «Пушное дело», «Собаководство». Различными жанрами художественной литературы представлен «Литературный отдел». Здесь опубликованы поэмы и стихотворения: «Рыбаки» З. Шадрина (1932, № 9—10), «Караси» И. Мухачева (1930, № 3) и др.; рассказы: «Тетеревиное» Мих. Воротова (1932, № 4), «Преступление рыбака Чехони»

М. Бубеннова; повести: «Пестун» П. Гинцеля (1932, № 1, 2, 5—6, 9—10, 11—12).

Авторами статей и художественных произведений являются не только профессиональные журналисты, но и охотники, рыбаки, школьники. Биографических сведений о корреспондентах нам найти не удалось. Единственное, что известно исследователю языка журнала,— это местность, откуда прислан материал для публикации (Нарымский край, Забайкалье и т. п.).

Для настоящей статьи использовано 15 номеров журнала: № 1—3 за 1930 г. и № 1—12 за 1932 г. В них было обнаружено более трехсот областных слов. Наибольшее количество диалектизмов встретилось в повести П. Гинцеля «Пестун» (85 слов) и не только в речи персонажей, но и в авторской речи. В тексте произведения диалектизмы никак не выделяются. Например, в речи героев: «Давай-ка которую лопатину-то» (1932, № 2, с. 37), «Об этом посля побалакаем» (1932, № 2, с. 37). Не объясняются они и в речи автора: «Деревья стояли в куржачке» (1932, № 2, с. 38), «Пестун залег на болотняке меж трех небольших сосенок» (1932, № 2, с. 30). Немало областных слов использовано в зарисовках с натуры, очерках, специальных статьях: «Крылатая щука» А. Михайловского (1930, № 1), «Стрежевой невод» В. Панфилова (1932, № 11—12), «Мутник» П. Кучина (1932, № 5—6), «Балберовый наплав заменить пихтовым», (1932, № 2), «Пути рационализации летнего рыболовства на западносибирских озерах» (1932, № 5—6) и др.

В журнале использованы различные приемы подачи диалектных слов и способы их семантизации. Ведущим в раскрытии значения диалектизма является толкование его через литературный синоним. Например: «Соответственно тягам подбирается кибас (груз)» (1932, № 2, с. 15), «К этой бечевке ... привязывают гирюлот в 4—5 кг» (1932, № 11—12, с. 10), «К отходам боен относят: выпоротки — утробные телята и жеребята...» (1932, № 2, с. 28—29). Некоторые диалектные слова частично семантизируются литературным словом, обозначающим родовое понятие: «В первый день было добыто 3 белки — две выходных, одна подпаль» (1930, № 1, с. 68). Встречаются и примеры энциклопедического толкования: «Лов крыгой производится с берега с небольших мелей. Крыга представляет из себя сеть в виде большого размера мешка конусообразной формы, натянутого на 2 легких шеста, соединенных между собою в угольник» (1932, № 3, с. 14).

Иногда диалектные слова выделяются графическими средствами: дефис, кавычки, скобки: «Под контролем и ответственностью коллектива самоловы, в частности «плашки», необходимо разрешить» (1930, № 2, с. 33), «Отец соболевал», а они с бра-

том «белковали», выходя на охоту то вместе, а то и в одиночку» (1930, № 1, с. 58), «Подледный лов» в Нарымском крае на чворах (в озерах) дал сильное снижение добычи» (1930, № 2, с. 61), «Для притонения невода на Сартлане и Б. Чанах делается две проруби-майны» (1930, № 2, с. 43).

В некоторых случаях диалектизмы объясняются в сносках: «Отсюда груз доставляется ... на илимках», а в сноске объяснение: «Илимка — крытая лодка грузоподъемностью 12—14 тонн» (1930, № 2, с. 20).

Журнал «Охотник и рыбак Сибири» дает лексикографу материал о диалектной лексике русских говоров Сибири. Особенно богато представлена местная лексика тематической группы «Рыбный промысел». Из этой группы употреблены диалектные названия орудий рыбной ловли: сетей (ботальная сеть, крыга) неводов (глубевый невод, курьевой невод, поперечник), рыболовецких снарядов в виде мешка, сетчатого кошеля, верши (чердак, бредешок, корыто, наметка, фитиль, вентерь), рыбозаградительных сооружений(атарма, запор), частей и деталей рыболовецких снарядов (дель 'сетчатая ткань', дель-двухперстка, дель-трехперстка, оттуга 'бечева, связывающая самоловы', кляч 'палка или веревка у невода', балбера, а также гагара, наплав, фуньга — названия поплавков, кибас 'грузило у невода' и др.). Названия рыбаков, исполняющих различные обязанности: башлык 'старший во время лова рыбы', бережничий 'рыбак, тянущий невод вдоль берега', лямщик 'рыбак, тянущий невод под водой', мокруша — «Мокруши — 2 человека, по одному человеку на крыло, подают из воды на ворот и обратно прогон» (1930, № 2, с. 42), уставщик, рыбак, который руководит установкой невода'. К рыболовецкой лексике относятся и слова: белая рыба 'рыба неценных пород', ватага 'рыболовецкая артель', иркан — «С ирканом шурша бережничий бредет» (1932, № 8, с. 35), опчан 'сушеный омуль', троянка — «В ушко провертывается отверстие для пеньки (троянки)» — из статьи «Балберовый наплав заменить пихтовым» (1932, № 2, с. 15).

Само название журнала показывает, что в нем должна быть широко представлена лексика охоты и леса. В этой лексике встречаются диалектные слова.

Названия орудий охоты и их деталей: кулемка 'разновидность капкана', плашка — 'ловушка на мелкого зверя', слопец — 'ловушка на разных зверей', силышко 'уменьшит. от силок', тройник.— «Не удалось поставить опыта загона зайца в тенета или тройники» (1932, № 3, с. 18), малопулька 'мелкокалиберное ружье', потаек 'тяжесть, привязанная к капкану', сторожок 'насторожка в ловушках' и др.

Названия животных и их шкур: выходной и невыходной зверь 'полинявший и неполинявший зверь', подпаль 'белка с невылинявшей шерстью', серебрянка и сиводушка 'разновидности лис', синеручка 'белка в предзимний период', тайкая белка — «А где и нападешь, так не скоро возьмешь «тайкую» белку» (1932, № 9—10, с. 31), краснохвостка 'белка с рыжим хвостом', гарявка — «Мы часто видим гарявку-белку, добытую отцом» (1930, № 3. с. 19), маралуха 'самка марала', сусленик 'колонок', сурик 'сурок', тарпан 'дикая лошадь', стригун 'годовалый медвежонок', пестун медвежонок одного года, оставшийся при матери', лончак 'двухгодовалый олень', третьяк 'животное на третьем году жизни', копанцы 'молодняк песца', синяк, 'молодая белуха', подсосая белка 'детеныш белки', гагара 'шкура песца', камусь 'шкура с ног оленя'.

Названия птиц: косач 'глухарь', копалуха 'самка глухаря', куропач 'самец куропатки'.

Другие слова тематической группы «Лексика охоты»: белковать 'охотиться на белок', соболевать 'охотиться на соболя', залобанить 'убить зверя', рябковье 'охота на рябчиков', поедь 'приманка на дичь', затравка 'приманка' — «Затравка есть и зверь придет» (1932, №9—10, с. 29), гайно 'гнездо белки', наброд 'след животного', жеребье 'кусочки свинца, употребляемые вместо пуль', жировать 'питаться добычей на месте охоты', жировая юрта 'временное жилище охотников', засидка 'место, где сидит охотник', мошонка 'охотничья сумка', пулелейка 'прибор для литья пуль', лудева 'запор, закрывающий животным доступ к водопою', подчучельник — «Ганька уже гремел топором, вырубая подчучельники» (1932, № 4, с. 29).

Лексика леса: бересто, болонь 'слой древесины под корой', выворотень 'вывороченное с корнем дерево', горельник 'выгоревший лес', дубодер 'дерево с которого снята кора', живица 'смола', забока 'лесок по берегам реки или озера', заболонь 'сердцевина дерева', карча 'снесенное водой дерево', карчажник 'груда сваленных деревьев', кедро, колода пень, колодец 'яма в лесу', колодина 'толстый ствол упавшего дерева', колодник 'труднопроходимое место в лесу', колок 'лесок', кондовый 'с крепкой древесиной', кухта 'снег на деревьях', отдув — «Чаще всего след соболя теряется в россыпи или в корнях «под отдувом» старого дуплистого кедра, где зверя и облаивают собаки» (1932, № 11—12, с. 18), подсадистый — «Ганька, казалось, знал здесь каждую березу, знал, на какую из них в какую погоду лучше садится птица.— Вот подсадистая береза,— внезапно останавливаясь, бросал Ганька в темноту — Ну, который тут сядет?» (1932, № 4, с. 21), стяг и умень-

шит. стяжок 'палка, жердь', урепа 'густой кустарник', урман 'хвойный лес', чащобник 'чаща', чернижник 'заросли черники' и др.

Встречаются диалектизмы и из других тематических групп: названия местности, явлений природы, построек, одежды, обуви, непредметная лексика. Например: аванька — «Все аваньки несли Урванцеву пушнину». В сноске дано объяснение: «Аваньки—тунгусы» (1932, № 9—10, с. 30), айдате — «Айдате в баню» (1932, № 5—6, с. 60), балберовый 'сделанный из коры дерева', беремя 'охапка', допреж 'сперва', доспеть 'сделать', дурничка 'глупость', живец 'ключ, родник', жировик 'светильник', жулан, ласкат. жуланчик 'снегирь', загородь 'изгородь', кошевка 'разновидность саней', кошенина 'скошенная трава', крыльца 'заплечье', куржак и куржачок 'иней', лен 'затылок', лешак 'леший', морок 'туман', наробить 'наработать', натакаться 'неожиданно наталкиваться', натрыжный 'нахальный', нащеп 'продольный брус саней', няша 'топкое загрязненное дно водоема', обласок 'долбленая лодка', омет 'стог сена', опосля 'после', отвейка 'отход от веяния', отколь 'откуда', парка 'верхняя одежда из оленьей шкуры', погаркать 'позвать', поколь 'пока', поднова 'только что выпавший снег', посыкаться 'попытаться', провозекаться 'провозиться', сивер 'северный ветер', согра 'заболоченное место', стрелить 'выстрелить', стреложить 'стреножить', сувой и сумет 'сугроб', третьеводни 'позавчера', уброд 'рыхлый снег', угорье 'подножье горы', чвор 'озеро', чегадак — «За ним ехали женщины... в длиннополых плисовых безрукавках — чегадаках — поверх» (1932, № 8, с. 32), чирки 'разновидность обуви', шабур 'разновидность верхней одежды', шевяк 'засохший навоз', щерба 'уха', юкнуться 'стукнуться', юрковые нитки 'нитки с катушки' и др.

Следует отметить, что некоторые слова, относимые авторами и редакторами журнала к диалектным, не обнаружены нами ни в словарях современного русского языка, ни в «Словаре русских народных говоров», ни в тех 18 диалектных словарях, к которым мы обращались. Примеры: аванька 'тунгус', беляк — «Взрослые экземпляры белого цвета — «беляки», а молодняк синего цвета «синявки». Так их (дельфинов) разделяют промышленники Туруханского края» (1930, № 3, с. 34), глубевой невод — «На наиболее больших озерах... значительную часть плана должны дать так называемые глубевые невода» (1932, № 5, с. 20), кирысь — «Благодаря» кирыси, собаки некоторых охотников ... попортили носы» (1930, № 3, с. 25), куропач — «Самец белой куропатки — «куропач», как его называют» (1932, № 1, с. 20), наброд — «Судя по длине сделанных отдельной птицей набродов (следов) ...» (1932, № 1, с. 18), опчан — «Туксаул подал отцу два больших засушенных на солнце омуля, которые на языке рыбаков носят название

«опчаны» (1930, № 1, с. 66), отдув, пабереги — «Ползут «пабереги» — белый береговой ледок» (1930, № 1, с. 53), стреложить, тонга — «Только бы не помешала тонга (подледный снег)» (1932, № 8, с. 13), чегадак, чертоход и др.

В целом, надо сказать, что журнал «Охотник и рыбак Сибири» дает богатый диалектный материал для региональной лексикографии, отражая говоры Сибири 20—30-х гг. XX в.

Л. А. ЗАХАРОВА

КЕТСКИЕ ПАМЯТНИКИ XVII в. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ

Подготовка материалов для Томского исторического словаря XVII в. заставила автора посмотреть на письменные памятники XVII в., созданные на территории Кетского острога, как на источник изучения народно-разговорной лексики этого периода. С этой точки зрения уже были рассмотрены памятники Нарымского и Томского острогов.

Вопросами изучения народно-разговорной речи, и в частности, народно-разговорной лексики прошедших эпох, начиная с академика Б. А. Ларина, занимаются многие ученые, такие как Е. И. Полякова, Е. К. Абрамова, Е. Н. Образ, Н. Е. Садыхлы, Е. Н. Борисова, С. И. Котков и др. В настоящее время большинство ученых, историков русского языка без предубеждения принимает свидетельство Т. В. Лудольфа о противоположении и существенном различии в XVII в. учено-книжного и обиходно-разговорного языка.

Исследователи данной проблемы считают, что памятники могут служить источником изучения разговорного языка в том случае, если они отражают разговорные черты в комплексе: фонетические, морфологические, синтаксические и лексические.

Документы Кетского острога XVII в. довольно хорошо отражают эти черты.

1. Фонетические: а) переход сочетания ТС в Ц — посылаеца, из Кецкого острогу и др. (ЦГАДА, стб. 757); б) ассимиляцию по глухости и звонкости — збежал, з женами, Фетька и заклатчиков и мн. др. (ЦГАДА, стб. 685).

2. Морфологические: а) флексии прилагательных и местоимений -ОВО (-ЕВО), -ОВА (-ЕВА), в род. п. ед. ч. м. р. — ис Томсково городу, из Кецкова острогу и др. (ЦГАДА, стб. 1347); б) суффикс -УЧИ (-ЮЧИ) в причастиях — узнаючи, покупаючи, будучи и др.

3. Синтаксические: конструкции с многократным повторением союза И, с употреблением слов ДЕ, МОЛ, передающих разговорную речь — ...а сколько де вина и денег было тово де мы

не ведаем (ЦГАДА, стб. 250); и была вода большая и соболи и лисицы вытопя водою и зима была студена и твоего гдрва ясаку нам сиротам промышлять было нельзя (ЦГАДА, стб. 757, л. 38).

Выработать критерии определения разговорности лексики XVII в. значительно труднее и прежде всего из-за отсутствия нормативных словарей XVII в. с соответствующим стилистическим маркированием словарного состава русского языка этого периода. Поэтому и в настоящее время основным вопросом в решении этой проблемы остается разработка критериев выделения разговорной лексики в деловых памятниках XVII в.

В связи с этим основными задачами статьи являются две: выявить критерии, позволяющие считать слово народно-разговорным для XVII в. и охарактеризовать кетские памятники XVII в. в качестве источника изучения народно-разговорной лексики.

К народно-разговорной лексике XVII в. мы относим слова, свойственные устной народно-разговорной речи, характеризующие явления повседневного быта. В ней прежде всего, по мнению многих исследователей, выделяется наиболее бесспорная группа слов по формально-грамматическим признакам:

1. Имена существительные с суффиксами, создающими презрительно-уничижительную или уменьшительную оценку явлению. Таких слов много в памятниках Кетского острога XVII в.: девка — девочка, недособолишко, бобришко, соболишка худые, лисиченка, листа, соболек, исподишко, платишко, топоришко, топоренок, котлишко, ножишко, кошлочишко, ярчишко, не говоря уже о таких существительных, которые по этикету должны стоять в уничижительной форме: детишки, женишки, крестьянишки, людишки и т. д. — ...а место де угоже и крепко и рыбно и пашенка невелика есть (М-1, 438); У Артюшки 16 *соболишек* да 7 *бобришков* да *лиска* красная (М-2,241); ...и они государева ясаку не дали, а дали поминки *соболишка худые* (М-2,208); ...с пяти *соболишек* вешных плохих (ЦГАДА, кн. 361, л. 253); ... з дву *бобриков* с кошлока по оцѣнке[1] со всево с десяти рублевъ десятые пошлины взято рубль (ЦГАДА, кн. 19, л. 514); ...с трех *кошлочишков* да з дву *бобришков* да с *лисиченка* чернобурово ... десятые пошлины взято (ЦГАДА, кн. 19, л. 509).

2. Глаголы с суффиксом -ЫВА (-ИВА), чаще всего многократного или повторяющегося действия: хаживать, писывать, помирывать, имывать, присылывать, давывать, сказывать и др.— ... и я про то к Москве *писывал* на Ивана Нелединского (М-2,232); ...а те тунгусы ясаку не *плачивали* (М-2,211); ...а кетские ясатчики сымских остяков в подводы не *имывали* и на дороге они на-

[1] Знаком Ѣ передается буква «ять».

прасною смертью не *помирывали* и своих мест те остяки в Мангазейский уезд не *выбегивали,* а живут по старым местам (М-2,223); ...а преж сево тот князец... государю ясаку не *давывал* же (М-2,211) и мн. др.

3. Отглагольные бессуфиксальные существительные. Их встречается немного: *изгоня* — притеснение, обида, насилие. — И к нам холопем твоим от него никакова озлобления и *изгони* напрасно не было (ЦГАДА, стб. 1347, л. 53); *бой, — побои* — А в отписке во Иванове написано, что тот убитой остяк ... от *бою* Василия Пушкина умер а не от кецких ясашных людей (ЦГАДА, стб. 259, л. 527); *варя* — 1. Напиток, приготовленный путем варки.— ...тот хмель кладен в пивную варю к вешнему ясашному сбору (ЦГАДА, кн. 1071, л. 98); 2. Определенное количество чего-либо, изготовленное одним приемом, одной варкой.— У казачья десятника ... варено две *вари* пива (ЦГАДА, кн. 734, л. 153 об.); *оборон* — защита, охрана, заступничество.—... и по твоему... указу нас холопей твоих от всяких проъзжих людей праворазсудием своим *оборон* чинил и в обиды не давал (ЦГАДА, стб. 1347, л. 53);*мор* — отрава, яд.

4. Глаголы с приставками ИЗ- (ИС-), О- (ОБ-), ПОД-, ПРО-: *иззакладывать* — ...а покупаючи гдрь твой ... ясак и поминки женишки и детишки свои *иззакладывали* и спродали (ЦГАДА, стб. 757, л. 74); *испродать*—...и тех своихъ жен и детей *испродали* а иных и закладывали и покупали ... твой гдрь ясак и поминки (ЦГАДА, стб. 250, л. 349); *поисхватать* — ...и бог помиловал, что тех лутчих людей вскоре *поисхватали,* а оне было хотели ехать тотчас на скоп, где было у них збиратца (М-1,415); *обогатеть* — разбогатеть, обогатиться — А в посаде живут, многие себъ древенские заводы заводят ... а от тъх своих заводов и промыслов *обогатели* большим богатством (ЦГАДА, стб. 757, л. 17, 18); *одолжать* — задолжать — И я холоп твой волокся из Сибири ... з женишкою и з детишками *одолжалъ* великими долгами (ЦГАДА, стб. 903, л. 8); *подмогать* — помогать — И дъти нша и братя и племянники которые нам в твоем ... ясакъ *подмогали* померли оспою и ослепли (ЦГАДА, стб. 757, л. 110).

5. Приставочные и бесприставочные глаголы с суффиксом -СЯ: *стакаться* — сговориться с кем-либо — И ленский воевода... для своей корысти *стакався* с Василиемъ Нелединским нас сирот твоих в Кетцком остроге не переменили и не отпустили (ЦГАДА, стб. 250, л. 348); *отстаться* — остаться — ...ясашный человекъ ... умер, а его мъсто въ ясакъ нихто не написан написат было гдрь ... неково детъй и брати и племянников не *отсталос* (ЦГАДА, стб. 226, л. 22); *должиться* — брать в долг — А преж сево гдрь покупали

и *должилис* у служилыхъ людей ... и топоренком и ножишком дешевою ценою (ЦГАДА, стб. 757, л. 73); *поступаться* — И вы *поступаетесь* напрасно в мой присуд (М-1, 412, кетск.); *завестися:* — И на Енисею служивым людем ясатчиком запасов не *завестися* за далеком, одва всею зимою сходят (М-1, 439); *вступаться* — вступать, входить — И вам бы, господине, в мой присуд в Киргиссы и в Чюлым до государева указу не *вступатца*, ясаку с них не велеть имать и заклатчиков (М-1, 413).

Слова данной группы были проверены по словарям русского литературного языка (МАС, БАС, Уш., Ож.), а также по «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, «Опыту областного великорусского языка», «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф. П. Филина, «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под редакцией В. В. Палагиной и по «Словарю русского языка Академии Российской 1789 г.». Все они имеют в этих словарях либо пометку о разговорном, просторечном или диалектном характере, либо отсутствуют. Это дает нам право считать все слова, выделенные по формально-грамматическому критерию, бесспорно народно-разговорными для XVII в.

Так как выявление лексики устной речи в языке XVII в. до сих пор остается в определенной степени гипотетическим из-за отсутствия нормативных словарей XVII в., то ко второй группе относим слова, не столь бесспорные, как лексические единицы первой группы.

1. Прежде всего это лексика, имеющая в «Словаре Академии Российской» пометы «просто», «в обыкновенном языка употреблении», «просторечие», «простонародное» или «умалительное»: *де* — частица несклоняемая, позади имени полагаемая, в просторечии токмо употребляемая; *преж* — прежде, просто же прежь; *скоп* — то же, что скопище, сборище, говорится токмо в худую сторону — ...и бог помиловал, что тех лутчих людей вскоре поисхватали а оне было хотели ехать тотчас на *скоп*, где было у них збиратца (М-1, 415).

2. Слова, имеющие в словарях современного русского языка либо пометы «разг.», «прост.», «обл.», либо отсутствующие в них, таких слов очень много: *вершина* — исток реки — И они де побивают бобры выдры в Енисейском уезде в Чулымскихъ *вершинах* (ЦГАДА, стб. 250, л. 292, кетск.); *ветчаный* — ветхий, старый — ...послал я холопъ твой ... старые книги горелые и *ветчаные* чтоб те гдрь книги починить (ЦГАДА, стб. 362, л. 570); *ворочать* — возвращать — ... которые де наша братя остяки к воеводе почести не отнесут и не хотят ждать по себе поруки воевода де их не пропускает мимо Кецкой *ворочает* де их назад ис Кетцково

(ЦГАДА, стб. 250, л. 292); *днище* — расстояние, проходимое за день; *дощаник* — разновидность речного судна; *кряж* — место, пригодное для пахоты; *леший* — лесной; *лом* — сухие, упавшие деревья и сучья в лесу; *недолись* — молодая лиса; *неколи* — некогда; *облас* — лодка, выдолбленная из одного дерева; *отдалеть* — удалиться; *пихнуть* — оттолкнуть; *погинуть* — погибнуть; *прошать* — просить; *разваристо* — вдоволь — Я холоп твой кормил их *разварясто* каши муки ржаной и поил их пивом болшим (ЦГАДА, стб. 291, л. 59); *саламат* — кисель или жидкая каша из муки с маслом или салом; *спродать* — продать; сторонный — боковой? — Он дъ нам всем з дороги велел разбъжатца по сторонным речкам (ЦГАДА, стб. 250, л. 349); *убойца* — убийца; *ярец* — годовалый бобр, бобренок и мн. др.

Диалектными для XVII в. мы считаем а) слова, зафиксированные историческими словарями и «Словарем русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби»: *жнитво* — время жатвы; *однолично* — без помощи других; *чаять* — ожидать, предполагать;

б) различные варианты общерусских слов, не зафиксированных ни в современных, ни в исторических словарях: *многижда, осторожливо, санапал* — самопал, *теперево* — теперь, *тряжды* — трижды, *колмаки* и др.;

в) слова, зафиксированные историческими словарями, но в XVII в. распространенные только на определенной территории: например, только северным[2] говорам в XVII в. были знакомы слова: *облас, каюк, дощаник, батог, конопле, убоец* — убийца и др. Северным и сибирским говорам в XVII в. известны были следующие слова: *волк, Камень* — Уральские горы, *вешная вода, большая вода* — половодье, разлив (ср. с южными, где употреблялась *полая вода), сиводушка, белодушка* — названия разных пород лис; *горносталь* (в южн. было горностай), *кошлок, ярец, недолись, недособоль* и др. Южным и сибирским говорам в XVII в. принадлежали слова: *варя, пойло* — питье, *пресный мед* — свежий, не перебродивший мед, *авощ* — овощи и др. Только сибирским районам в XVII в. были известны следующие слова и словосочетания: *горячее вино* — спирт, водка, крепкий напиток; *саламат* — кисель или жидкая каша из муки с маслом или салом; *землица* — вновь открытая или подчиненная земля;

---

[2] Диалектная принадлежность слова определялась по наличию — отсутствию слова в памятниках делового письма XVII в., созданных на севере, юге и в Москве (см.: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968; Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т. 2—3; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги. М., 1982; Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М., 1977 и др.).

князек, князец — предводитель малых народов; *новокрещен, ясашник, сибиряне* и др.

Таким образом, проанализированные письменные памятники Кетского острога XVII в. являются хорошим источником изучения народно-разговорной лексики XVII в.

СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948—1965. Т. 1—17.

М-1—Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1939. Т. 1.

М-2—Миллер Г. Ф. История Сибири. М,; Л., 1941. Т. 2.

МАС — Словарь русского языка. М., 1963. Т. 1—4.

ОЖ — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1963.

УШ — Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935—1941. Т. 1—4.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

О. И. КИСЕЛЕВА

СРЕДНЕОБСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Впервые на фольклор как надежный источник диалектной лексикографии указал Ф. П. Филин в связи с изданием «Словаря русских народных говоров». Он осуществил классификацию основных источников регионального словаря, включив в нее: «1) лингвистические записи, произведенные со специальной целью изучения диалектной речи; 2) разного рода общие и специальные (не диалектологические) словари, содержащие диалектные слова; 3) историко-этнографические исследования и описания, посвященные особенностям жизни русского населения тех или иных местностей; 4) фольклорные источники»[1], указав, что главным источником для составителей словаря являются лингвистические записи, а остальные привлекаются в качестве вспомогательных.

Однако до сих пор вопрос об использовании языка устного народного творчества в качестве источника региональной лексикографии не получил однозначного решения. Одни исследователи утверждают, что областную лексику, встретившуюся в языке фольклора, следует включать в диалектные словари (Ф. П. Филин, Г. Г. Мельниченко, О. И. Блинова, Ф. П. Сороколетов), другие не рекомендуют привлекать фольклорный материал при составлении региональных словарей (В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, И. А. Оссовецкий).

Разделяя точку зрения тех исследователей, которые ратуют за включение диалектной лексики из фольклора в областные словари, автор настоящей публикации подверг источниковедческому анализу язык народных произведений разных жанров и попытался выявить границы и возможности данного источника применительно к нуждам диалектной лексикографии, установить степень его достоверности, выявить ряд ограничений, с которыми должны считаться лексикографы, используя фольклорные данные при составлении региональных словарей.

---

[1] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961. С. 40.

Материалом исследования послужили тексты народных произведений — сказок, бывальщин, частушек, песен, пословиц, поговорок и пр.— Среднего Приобья (Томской и Кемеровской областей, на территории которых бытуют современные среднеобские говоры), преимущественно не опубликованные, хранящиеся в виде записей «от руки» в кабинете кафедры советской литературы Томского университета.

Анализ произведений среднеобского фольклора обнаружил органическую связь их языка с местными говорами и еще раз подтвердил правомерность тех выводов, к которым пришли в последние годы исследователи языка устного народного творчества. Остановимся на основных моментах.

Язык фольклора представляет собою «целостную и самобытную систему» [2], особую форму национального языка [3], соотносящуюся с диалектом так же, как язык художественной литературы с литературным языком.

Разумеется, язык фольклора не сводится к диалекту, «две эти языковые стихии не совпадают, они далеко не тождественны» [4], однако, практически любое фольклорное произведение живет в диалектной «инструментовке», отражает фонетико-грамматические и лексические явления местных говоров. Как справедливо заметила А. П. Евгеньева, отсутствие диалектных слов «обычно характеризует того, кто записывал, а не того, кто исполнял, и не само произведение» [5].

В определенных жанровых разновидностях язык фольклора неодинаково связан с живой народной речью: значительно ближе к обиходно-бытовой речи диалекта язык сказок (об этом писали Г. Я. Симина, В. И. Собинникова, Н. И. Андреева-Васина) [6]

---

[2] Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения//Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 10.

[3] Данную точку зрения разделяют не все исследователи (см., напр.: Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963. С. 17; Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов, 1967. С. 21—26; Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970. С. 28).

[4] Сороколетов Ф. П. Народные песни как источник диалектных словарей//Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. С. 7.

[5] Евгеньева А. П. Указ. соч. С. 13.

[6] См.: Симина Г. Я. Языковые средства экспрессии в народных сказках//Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 102—113; Собинникова В. И. Жанр сказок и определение места языка фольклора в системе национального языка//Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 155—159; Андреева-Васина Н. И. Из наблюдений над приставочным словообразованием глаголов в северных сказках//Диалектная лексика. 1979. Л., 1982. С. 119—135.

и частушек (на это указывал А. И. Кретов) [7]. По словам О. И. Блиновой, «в языке фольклора, особенно в таких его жанровых формах, как сказка, частушка, наряду с традиционными, локально не связанными языковыми средствами, содержится ценный областной материал из сферы преимущественно нетерминологической лексики...» [8].

Связь языка песен с местными говорами менее очевидна, так как он более канонизирован, в значительной мере подчинен традиции, законам жанровой поэтики и потому более архаичен. Это обстоятельство дало А. Н. Веселовскому основание заметить в свое время, что «народ поет не на своих диалектах, а на литературном языке, либо на языке повышенном, близком к литературному» [9]. Но и в лексике песенного жанра, как указывает Ф. П. Сороколетов, «заметное место занимают локально ограниченные лексические элементы» [10].

Важно отметить, что близость языка фольклора к обиходно-разговорной речи исполнителей проявляется на разных уровнях языковой системы в разной степени и при этом жанрово обусловлена (в этом плане показательны исследования Е. Б. Артеменко, И. К. Зайцевой, О. И. Богословской, И. А. Оссовецкого) [11]. Фонетические особенности народного произведения, как правило, совпадают с фонетикой местного диалекта. Выход за пределы диалектных норм наблюдается в лексике и в меньшей степени — в морфологии (об этом писали И. А. Оссовецкий, П. Г. Богатырев, Ф. П. Сороколетов) [12]. При этом песня в большей мере удерживает старые, архаичные формы, в то же время морфологический строй сказок и частушек ближе к обиходно-бытовой речи испол-

---

[7] См.: Кретов А. И. Диалектизмы в языке народных частушек//Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 47—59.

[8] Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975. С. 19.

[9] Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 358.

[10] Сороколетов Ф. П. Указ. соч. С. 10.

[11] См.: Артеменко Е. Б. Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1958; Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965; Богословская О. И. Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1965; Оссовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора// ВЯ, 1952, № 3. С. 93—100; Он же. Язык фольклора и диалект//Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. С. 172—190 и др.

[12] См.: Оссовецкий И. А. Язык фольклора и диалект... С. 181; Он же. О языке русского традиционного фольклора//ВЯ, 1975, № 5. С. 71; Богатырев П. Г. Язык фольклора//ВЯ, 1973, № 5. С. 108; Сороколетов Ф. П. Указ. соч. С. 7.

нителей. Заметную печать диалектного синтаксиса, на наш взгляд, несет язык сказок.

Справедливость наших наблюдений [13] подтверждается и другими исследованиями, осуществленными на местном фольклорном материале. Так, авторы неопубликованных дипломных сочинений (Л. В. Доровских. Лексика сказок Томской области. Томск, 1961; Т. В. Черкасова. Народно-поэтическая лексика фольклора Средней Оби. Томск, 1968; С. Л. Бархатова. Фольклор как источник для изучения диалектной лексики и словообразования. Томск, 1986), хранящихся в кабинете кафедры русского языка Томского университета, выявили, наряду с традиционными народно-поэтическими средствами богатый областной материал.

Установив близость языка фольклора к местным говорам, исследователь решает следующий вопрос: каковы информативные возможности языка народных произведений? Какие дополнительные сведения он может предоставить в распоряжение лексикографа при составлении им областного словаря?

Привлечение этого источника позволяет расширить лексико-грамматическую базу словника: так, в языке прозаических жанров (сказок, бывальщин, анекдотов) нами выявлено диалектных имен существительных 183, глаголов — 116, наречий — 44, прилагательных — 30, местоимений — 4, предлогов — 3, частиц — 3, союзов — 2, междометий — 1, различных словосочетаний (устойчивых типа *бить орешек, бить печь, не за долгое время, под исподь;* фразеологических *дать бег, содом содомить, пасть в голову, мысль пала, волос в волос, голос в голос)* — 30 и т. д.; в языке песен существительных — 157, глаголов — 130, прилагательных — 51, наречий — 28, предлогов — 3, частиц — 1 и др; в языке частушек существительных — 148, глаголов — 74, прилагательных — 15, наречий — 4, союзов — 1, разного рода словосочетаний — 11 и пр.

Использование фольклорных источников способствует расширению тематического состава приводимого в словаре материала. Вот некоторые из тематических групп, выявленных нами среди существительных:

...названия хозяйственных и жилых построек и их частей — вы́шка, городьба́, ды́мник 'отверстие для выхода дыма в потолке или в стене черной избы', западня́, ку́зня, ла́баз (ла́буз), ла́ва 'мостки, пешеходный мостик', ма́тка, ма́тница, огра́да, пове́ть, по-

---

[13] См.: Киселева О. И. Отражение некоторых особенностей диалектного словообразования в языке фольклора//Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985. С. 164—176; Она же. Язык среднеобского фольклора и диалект: (Методическая разработка для проведения производственной практики по фольклористике и диалектологии). Томск, 1986. 17 с.

гребу́шек, по́дклеть, поднаве́с, по́дпечь, поско́тина, ста́йка, чува́л (шува́л);

наименования предметов домашнего обихода — коре́ц, корча́га, коса́рь, лагу́шка, луша́т, ножи́шка, отыма́лка, рукоте́рник, складишо́к, скла́дничек, ту́ес, турсу́чек 'кожаный мешок для кумыса, воды', ча́пильник, че́ренъ;

названия одежды, тканей, обуви — зипуни́на, ка́танки, куфа́йка, лопоти́на, мана́ты, пимы́, подбо́р, стану́шка, чо́боты, шабу́р, шабури́шко;

наименования пищи, кушаний — запа́с, кула́жка, ку́рник, лавре́ник 'сдобная стряпня', медову́ха, паре́нки, припа́с, придоро́жник (подоро́жник), простоки́ша;

названия животных, птиц, рыб — жеребу́шка, игре́нька, ка́рька, ко́ник, костр́юк, красноры́бица, лосица, лошадина, нали́мишка, ове́чушка, пе́вень 'петух', перея́рье 'годовалое животное', пли́шка, пту́шка;

названия местности, ландшафта — ко́лок, пустоплёс, разнодоро́жица, со́гра 'заболоченное кочковатое место', урма́н;

лексика леса — дереви́на, коло́дина, коря́жник, леси́на, прутня́к, черемо́шник, чернь 'густой непроходимый лес', шипи́шник;

лексика природы: ве́тречко, ле́течко, молонья́, опа́л 'лесной пожар', сор 'весеннее половодье, разлив', стрежь, сумёт 'сугроб';

лексика мифологии и народных поверий: анчу́тка, ветрени́к, колдо́вница, маршут (сказочный персонаж), митру́с (митру́сь) 'чародей, таинственное лицо', невежа 'неведомая сила', Яга́стая 'Баба-Яга' и др.

При составлении диалектных словарей различных типов лексикограф может почерпнуть из языка фольклора дополнительные сведения о многообразии системных отношений в лексике диалекта: о различных вариантных единицах (ср.: со́сить — соси́ть, кондово́й — кондо́вый, могутно́й — могу́тный, каму́ха — кумо́ха, чажёлый — чижёлый — чежёлый, паренёнок — парнёнок; па́ужна, ж. — па́ужин, м.; кры́льцы, мн. — кры́льца, мн.; подоро́жник — придорожник 'печенье, которое изготовляется в дорогу' и др.); об отношениях полисемии (брата́нник 'родной брат' — брата́нник 'двоюродный брат'; нара́зно 'врозь, отдельно' — нара́зно 'по-разному'; чура́к 'полено' — чура́к 'обрубок дерева, бревна'); синонимии (бо́ля — дро́ля — залёта — лёра — мата́ня — шма́ра — ягоди́на 'милый (ая), возлюбленный (ая)'; спозабро́сить — спозабы́ть 'покинуть, оставить'; ве́тречко — ве́трик); омонимии (лю́лька 'трубка для курения' — лю́лька 'колыбель') и т. д.

Исследователь языка фольклора не может не обратить внимания на богатство эмоционально-экспрессивной, стилистически окрашенной лексики, щедро представленной в народных произведе-

ниях. Ее учет и фиксация в словарях, несомненно, будут способствовать решению вопроса об особенностях народно-поэтического стиля диалекта и, следовательно, его стилистической дифференциации в целом.

Включение фольклорного материала в круг источников позволяет уточнить локальную характеристику ряда слов: так, после предварительной проверки у 69 диалектизмов, ранее отмеченных в «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и Дополнениях к нему, появился дополнительный локал; у 26 слов, помещенных в СРНГ без пометы о сибирском ареале, засвидетельствован факт распространения в местных старожильческих говорах.

Язык народных произведений является источником (порою единственным) богатого иллюстративного материала. Так, 514 единиц в «Словаре русских старожильческих говоров...» и его Дополнениях снабжены лишь фольклорными контекстами.

Каковы те основания, которые позволяют исследователю судить о достоверности языка фольклора как лексикографического источника?

Использование диалектной лексики не противоречит жанровым особенностям различных произведений фольклора, в которых непроизвольно отражается, по словам В. Г. Белинского, «быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия...»[14]. Даже лирические песни, волшебно-фантастические, героические, богатырские сказки, в которых действительность предстает как бы в преображенном, идеализированном виде, имеют особый сибирский колорит, по-своему передают приметы местной природы, местных условий жизни.

При этом фигура исполнителя — прежде всего как жителя определенной местности — чрезвычайно важна для лексикографа, так как в его манере сквозь толщу традиционных элементов устного народного творчества индивидуально-авторские особенности исполнения неизменно проявляются локально ограниченными, они выражаются в привнесении в повествование личных суждений и замечаний, в отборе и использовании лексических средств, в отражении таких деталей сельской жизни, которые обнаруживают областной характер народных произведений[15].

Поэтому наличие у текстов фольклора своеобразного «паспорта», где собирателем отмечается фамилия, имя, отчество исполнителя, его возраст, степень грамотности, место рождения и прожи-

[14] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 668.

[15] О локальной специфике сибирских сказок см.: Соболева Н. В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984.

вания, сведения о его родителях и пр., служит для лексикографа одним из приемов доказательства истинности языка источника.

Несомненным доказательством достоверности исследуемого материала является отражение в нем целого комплекса диалектных языковых черт — фонетических, морфологических, словообразовательных, лексических и др., характерных для местных говоров и отразившихся в языке народных произведений.

Адекватность языка фольклора диалекту подтверждается и областными словарями — «Словарем русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и Дополнениями к нему, СРНГ. Лексика, не обнаруженная в указанных словарях, проверяется нами по словарям литературного языка, другим областным словарям и в экспедициях.

Косвенным доказательством достоверности источника является наличие диалектных элементов в языке фольклора других регионов страны: в картотеке автора имеется материал по языку народных произведений Новосибирской, Омской, Иркутской областей, Алтайского и Красноярского краев, Бурятской АССР.

Очевидно, в качестве косвенного доказательства истинности языка фольклора можно рассматривать наличие преимущественно у всех изданий произведений устного народного творчества небольших словариков или списков малоупотребительных и диалектных слов, сопровождаемых толкованием их значений.

Оценивая границы и возможности языка фольклора, следует учитывать и его недостатки, состоящие в наличии объективной трудности в разграничении диалектных слов и традицонных фольклорных средств; в присутствии так называемых «темных» слов, значение которых порою очень сложно установить из контекста, например: *гашник* — «Шел он день целый. К вечеру ему попала тропинка, пробитая в *гашник.* Он этой тропкой пошел» [16]; *полтинка* — «Стоял парень, стоял, глядел, глядел, а мужик все корову водит, на полтинку протоптал округ церкви» [17]; в отсутствии, по словам О. И. Блиновой, «ударения, словоформ, достаточного количества словоупотреблений и т. п., что говорило бы о жизни слова в языке» [18].

Однако отмеченные ограничения не должны превращать язык фольклора во «второсортный» источник.

По нашим наблюдениям, высшей степенью лингвистической информативности обладает язык сказочного жанра, более полно

---

[16] Цит. по: Парилов И. Г. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948. С. 40.

[17] Цит. по: Русские народные сатирические сказки Сибири. Новосибирск, 1981. С. 225.

[18] Блинова О. И. Указ. соч. С. 22.

отражающий стихию живой народно-разговорной речи и потому приближающийся по своим возможностям к главным источникам регионального словаря. Такие характеристики источника, как связность текста, передача всей совокупности фонетико-грамматических и лексических черт местных диалектов, использование нетерминологической лексики и др., давно обратили на себя внимание исследователей. По свидетельству Н. Е. Ончукова [19], академик А. А. Шахматов собирал сказки просто как диалектологический и лексический материал.

В то же время язык частушек и песен незаменим в качестве источника эмоционально-экспрессивной, стилистически окрашенной лексики.

Первым опытом словаря, созданного на диалектном материале фольклора и художественной литературы, стал словарь «Народная лексіка Гомельшчыны ў фальклоры і мастацкай літературы. Слоўнік» /Пад рэд. У. В. Анічэнкі. Мінск, 1983. 174 с.).

---

[19] См.: Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб, 1908. С. XIX.

З. И. РЕЗАНОВА

СЛОВООБРАЗУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАРЕЧИЯ

(на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья)

Место и роль наречия в словообразовательной системе говора, как и в системе словообразования литературного языка, во многом предопределяется спецификой номинативной функции наречия. Наречие — часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака — качества либо свойства [1].

Называя различные стороны проявления признака, а также различные аспекты протекания процесса, наречие имеет семантику, являющуюся результатом более высокой ступени абстрагирующей деятельности сознания по сравнению с семантикой существительного, прилагательного, глагола. Семантика конкретного имени существительного создается в результате преимущественно отражательной деятельности сознания. Вещь, существующая как качественное единство свойств и отношений, отражается в сложно организованной многоаспектной семантике конкретного имени существительного [2].

Признак, называемый именем прилагательным, есть вычленение и языковое обозначение одной стороны, одного проявления предмета. «Самое создание языковой категории качественности (прилагательного) возможно на новом этапе развития мышления, по мере того, как говорящие научатся выделять те или иные свойства предметов, сравнивая эти предметы между собой, познавая один предмет через другой» [3]. Так, имя *голубика* называет предмет (ягода) во всем многообразии признаков —строение, цвет, форма листа, место, время цветения, произрастания и т. д. Прилагательное *голубой* называет один признак *цвет,* проявляющийся во многих предметах, сущностно, качественно отличных друг от

[1] См.: Русская грамматика. М., 1980. С. 703.

[2] См.: Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения//Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 186.

[3] Панфилов В. З. Категории мышления и языка: Становление и развитие категории качества//ВЯ. 1976. № 6. С. 13.

друга (голубой — платок, небо, вода). По сравнению с существительным ярко выявляется элементарность отражаемого смысла в семантике прилагательного. И в то же время признак, обозначаемый прилагательным, не абсолютно элементарен. Он может быть конкретизирован относительно насыщенности, интенсивности проявления наречием (ср.: очень голубой, ярко-голубой). Таким образом, в наречии осуществляется дальнейшее членение мира, выявляется и именуется «свойство свойства», одна из сторон проявления признака. Признак мыслится не как элементарный, но как состоящий из совокупности элементов, которые получают самостоятельное именование в наречии.

Основная номинативная функция наречия—служить обозначением признака протекания или проявления процессуального и непроцессуального признака предмета—определяет состав грамматической и лексической сочетаемости единиц этого класса. Наречие можно охарактеризовать как синтаксически несамостоятельную часть речи, функционирующую в качестве определителя прилагательного (необычайно талантливый, исключительно любезный, немного ленивый), глагола (бежать сегодня, сюда, здесь, быстро), наречия (весьма своевременно написанный роман).

Глагол представляет процесс, протекающий как взаимодействие предметов во времени и пространстве. Наречие вычленяет и именует отдельные стороны протекания этого процесса —образ действия, интенсивность, место, время. Эту номинативную функцию наречие выполняет, выступая в составе предложения в качестве обстоятельственного определителя при глаголе. Ср.: Получали кукурузну муку *отседа* (Зыр.); *Нонче* (время) платье мне прислали не *шибко* (степень) *давно* (время) (В.-Кет.).

Функция определителя действия является диахронно первичной и ведущей в современном состоянии языка [4]. Обозначая вторичный признак, класс наречия сформировался на базе прилагательного, существительного, числительного и глагола. Это часть речи, состоящая по преимуществу из производных единиц.

Участие наречия в установлении словообразовательных отношений в качестве мотивирующей единицы в современной словообразовательной системе определяется элементарностью семантики единиц класса наречия, ее несамостоятельностью, тесной синтагматической обусловленностью. Эти свойства семантики наречия обусловливают относительную ограниченность словообразовательных возможностей в сфере образования единиц основных знаменательных частей речи.

---

[4] См.: Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 339.

Бóльшую активность по сравнению с другими разрядами производной семантики наречие проявляет в сфере внутрикатегориального словообразования, словообразования прилагательных, значительно реже мотивирует существительные и практически не образует производных глаголов.

Внутрикатегориальное словообразование наречий имеет по преимуществу модификационную природу. В производных отнаречных наречиях осуществляется качественно-количественная, оценочная и пространственно-временная модификация признака.

Производные наречия с качественно-количественным и оценочным модификационным значениями создаются прежде всего от наречий собственно характеризующих. В свою очередь, эти наречия создаются на базе качественных прилагательных, называющих подвижный, градуальный признак, который может содержаться в предмете в большей или меньшей степени. Производящие качественные имена прилагательные и производные от них характеризующие наречия — лексико-грамматические разряды слов, последовательно ориентированные на выражение эмоций и эмоциональных отношений.

В производных отнаречных наречиях осуществляется обозначение разной степени проявления признака. Выражаются значения: усилительное, усилительно-ласкательное, экспрессивно-ласкательное, ослабленной степени проявления признака, умеренной степени проявления признака. Усилительно-ласкательное значение, значение усиленной степени проявления признака, сопровождается положительной эмоциональной оценкой: *рано-ранёшенько, ранёхонько, раным-ранёхонько, спокойно-спокойнёшенько, тяжело-тяжелёхонько.* В ряде случаев значение большой интенсивности признака сочетается с изменением стилистической приуроченности производного слова: *спокойнёшенько* (фолькл.), *разблизёшенько, разнизёшенько, размилёшенько, разблизёхонько, разтошнёхонько* (нар.-поэтич.). — Подойдите к им *разблизёшенько* (из песни) (Крив.); Обоймите их столь *размилёшенько* (из песни) (Крив.); Да наклонится он столь *разнизёшенько* (Крив.).

Усилительное значение выражается чаще всего в моделях с удвоением, осложненным префиксацией: *давны́м—раздавно́, ни́зко — разни́зко* и т. д.— Наши приехали еще *давны́м — раздавно́.* Прожили чуть не по 90 лет (Крив.); *Ни́зко — разни́зко* летит самолёт (Колп.).

Экспрессивно-ласкательное значение выражается в производных наречиях: *далеко́ — далёкушко, далёконько, дамно́ — дамне́нько, ди́вно 'много' — ди́вненько, ску́сно — ску́сненько, ско́ро — скоре́нечко, слегка́ — слего́хонько, так — та́кенько — Ди́вненько* принесла, полкорзиночки (Кем.), Нezдéшня была жена-то, она

дамнéнько у него (В.-Кет.); Тáмока *далёконько* от деревни (Пар.).

Выражается также значение небольшой степени проявления признака (*высокó — высóкушко*) и ослабленной степени (*пóздно-поздновáто*)—Сёдни *поздновáто* тесть пришёл (Колп.); Срежешь кедер *высóкушко* (Колп.).

Словообразовательные значения степени интенсивности признака, эмоционально-экспрессивной оценки в словообразовательной системе среднеобских говоров выражается словообразовательными типами с суффиксами -ОХОНЬК- (-ЕШЕНЬК-, -ЕНЕЧК-, -УШК-, -ОВАТ-, -ОНЬК-), -ЕНЬК-, префиксальным типом с приставкой РАЗ-, сложносуффиксальными словообразовательными типами.

Единицы лексико-грамматического разряда обстоятельственных наречий служат основой образования производных со значением пространственной и временной модификации признака. Значение выражается в рамках префиксальных словообразовательных типов.

Номинативная функция исходных наречий этого класса—обстоятельственное уточнение различных параметров протекания процесса: *сейчас, ныне, лéтось, тáмо, тáмока, тапéрича, сёдни.* Производное обозначает тот же самый признак (локальный, временной), но представленный как начальная или конечная точка движения. Производящее и производное имя входят в одну лексико-семантическую группу. Представляется, что приставка конкретизирует локальный или временной аспект значения, но не изменяет сферу денотативной отнесенности производного имени по сравнению с производящим. Вследствие этого в данном случае можно говорить о модификационном типе словообразования.

Например: *сюда, судá—отсýды, отсюдов, отсюль, отсéда, отцёда; туда — оттыдова, оттыль, оттóле; далекó — сыздалькá, сдалекá; тепéрь — потепéрь.*— Идите, девочки, суды, в карты сыграм (Колп.); Уехать *отсýды* все же нам жалко (Том.); *Сдалекá-то* таскать не будешь (Колп.); Церковь была и кабачок был *сдавнá* (Зыр.).

Как и в литературном языке, регулярным является образование производных наречий со значением отрицания признака: *дамнó — недáмно, шибко — нешибко, скóро — нескóро, мнóго — немнóго* и т. д.

Мутационное внутрикатегориальное словообразование наречий в Среднеобских говорах представлено немногочисленными приме-

рами. В качестве мотивирующих выступают и обстоятельственные и собственно характеризующие наречия [5].

Производные наречия, созданные на базе временных наречий, называют время по отношению к другому отрезку времени, при этом производное и производящее находятся в рамках одной семантической группы временных наречий: *вчера́сь — послевчера́сь* 'позавчера', *завчера́сь, послевчера́; завтра — послеза́втре.*

Производящие наречия с собственно характеризующим значением служат основанием образования обстоятельственных наречий. В словообразовательной паре выражается отношение: «признак — время проявления признака». В словообразовательных отношениях фиксируется более существенное различие семантики производного слова по отношению к производящему, производное переходит в другой лексико-граматический разряд наречий, обозначая локальный или временной признак, характеризующийся качеством, названным мотивирующим наречием: *близко — поблизку* 'в месте, которое близко', *темно — затемно* 'в то время, когда темно'.

Менее активно наречие мотивирует, служит базой создания производного прилагательного. Степень словообразовательной активности и характер мотивационных отношений при производстве прилагательных определяется общностью организации семантики признака этих частеречных классов слов. В качестве мотивирующих выступают наречия, обозначающие признак процесса. Имея определенную общность в организации семантики, прилагательное и наречие выполняют различные синтаксические роли: наречие является приглагольным определителем, прилагательное приименным. Один и тот же пространственный, временной или качественный признак, выступая в роли определителя действия, оформляется как наречие, а при представлении признака предмета — в качестве прилагательного. Словообразование лишь оформляет изменение синтаксической функции. Между прилагательным и наречием устанавливаются отношения непосредственной деривационной трансформируемости. При этом в русском языке более регулярно осуществляются трансформации «прилагательное — наречие» (*бы́стрый* бег, бежать *бы́стро*), возможны и словообразовательно-синтаксические преобразования обратной направленности: у́жинать *завтра — завтрашний* ужин, *лони́сь* 'в прошлом году' — *лонско́й* 'прошлогодний'. Производное прилагательное и наречие имеют тождественную лексическую и различную категориальную семантику. Словообразовательные отношения этого типа могут

---

[5] Несмотря на слабую грамматическую характеризованность обстоятельственные и собственно характеризующие наречия противопоставляются как лексико-грамматические классы слов (см.: Русская грамматика. М., 1980. С. 705).

быть охарактеризованы как отношения синтаксической деривации. Например: *сейчас — сеча́сный, сеча́сочный, ле́тось — ле́тошный, лони́сь — лонско́й, лони́шный, там, та́мо — та́мошный, тапе́рь — тапе́решный, третьегодни́ — третьегодни́шный, прошлого́д — прошлого́дный. ра́не — ра́нешный, ра́ньший, его́дни — сего́дняшный, завтра — за́втрашный, за́втрий, за́втрый, здесь — зде́шный, замужем — заму́жняя, ны́не — ны́ношный, зря — зря́шный.* — Они *тамо* посмотрели на бревна (Зыр.); Та́мошный народ сознательный (В.-Кет.); *Третьеводни́* хворала, да вот опеть (Пар.); Она *третьво́днишна* нехоро́ша вода (Пар.). Ср. также: *Сейчас* можно жить и В *сечасочно* время можно жить (Том.).

Таким образом, следует отметить, что наречия, называющие различные аспекты протекания и проявления признака, в синхронной словообразовательной системе представлены прежде всего как производные единицы. Их функционирование в современном словообразовании (в данном случае в словообразовательной системе говора) в качестве производящей единицы не является активным процессом. Слабая словопроизводственная активность наречия определяется и его словообразовательной «вторичностью» — производностью, и элементарностью семантики. Относительная элементарность семантики наречия, его неяркая грамматическая и синтаксическая оформленность обусловливают активность наречия как базы образования, пополнения незнаменательных частей речи: предлога, союза, частицы. Образование единиц этих частеречных классов слов осуществляется в процессах лексико-синтаксического способа словопроизводства.

Г. Н. СТАРИКОВА

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЕРИВАЦИИ

(на материале томской деловой письменности XVII в.)

Двусловные наименования лиц, предметов, явлений в нашем языке столь же обычны, как и однословные. Тематическое разнообразие их говорит о достаточно высокой активности данного типа номинации на протяжении всех периодов развития русского языка. Например: *конной казак, киргизская земля, пашенной крестьянин, проезжая грамота, печатная пошлина, Енисейской город. хлебное жалованье* и т. д. Многие из названных словосочетаний явились исходной базой для создания новых номинативных единиц.

Анализировались такие случаи, когда однословное производное дублирует семантику двусловного производящего. Семантическое стяжение проходило двумя возможными путями: субстантивизацией прилагательного или же образованием суффиксального существительного от его основы. Первый указанный случай универбации встречается широко во многих тематических группах. При опускании определяемого имени словесное окружение позволяет легко декодировать сокращенную фразу без дополнительных усилий, а средства выражения сокращаются (например, пашенной такой-то, жить в Томском, платить оброчные, кормовых столько-то. служить годовую). Документы лишь закрепили разговорную форму, так как укороченное обозначение служит и для удобства письма.

В томских документах XVII в. стяженные наименования лица представлены достаточно широко. Источником деривации для однословных обозначений явились следующие словосочетания: 1) с родовым именем человек (люди), крестьянин. Это сочетания, называющие лицо по национальному признаку (русские, киргизские люди), по принадлежности к социальному разряду (гулящие, жилецкие, оброчные, посадские, приказные, служивые, торговые люди, пашенные крестьяне), дающие другие характеристики человека (непослушные, новоприборные, опальные, ссыльные и под.). Данный тип словосочетаний дает обычно субстантивные производные: русские, киргизские, служивые, торговые, ссыльные,

опальные.— Чтоб им *киргиским людем* быти под твоею царскою высокою рукою (М-I, 417. 1608 г.); А *киргиские* де хотят быть к ним по вестем в Кузнецы (М-1, 435. 1611 г.); И те де бутто доуры *русских людей* желают видеть для того, что называютца им братьями (Степ., 477. 1646 г.); и воеводы... положили на *русскихъ* и на татаръ годового оброку по шестнадцать алтынъ по четыре деньги на человЪка[1] (Гол., 53. 1671 г.); И апрЪля в 22 день по челобитью Васька за болезнь(ю) отставлен, а на ево мЪсто велено быть из *гулящих людей* Ваське Юрьеву (Р., 150. 1630—1631 г.); И октября в 24 день Семейка по челобитью для болезни отставлен, а на ево мЪсто взят из *гулящих* Фетка Степанов (Р., 4. 1630—1631 г.); *Опальным людем* мЪсечной корм (Р., 175. 1630—1631); Опальным Олешке да Конайку за девяносто бревн 24 алтына ... дано (Р., 231 об. 1630—1631 г.).

Гораздо реже универбат выступает в виде суффиксального имени: непослушники, оброчники, конники.— А возит было тот лЪс в осен и зимою на гору и к городу и к острогу посадским и *оброчными людми* (ЦГАДА, 181, 72. 1627 г.); Оклады полные ... и на толмачи и на пушкарей и затинщиков и на ружников и на *оброчников* (ЦГАДА, 53, 421. ок. 1636 г.); Посылали, государь, мы холопи твои в Черные колмаки ... Томских *конных казаков* (М-1, 427. 1609 г.); Всего стрелцом и *конником* 72 человеком ... денег 420 рублей с полтиною, хлеба 453 четей с осминою (ЦГАДА, кн. 458, 76. 1625 г.); 2) с родовым именем мастер, кузнец и под. (кирпичной, портной, часовой мастер, бронной кузнец); 3) называющие промысел, ремесла (колесной, ложной, оловянной, серебряной промысел). Продуктом свертывания указанных сочетаний обычно выступает аффиксальное имя (кирпичник, бронник, колесник, серебряник), хотя возможна и форма субстантивата —портной.— И за ту печную работу *кирпичнику* Терешке Филатову съ товарищи девяти человЪкамъ дано поденнаго корму: *кирпичному мастеру* по алтыну на день, работникамъ по 4 деньги на день (Куз.-Кр. II, 64. 1689 г.); *Бронник* Ивашко АндрЪев сын Сиверцов сказал ... взят к гдрву дЪлу в *бронные кузнецы* (ЦГАДА, кн. 698, 248 об. 1681 г.); *Серебреник* Ивашко Меркурьев Попов ... с его *серебренова промыслу* взята гдрва десятая пошлина (ЦГАДА, кн. 594, 204. 1668 г.).

Наличие вариантных образований типа *оброчник* и *обротчик, кирпичник* и *кирпищик* говорит о растущей активности суффикса -ЧИК/-ЩИК в образовании агентивных существительных и ведет к тому, что суффиксы -Н- и -ИК воспринимаются единой морфемой. Первичный анализ группы наименований лица, источником

---

[1] Знаком Ъ передается буква «ять».

деривации для которой явились устойчивые атрибутивные словосочетания, позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. Не все словосочетания дают субстантивированные формы. Например, крестьяне обычно называются *пашенными,* иногда и *пахотными,* но субстантивируется только *пашенной.* Может, дело в частотности употребления того или иного составного термина? Но *служилые* люди встречаются в текстах не реже, чем *служивые* люди, часто оба варианта бывают в одном предложении, а без родового имени встречается в документах только *служивой.* Представляется возможным предположить, что процесс свертывания словосочетания в субстантивный универбат имеет ограничители, одним из которых является характер определения [2].

2. Утрата родового имени начиналась с названий низших, «подлых» сословий. Нам ни разу не встретилось, например, сочетание *ярыжные люди,* лишь *ярыжные, ярыжки,* даже в документах, посылаемых к царю, где давались всегда более полные именования, чем в документах, которыми сносились с подчиненными или равными себе по должности.

3. Суффиксальные образования, как правило, представлены в памятниках при непременном наличии субстантивной формы (кроме названий лица по ремеслу): оброчной человек — оброчной — оброчник; конной казак — конной — конник.

Словосочетания с опорными словами город, острог явились источником появления названий Енисейской, Кузнецкой, Тобольской, Томской, Якутской и т. п. Полные прилагательные уже следующим этапом прошли через усечение, дав формы Енисейск, Якутск. И материал свидетельствует о том, что именно этот путь прошли названия городов, а не переход кратких прилагательных в субстантивные формы, о чем говорит В. В. Лопатин [3]. В документах первых лет существования нашего города он именуется только как *Томский город,* а *Томским* и *Томском* он именуется уже в последующие десятилетия XVII в.— Прислана, государь, к нам холопем твоим в *Томской город* твоя государева грамота (М-1, 416. 1608 г.); Отець де его Юрий ... въ прошломъ въ 142 году по государевѢ грамотѢ присланъ въ *Томский.* И въ *Томску* отецъ его умре (Гол., 35. 1633 г.).

---

[2] В литературе уже указывалось на то, что при наличии параллельных образований относительных прилагательных на -Н- и -СК- субстантивации подвергается последнее (см., напр.: Зверковская Н. П. Параллельное образование прилагательных с суффиксами -ьн- и -ьск- в древнерусском языке//Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 272—279.

[3] Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке//Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967. С. 211.

Конечно, нет ничего необычного в том пути, который указывает В.В. Лопатин, ведь генетически краткие формы прилагательных предшествовали полным. Такой путь закономерно предположить в происхождении древнейших русских городов, имеющих многовековую историю (Курск, Полоцк, Смоленск). Названия в форме полных прилагательных для них уже вторичны. Ср.: Ивашко служил под *Смоленским* салдатскую службу (ЦГАДА, кн. 698, 201. 1681 г.).

Словосочетания с грамматически опорными словами *грамота, крепость, выпись* дают прежде всего субстантиваты (*данная, закладная, купчая*).— А тѢ деревни крѢпки имъ по *даннымъ* и по *закладнымъ* (Гол., 49. 1699 г.); Ложных составных воровских *купчих* не писывал (ЦГАДА, 370, 31. 1650).

Двучленное именование документа более обычно для русского языка. Например, в 10 томах Сл. XI—XVII вв. из 61 наименования грамот — 41 название только в полной форме, лишь 2 встречаются только в субстантивированной (*жалобная* и *меновая*). Из 18 параллельных названий документов в подавляющем большинстве случаев более раннюю дату имеют полные наименования, что говорит о первичности именно этого типа номинации, более характерного для языка.

Повсеместное употребление в документах формы *челобитная* при единичном комплексном именовании *челобитная грамота* можно объяснить тем, что язык перешагнул через двучленный термин, ориентируясь на существующие субстантиваты. Сложное название возникает уже позднее как результат подравнивания наименования в системе других названий документов.

Суффиксальные формы от указанных словосочетаний, отраженные в Сл. XI—XVII вв. (*владельница, докладница, духовница* — XVIII в., *жалобница*), в наших источниках не встретились. Можно отметить тот факт, что эти наименования существовали параллельно с непременной субстантивированной формой.

Самый универсальный налог — *десятая пошлина.* Это сочетание дает субстантиват *десятая.* — И с того у него русского товару взята гсдрва *десятая пошлина* в Сургуте (ЦГАДА, кн. 359, 6 1657 г.); А с приценки *десятая* взята в Томском городе (ЦГАДА, кн. 359, 19. 1657). Почему параллельно к *полозовой пошлине* выступает *полозовое?* Ср.: Сборъ таможенный *полозовыя пошлины* мѢсяца февраля (Гол., 145. 1640 г.); «Онъ Ѣдетъ мимо Верхотурья къ Руси, и у него съ однихъ саней *полозового* 2 алтына» (Там же).

До сих пор мы встречались с тем, что субстантивация идет по роду, числу опорного слова: посадской, конной (человек), Томской (город), Спасское (село), конная, годовая (служба), кор-

мовые, песочные (деньги) и т. д. Средний род в названиях пошлин. Здесь можно предположить, во-первых, то, что происхождение этих однословных терминов не связано со сложным наименованием, а выводится непосредственно либо из прилагательных, либо из сочетания предлога ПО с существительным, называющим единицу обложения налогом (полавочное, посаженное, пошерстное). На это указывает тот факт, что однословное наименование часто не имеет параллели в виде полной формы (полковое, постоялое, пошерстное, роговое). В таком случае двусловное обозначение пошлины явилось уже вторичным наименованием, что предполагается и в случае с «челобитная грамота».

Во-вторых, если все же связывать однословные формы с комплексными обозначениями, то необходимо заметить, что субстантивированные названия платежей употребляются параллельно с двумя сочетаниями (с опорными словами *пошлина* и *деньги*), а не с каким-либо одним, как было во всех ранее указанных случаях. Оформление субстантиватов по среднему роду выбрано языком в силу формального характера категории рода по отношению к существительным неодушевленным. Встреченная однажды форма *десятое* наряду с повсеместным *десятая* говорит о стремлении языка унифицировать тематическую группу «пошлины». Таким образом, мы видим, что в языке деловых документов наблюдается дублетно-синонимическое богатство в выражении многих понятий, характерное для языка XVII в. в целом. Обилие лексических средств позволяло пишущему варьировать текст, избегать монотонности, однообразия. Ср: Отец ево родиною де *Кузнецкого острогу* и быль въ Кузнецке в пешей службе. Мишка родился в *Кузнецком же* (ЦГАДА, кн. 698, 131 об. 1680 г.).

В заключение отметим, что устойчивые атрибутивные словосочетания являются одним из источников деривации в языке деловых документов XVII в. Дублетные дериваты представлены двумя видами — субстантиватами и суффиксальным существительным. Субстантивация идет по роду и числу грамматически опорного слова (при условии однозначной связи «словосочетание — субстантиват»). Условием, предпосылкой для появления суффиксального имени является наличие субстантированной формы. Предполагается, что характер определения играет ограничительную роль в процессе субстантивации.

СОКРАЩЕНИЯ

Гол. — Головачев П. Томск в XVII в. Томск, б/г.

Куз.-Кр. II — Исторические акты XVII столетия (1630—1699): (Материалы для истории Сибири)/Собрал и издал И. П. Кузнецов-Красноярский. Томск, 1897. Вып. 2.

М-I — Миллер Г. Ф. История Сибири: Приложение. М.; Л., 1937. Т. 1.
Р. — Расходная книга г. Томска 1630—1631 гг. (Рукопись).
Степ. — Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в.//Известия Всесоюзного географического общества. М., 1958. Т. 90. Вып. 5.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, фонд 214. Сибирский приказ.

Е. Н. ТРЕГУБОВА

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРУППЕ НОМИНАНТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ТОМСКОМ ГОВОРЕ XVII и XX вв.

В XVII в. начинает формироваться томский говор на базе севернорусского, среднерусского и южнорусского наречий. Отсутствие монодиалектной основы объясняется тем, что первонасельники города Томска были носителями разных говоров [1].

Языковой хаос XVII в. в речи томского населения объясняется также тем, что в названный период формируется русский национальный язык: «Русский национальный язык в XVII в. формируется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов речевой культуры: живой народной речи с ее областными диалектами, устного народного поэтического творчества, государственного делового языка в его разнообразных вариациях, стилей художественной литературы и церковнославянского типа языка с его различными функциональными разновидностями» [2].

В связи с этим язык, которым владели москвичи, прибывшие в г. Томск в XVII в., не являлся упорядоченной, стройной системой, поскольку сам находился в стадии формирования. Томский говор образовывался в XVII в., в тот период, когда значительное влияние на русские говоры оказывал говор Москвы. Элементы различных говоров в речи томского населения XVII в. не могли сосуществовать параллельно, а должны были или дифференцироваться, или утратиться [3].

Таким образом, в XVII в. образовывалась новая система, система томского говора, что находило выражение на всех языковых уровнях. На лексическом уровне, например, это длительное со-

---

[1] См.: Палагина В. В. Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в.//Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972. С. 150—159.

[2] Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка//ВЯ. М., 1956. № 1. С. 14.

[3] См.: Палагина В. В. Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII в.//Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972. С. 117.

существование дублетов (однокорневых и разнокорневых): посланец—посланник, посиделец—сиделец, беглец—утеклец, ведунья—колдунья.

Лексическая группа наименований лица есть в сущности подсистема лексики томского говора, которая закономерно должна отразить процессы, происходящие в системе. Цель статьи — сопоставить на словообразовательном уровне лексику со значением лица в томском говоре XVII и XX вв., проследить изменения в ее структуре.

В результате анализа 560 номинантов, обозначающих лицо в томском говоре XVII в.[4], были выявлены ряды лексики, образованные способами 1) суффиксации: кружевНИК, колодНИК, беглЕЦ, 2) префиксации: ПОДросток, ПОсиделец; 3) сложения ЧУДоТВОРЕЦ, ИКОНоПИСЕЦ, ДОБРоДЕЙ; 4) субстантивации: постельничей, окольничей, гулящий.

Самым продуктивным для рассматриваемой группы лексики является способ суффиксации. Наиболее активны в XVII в. суффиксы -НИК, -ЧИК/-ЩИК, -ЕЦ. Ю. С. Азарх, анализируя функционирование указанных суффиксов, подчёркивает, что «в XV—XVI вв. ещё не закончился процесс вычленения сложного суффикса -НИК у наименований лиц, что поддерживало регулярность дублетов на -НИКъ и -ЧИКъ/-ЩИКъ. И в этом случае словообразовательная синонимия является разновидностью лексической синонимии, так как она базируется на тождестве корня или производящей основы и отсутствии или недостаточной специализации собственно СЗ у суффикса одного из членов словообразовательного синонимического ряда, из дублетов с мутационным СЗ обычно сохраняется лишь один»[5].

В XVII в. внутри указанной группы также не наблюдается чёткой дифференциации рассматриваемых суффиксов по словообразовательному значению, хотя функционирование синонимических однокоренных пар уже не отличается регулярностью.

Группа лексики, оформленная суффиксом -НИК в XVII в., распадалась на несколько рядов, объединённых общей семантикой:

---

[4] Материалом для работы послужили: Картотека исторического словаря говоров Среднего Приобья и Картотека полного словаря говора с. Вершинино, составленные членами кафедры, хранящиеся на кафедре русского языка Томского университета; Словарь руских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964—1967. Т. 1—3; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение/Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1, 2; Обратный словарь среднеобских говоров//Диалектное словообразование/Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1979.

[5] Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 47.

1) 'лицо, изготовливающее конкретные предметы и торгующее ими' — хлебНИК, саешНИК, сапожНИК, шапочНИК; 2) 'лицо, занимающее какую-либо должность' — десятНИК, исправНИК, столНИК; 3) 'лицо, занимающееся постоянным промыслом негативного характера' — разбойНИК, мошенНИК, бражНИК.

Коррелятивы по женскости, образованные от существительных мужского рода с суффиксом -ЧИК/-ЩИК, оформлялись суффиксом -ЩИЦ: прапорЩИК — прапорЩИЦа. В современном томском говоре суффикс сохраняет свою продуктивность и образует номинанты женского рода со значением лица с постоянной деятельностью, профессией, мастерством: молоканЩИЦа, пекарЩИЦа, подавальЩИЦа, делёнЩИЦа, колдовЩИЦа.

Группа номинантов, оформленная суффиксом -ЧИК/-ЩИК, включала в себя следующие ряды лексики: 1) 'лицо, занимающееся определённой постоянной деятельностью' — караульЩИК, переводЧИК, посыльЩИК, выимЩИК; 2) 'лицо, производящее кратковременное действие'—поимЩИК, наёмЩИК, заимЩИК; 3) 'лицо, изготавливающее конкретные предметы' — кирпиЩИК.

Группа номинантов, оформленных суффиксом -ЕЦ, состояла из следующих рядов: 1) 'лицо по отношению к другим лицам'— знакомЕЦ, родимЕЦ; 2) 'лицо, характеризуемое по возрасту'— старЕЦ, младенЕЦ; 3) 'лицо, занимающееся постоянной деятельностью' — писЕЦ, продавЕЦ, гонЕЦ, 4) 'лицо, совершившее или совершающее кратковременное действие' — убоЕЦ, беглЕЦ, переведенЕЦ.

Для томского говора современного периода характерна высокая активность суффиксов -ЧИК/-ЩИК; катальЩИК, колольЩИК, гармонЩИК, бандурЩИК; -НИК: болтушНИК, горшечНИК, забойНИК, хлебНИК, зверятНИК, зажиточНИК.

Лексика на -ЕЦ также составляет немалочисленную группу в томском говоре: ворожЕЦ, купЕЦ, кузнЕЦ, овдовЕЦ, и др. Активно в говоре осваиваются слова литературного языка с данным суффиксом: консомолЕЦ, мериканЕЦ, часть слов литературного языка приобретают в системе говора суффикс -ЕЦ: англичанин — аглиЕЦ, партийный — партеЕЦ и др.

Лексические ряды, оформленные суффиксами -АРЬ, -Ьj, -ИН, -ОК, в XVII в. довольно немногочисленны, представлены в нашей картотеке 6—10 элементами: пономАРЬ, пахАРЬ, господИН, бояРИН, бралЬЯ, гостЬЯ и др. В томском современном говоре номинанты подобного типа единичны: барИН, ткалЬЯ, головАРЬ, чеботАРЬ, шишкАРЬ, секлетАРЬ.

В XVII в. разговорным языком и говором осваивается суффикс -ТЕЛЬ. В говоре начинают функционировать такие единицы, как желаТЕЛЬ, оберегаТЕЛЬ, любиТЕЛЬ — слова с более

отвлечённой семантикой, чем ранее образованные номинанты с данным формантом: жиТЕЛЬ, родиТЕЛЬ, строиТЕЛЬ.

Эта тенденция последовательно развивается, и в современный период в томском говоре употребляется многочисленная группа слов с данным суффиксом: закупаТЕЛЬ, запеваТЕЛЬ, зачинаТЕЛЬ, копниТЕЛЬ, скрываТЕЛЬ, вожаТЕЛЬ, провожаТЕЛЬ.

Способ префиксации мало использовался в системе говора XVII в. Активны были следующие приставки: ПО-, ПОД-: ПОДросль, ПОдворник, ПОДключник, ПОкараульщик.

В старожильческих говорах XX в. не отмечено тенденции нарастания продуктивности указанных моделей. Многочисленна группа наименований лица, представляющих собой сложные слова. Она состоит из подгрупп:

1) номинанты, образованные по типу основа + слово: ЧУДоТВОРЕЦ, ИКОНоПИСЕЦ. В современном томском говоре обнаружено несколько единиц, образованных по указанной модели: РАЗНоФАМИЛЕЦ, СТАРоЖИТЕЛЬ, СТОГоМЁТЧИК;

2) номинанты, образованные по типу основа + основа + суффикс: ЧЕЛоБИТЧИК. В современном говоре находим больше примеров МИРоНОСник, ДОМоХОЗЯец, ЕДИНоРОДец, ПЧЕЛоВОДка, СЧЕТоВОДка, ДЕТДОМец, БЕЛБИЛЕТник и др.;

3) Наиболее многочисленна и пополняема группа лексики, образованная по типу основа + основа: ВОДоЛИВ, ДОБРоДЕЙ, РЫБоЛОВ. В современном томском говоре этот тип продуктивен: ЗУБоМОЙ, ДЕНЬГоДЕЛ, РЫБоЛОВ, КОПНоВОЗ, СТОГоМЁТ, СТОГоПРАВ. Также активно усваиваются слова литературного языка, образованные по этому словообразовательному типу: ЖИВОТНоВОД, ВОДоМЕР.

Для XVII в. характерна активность процесса субстантивации. В последствии субстантиваты оформлялись суффиксом, но некоторые единицы сохранили прежнюю форму: околничий, рядовой, подьячий. В Томском современном говоре представлены следующие субстантиваты: ездовой, вестовой, дежурный, бродяжный.

В языке старорусского периода активно функционировала группа номинантов, представляющих собой словосочетания: часовой мастер, бронный кузнец, гулящие люди, промышленные люди. Уже в XVII в. проявилась тенденция преобразования данных номинантов путём субстантивации [6] и впоследствии суффиксации в единицы, характерные для названной лексической группы. Указанная тенденция — проявление языкового закона унификации. Обращаясь к современному говору, мы находим единственный но-

[6] См.: Старикова Г. Н. Атрибутивные словосочетания как источник деривации (ст. опубл. в настоящем сб.).

минант СТАРИННЫЕ ЛЮДИ со значением 'старые, давно живущие люди'. На этом основании можно считать процесс почти завершившимся.

Активно функционирует в группе наименований лица лексика с суффиксами экспрессивно-эмоциональной оценки, свойственная народно-разговорной речи. В языке старорусского периода выявлено пока немного единиц, оформленных указанными суффиксами. Это связано с тем, что мы имеем доступ только к письменным документам, в какой-то мере отразившим речь XVII в., но не можем наблюдать ее непосредственно. Документы же, использованные нами, в основном челобитные, письма, расходные и приходные книги, сказки жильцов, расспросные речи. В них, конечно, отразилась живая народная речь, насколько это могли позволить каноны документа. «Содержание этого рода деловых памятников было обусловлено самыми разнообразными житейскими, бытовыми ситуациями, не помещавшимися в рамки приказно-деловой языковой формы, которая очень часто была не в состоянии обеспечить нормализованной фиксации этих ситуаций, поэтому естественным оказывалось включение обиходно-бытовых как общенародных, так и территориально или социально ограниченных лексических средств»[7]. Пользуясь данными картотеки, можно говорить о большой группе номинантов с суффиксом -ИШК, имеющим уменьшительно-уничижительное значение. Во всех сферах жизни в XVII в. отношения между людьми строились на подчинении неимущего имущему, низшего высшему и т. д. Поэтому все письма, челобитные, доносы, адресованные высшему чину, содержали уничижительную подпись писавшего: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои Томского города пешие казаки Федька Борков ... да Митька Згибнев да Васька Казаков»[8].

Семья в XVII в. строилась по той же модели подчинения. Глава — отец, все остальные члены—женишка, дочеришка, сынишка и др. В современном говоре номинанты с этим суффиксом встречаются очень редко. Видимо, народ, вынужденный столь длительное время уничижать себя всячески уменьшать собственную значимость, подсознательно или осознанно эту языковую модель сейчас при номинации человека использует редко.

В современных томских говорах активно функционируют суффиксы -ЯГ-, -ЮГ-, обладающие значением интенсивности признака: доходЯГа, грамотЯГа, грамотЮГа, пьЮГа, холостЯГа; -АЧ-, -АК-/-ЯК- с тем же значением: курАЧ, бурлАЧ, богАЧ, краснЯК,

---

[7] Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. М., 1971. С. 7.
[8] Миллер Г. Ф. История Сибири: Приложения. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 451.

здоровЯК; -АХ-/-ЯХ-, -ЮХ-: ЗапеваХа, скупЯХа, выпивАХа, беспелЮХа, пантЮХа.

Многочленен ряд суффиксов с ласкательной оценкой: -ЮЛ-, -ЕНЬК, -ЕЧК-/-ОЧК- — детЮЛя, братЕНЬКа, братеЧКа, девчонОЧКа.

Появились в современных томских говорах новые группы лексики, заимствованные из литературного языка и осваиваемые в настоящее время:

1) лексика на -ИР — командИР, кастИР (кассир); 2) лексика на -ИСТ — воИСТ, моторИСТ, артиллерИСТ, бандИСТ; 3) лексика на -ТОР — гарнизаТОР, дохТОР, провожаТОР; 4) лексика на -АН — капитАН, квартирАН, мерикАН, лоцмАН; 5) лексика на -ЕР — булгахтЕР, милиционЕР, брокорьЕР.

Итак, в структуре номинантов лица происходят следующие изменения. Растет продуктивность суффиксов -ЧИК/-ЩИК, -НИК, -ЕЦ и продуктивность словообразовательного типа основа + основа. Активно функционируют в томском говоре слова с суффиксами эмоционально-экспрессивной оценки. Осваиваются слова с иноязычными суффиксами, заимствованные из литературного языка. Почти исчезла номинация путём словосочетаний.

Л. Г. КИМ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНЫХ СИБИРСКИХ СИСТЕМ

Исследование словообразовательной системы языка в лексикологическом аспекте, т. е. в аспекте его взаимодействия с лексическим ярусом, предполагает обращение к таким единицам лексической системы, структура и функционирование которых оказываются релевантными для словообразования. Такими единицами являются тематические группы. «Тематические группы производных слов представляют такие лексические объединения, которые определенным образом влияют на словообразовательную систему языка» [1]. О значимости тематических групп на словообразовательном уровне пишут многие исследователи. Так, в работах, посвященных анализу словообразовательных гнезд, подчеркивается, что строение словообразовательного гнезда, его формально-семантические свойства зависят от принадлежности исходных слов к определенным тематическим группам [2]. Таким образом, утверждается, что тематическая группа — единица, релевантная для словообразовательной системы. Кроме того, можно утверждать, что общий элемент значения слов одной тематической группы — семантическая тема — участвует в построении лексико-словообразовательного значения [3]. Как отмечено Е. С. Кубряковой, словообразовательное значение имеет трехчастную структуру, состоящую из классифицирующего, мотивирующего и реляционного компонен-

---

[1] Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка//Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 128.

[2] См.: Кдырбаева Р. А. Структура словообразовательных гнезд с исходным словом — именем существительным в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985. 25 с.; Ставская Г. М. Семантико-словообразовательные связи в разряде имен, обозначающих части тела живых существ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 28 с.

[3] Под семантической темой мы вслед за Д. Н. Шмелевым понимаем общий элемент значения, присущий словам одной тематической группы (См.: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 107).

тоз[4]. На одном из уровней абстракции, а именно на лексико-словообразовательном уровне, классифицирующему компоненту словообразовательного значения соответствует семантическая тема. Следовательно, состав и количество лексико-словообразовательных значений в словообразовательной системе того или иного языка зависит от набора тематических групп языка, релевантных для словообразования. Известно, что каждый язык располагает «своим» набором тематических групп. В какой-то степени это относится и к говорам в пределах одного языка. Следовательно, можно предположить, что словообразовательные системы говоров будут различаться набором их лексико-словообразовательных значений.

Цель настоящей статьи—выявить общие, присущие всем сравниваемым группам говоров лексико-словообразовательные значения и специфичные, характерные для отдельных говоров. Для сопоставления привлекались отсубстантивные существительные, обозначающие лиц по роду занятий, функционирующие в говорах Красноярского края, Кузбасса, Прибайкалья, Томской и Новосибирской областей. Материал собран методом сплошной выборки из опубликованных диалектных словарей, а также рукописных картотек, хранящихся в вузах Западной Сибири.

Семантическая тема «лицо» является универсальной, присущей всем говорам. В качестве классифицирующего компонента она участвует в формулировании множества лексико-словообразовательных значений. В статье мы рассматриваем лишь словообразовательные значения слов, обозначающих лиц по объекту их трудовой деятельности. Этим значением объединяются производные слова как общерусские, известные и говорам, и литературному языку, так и собственно диалектные. Общерусские: *баканщик, неводчик, огородница, посудница, псаломщик, плугарь, рыбак, столяр, табачница* 'женщина, выращивающая табак'; диалектные—томские: *атобусник, баночница* 'женщина, которая ставит банки', *весчик. волокушник, зверятник, кинщик, коловщик, молоканщик, мотенщик, огуречница, плавежник, пролубщик, самолетчик, самоловщик;* новосибирские: *молоканщица, музыкальщик, норильщик, сетник* 'рыбак', *тертильник* 'тот, кто мнет лен'; красноярские: *капканщик, киношник, киновщик, кормовщик, паромщик, ружейник,* кузбасские: *барабанщик* 'человек, который подает снопы в барабан', *барахольщик* 'старьевщик', *бечевник* 'тот, кто держит бечевку невода', *весовщик, махорник, посудница, старьевщик, стрелочник, табельщик, учетчик;*

---

[4] См.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. 200 с.

прибайкальские: *бармашельчик* 'рыбак, использующий для лова рыбы бармаши (жучки)', *карбазник* 'перевозчик, тот, кто работает на пароме, карбазе', *канавник* 'человек, умеющий выбирать место для канавы', *канатчик* 'рабочий паромной переправы, в обязанности которого входит следить за канатом', *кинщик, кострижник* 'человек, убирающий коноплю', *лотник* 'золотоискатель', *наркозница* 'сестра, которая в больнице вливает наркоз', *постельник, паевик, силосник, сырьевщик.*

Лексико-словообразовательное значение 'лицо, связанное с объектом его трудовой деятельности' может быть детализировано, если возможна конкретизация классифицирующего компонента («лицо») и мотивирующего («объект труда»). Нами выделено 8 лексико-словообразовательных значений, представляющих собой конкретизацию значения 'лицо, связанное с объектом труда' (схема).

Схема

Лицо по объекту труда

животновод... | изготовитель... | торговец... | сборщик... | водитель... | охотник... | рыбак... | музыкант...

И если общее значение присуще всем говорам, то его конкретизированные лексико-словообразовательные значения находим не везде, что свидетельствует о своеобразии словообразовательной системы каждого говора.

1. Животновод, лицо ухаживающее за животными. Это значение характерно для словообразовательной системы всех говоров. Томские (общерусские и собственно диалектные): *голубятник, гусятница, конюх, овчар, овчарка, птичница, свинарка, свинярка, скотник, телятник, телятница:* кузбасские: *гусятник, голубятник, конюх, курятница, лошадник, овчар, овчарка, птичница, свинарь, свинарка, скотник, собачник, телятник, телятница, утятница;* новосибирские: *бычар, бычатник, голубятник, зверятница* 'женщина, ухаживающая в зверосовхозе за зверями', *конюх, курятница, овчар, овчарник, овчарка, овчарух, птичница, пчельник, свинарь, свинарка, скотник, телятник, телятница;*

красноярские: *голубятник, конюх, курятница, овчар, овчарка, овчарница, птичница, свинарка, скотник, телятник, телятница;* прибайкальские: *голубятник, конюх, овчар, овчарка, птичница, свинарка, скотник, телятница.*

2. Лицо — специалист по изготавливаемому предмету. Данное значение представлено во всех анализируемых говорах. Томские: *башмачник, булочник, горшечник, кадочник, квасник, кожевник, колесняк, колесник, кровельщик, мясник, овчинник, самогонщик;* кузбасские: *башмачник, булочник, горшечник, кадочник, квасник, квашник, кожевник, колбасник, колесник, кровельщик, кружевница, кружавница, макаронник, мешочник, мясник, овчинник, плотовщик, ружейник, самогонщик, шапочник;* новосибирские: *булочник, гончурник, горшечник, дегтярь, кадушник, квасник, кожевник, колесник, криночник, лоханщик, пряшник, самогонщик, чеботарь;* прибайкальские: *булочник, горшечник, кадочник, карбасник* 'мастер, делающий и починяющий паромы, карбазы', *кнутник, колесник, ларник, мерлушник, печкарь, постегонщик* 'мастер сучить постегонки', *самогонщик, туесник, чарошник* 'человек, который шьет чарки (обувь)', *чеботарь, чеботник, ячейник* 'мастер вязать сети'.

3. Торговец (владелец), продающий предмет. Томские: *горшечник, дворник* 'владелец или содержатель заезжего двора', *лавошник, цветочник;* кузбасские: *дворник, кабачник* 'кабатчик', *коробейник, лавошник, пастечник, цветочник;* новосибирские: *дворник, коробейник, кошельник, лавошник, цветочник;* красноярские: *коробейник, косняк* 'скупщик кос', *тряпошник, тряпишник, узольщик;* прибайкальске: *бусовщик* 'торговец мукой', *конник, неводчик* 'владелец невода', *тючник* 'торговец, который носил товар в тюках', *узольник.*

4. Сборщик (добытчик), добывающий минералы, грибы, ягоду. Томские: *грибник, грибовница, золотарь, шишкарь, шишкарник, ягодник;* кузбасские: *грибник, дровяник, золотарь, шишкарь, ягодник;* новосибирские: *грибник, груздянник, орешник, шишкарь, ягодник,* красноярские: *грибник, грибница, земляничник, орешник, ягодник;* прибайкальские: *грибник, золотишник, шишкарь, ягодник.*

Рассмотренные лексико-словообразовательные значения отмечены во всех анализируемых говорах, что свидетельствует об общих чертах диалектных словообразовательных систем. Хотя следует подчеркнуть, что в каждом говоре количество производных слов с одним и тем же словообразовательным значением различно, в одних говорах рассмотренные значения охватывают большое количество производных существительных, в других—являются периферийными.

Помимо общих лексико-словообразовательных значений словообразовательная система каждой группы говоров располагает и особенными, присущими только данному говору. В ряде случаев словообразовательное значение отмечено в словообразовательной системе говора лишь за счет функционирования в говоре общерусской лексики. Так, лексико-словообразовательное значение 'водитель, управляющий средством передвижения' отмечено во всех говорах только за счет наличия в их составе общерусских слов с этим значением, только говоры Кузбасса и Томской области содержат и собственно диалектные слова. Общерусский фонд: *автомобилист, бульдозерист, лодочник, тракторист;* томские: *автобусник, самолетчик;* кузбасские: *бороновок, машинист* 'водитель машины', *повозник.*

Представленные ниже словообразовательные значения являются уникальными, присущими лишь отдельным говорам.

6. Охотник, промышляющий зверей. Томские: *лисятник, лосятник, медвежатник;* кузбасские: *зайчатник, медвежатник;* новосибирские: *медвежатник;* красноярские: *медвежатник;* прибайкальские: *волчатник, козулятник, медвежало, пантач* 'охотник на пант', *соболятник, утятник.*

7. Рыбак, вылавливающий рыбу. Прибайкальские: *нерповщик, омулевщик, омулятник.*

8. Музыкант, играющий на музыкальном инструменте. Томские: *баянщик, бандурщик, бубянщик, гармонщик, гармонист;* кузбасские: *барабанщик, гармонщик, гармонист;* новосибирские: *гармонист;* красноярские: *гармонист;* прибайкальские: *гармонист.*

Результаты анализа отражены в таблице.

Как видно из таблицы, лексико-словообразовательное значение 'охотник, промышляющий зверей' отсутствует в системе красноярских и новосибирских говоров, значение 'музыкант, играющий на музыкальном инструменте' не обнаружено нами в словообразовательной системе новосибирских, красноярских и прибайкальских говоров, значение же 'рыбак, вылавливающий рыбу' отмечено только в прибайкальских говорах. Несомненно, это свидетельствует о некотором своеобразии словообразовательной системы каждой группы говоров наряду с наличием общих черт. Возникает вопрос о причинах словообразовательной специфики говоров. Думается, что, прежде всего, это связано с особенностями лексической системы говора, а через неё — со спецификой образа жизни носителей говора. Отметим, что обобщенное лексико-словообразовательное значение 'лицо, связанное с объектом труда' есть во всех говорах, а его частные, конкретизированные значения ('рыбак...', 'охотник...' и т. д.) могут отсутствовать в говоре. Но-

Таблица

Лексико-словообразов. значение *	Томск.	Красн.	Кузб.	Новос.	Прибайк.
Лицо по объекту труда	+	+	+	+	+
1. Животновод, ухаживающий за животными	+	+	+	+	+
2. Лицо, изготавливающее предмет	+	+	+	+	+
3. Торговец, продающий предмет	+	+	+	+	+
4. Сборщик (добытчик), добывающий минералы, грибы...	+	+	+	+	+
5. Водитель транспортных средств	+	о.-р.	+	о.-р.	о.-р.
6. Охотник, промышляющий зверя	+	—	+	—	+
7. Рыбак, вылавливающий рыбу	—	—	—	—	+
8. Музыкант, играющий на музык. инструменте	+	—	+	—	—

* Существующим в словообразовательной системе говора считаем лишь то значение, которое представлено хотя бы двумя примерами производных слов: два диалектных, или два общерусских, или одно диалектное и одно общерусское.

сители говора фиксируют в языке слова, отражающие их образ жизни. В Прибайкалье, где рыбный промысел занимает значительное место в жизни населения, появляется необходимость фиксации в языке слов, обозначающих не только лиц, занимающихся этим видом хозяйственной деятельности (рыбак), но и подчеркивающих их специализацию (*нерповщик, омулевщик*), а также специализацию орудий труда (*ельцовка, ельчанка* 'сеть для ловли ельца', *омулевка, хайрюзовка*). Мы не хотим переоценивать роль этого фактора и утверждать, что если в других говорах не отмечено такое значение, то носители говора не занимаются рыбной ловлей. Этот участок внеязыковой действительности может получить наименование другими словами, как непроизводными, так и производными с иными словообразовательными значениями, например, общерусские *рыбак* 'лицо, связанное с объектом труда' или *неводчик* 'лицо, названное по орудию труда'. Как видим, влияние образа жизни носителей говора на систему словообразовательных значений их языка не может слу-

жить единственным объяснением данного явления. Важную роль играет и лингвистический фактор, т. е. система языка (говора) диктует определенные правила образования слов той или иной тематической группы. Так, в говорах Новосибирской области не зафиксировано слов типа *омулевщик,* а лицо, занимающееся рыбным промыслом, именуется по виду орудия лова: *норильщик* 'рыбак, ловящий рыбу норилом', *сетник* 'рыбак, ловящий рыбу сетью'.

К числу языковых факторов отнесем и влияние лексико-тематической системы. Как уже было отмечено, лексико-словообразовательное значение — это словообразовательное значение слов одной тематической группы, его классифицирующий компонент соответствует семантической теме. Следовательно, наличие или отсутствие каких-либо семантических тем в говоре непосредственным образом влияет на набор лексико-словообразовательных значений. Так, отсутствие в лексической системе красноярских, прибайкальских и новосибирских говоров тематической группы со значением 'музыкант' (необходимо, чтобы в тематическую группу входило минимум два слова), а в новосибирских и красноярских говорах тематической группы со значением 'охотник', определило и отсутствие лексико-словообразовательных значений с соответствующими классифицирующими компонентами.

Итак, словообразовательная система каждого анализируемого говора обладает как общими, так и отличительными чертами, выраженными в наличии общих и специфичных, свойственных отдельным говорам, лексико-словообразовательных значений. Наличие особых значений вызвано действием как экстралингвистических, так и лингвистических факторов. Специфика образа жизни носителей разных говоров способствует появлению в их языке локальных наименований, построенных по моделям, присущим ограниченной группе говоров. Кроме того, наличие определенных тематических групп производных слов в лексике говора способствует закреплению словообразовательных значений на уровне этих групп.

ИСТОЧНИКИ

1. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967. Т. 1—3.

2. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Томск, 1975. Т. 1—2.

3. Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979. 605 с.

4. Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976. 232 с.

5. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968. 229 с.

6. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. 471 с.
7. Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица (по материалам говоров Томской и Кемеровской областей)//Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971. Ч. 1. С. 120—127.
8. Картотека литературных слов, функционирующих в говоре и Картотека полного словаря с. Вершинино Томской области, хранящиеся на кафедре русского языка Томского университета.
9. Картотека русских говоров Кемеровской области, хранящаяся в диалектологической лаборатории при кафедре общего языкознания Кемеровского университета.
10. Картотека русских говоров Прибайкалья, хранящаяся в кабинете русской диалектологии при кафедре русского языка Иркутского университета.
11. Картотека русских говоров Красноярского края, хранящаяся в диалектологической лаборатории при кафедре русского языка Красноярского пед. института.
12. Ситников Ю. И., Ситникова Л. В. Опыт составления мотивационного диалектного словаря (на материале Кемеровского говора): Дипломная работа. Томск, 1977.

Т. А. ШИКАНОВА

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(на материале наименований орудий в литературном языке и сибирских говорах)

Исследованию факторов, определяющих словообразовательные возможности слова, в литературе по лингвистике уделяется большое внимание. Особый интерес исследователей в последнее время вызывает роль семантической структуры слова в формировании его словообразовательного потенциала. Эта зависимость уже изучена в рамках отдельных тематических групп слов, выявлены факторы, определяющие их мотивирующие возможности (имен животных и названий растений — у С. М. Васильченко, наименований лиц по професссии — у А. И. Моисеева, имен лиц, артефактов, биофактов, отвлеченных имен — у З. И. Резановой) [1]. В этих работах проблема производства слова, в частности словообразовательного, рассматривается в плане соответствия формы определенному содержанию, так как в основе каждого наименования лежат реальные отношения действительности, являющиеся основой в системе всего отсубстантивного словообразования. Отсюда семантические различия производящих, определяющие их словообразовательные возможности, обусловлены причинами ономасиологического характера—спецификой области референции. Участвуя в формировании деривационного потенциала, мотивирующее существительное актуализирует определенный аспект своего значения. По мнению Н. Д. Арутюновой, «категории предметов, предназначенных для выполнения определенной функции, достаточно однозначно имплицируют «свой» предикат. Так, названия продуктов всегда влекут за собой предикат потребления, названия орудий, средств, снадобий — предикат применения,

---

[1] См.: Васильченко С. М. Словообразовательные модели и их варианты в современном русском литературном языке (на материале имен существительных, обозначающих животных и конкретные неодушевленные предметы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1970; Моисеев А. И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968; Резанова З. И. Словообразующие возможности существительного (на материале современного русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.

использования»[2]. Выделение мотивировочных признаков вызвано экстралингвистическими факторами и признаками предмета. У каждой группы имен, образующих ономасиологический класс, свои мотивировочные признаки: у названий растений — цвет, вкусовые свойства, запах, внешние признаки; у названий животных — сходство с различными конкретными предметами, цветовой признак, производимые действия и т. д. Словообразовательная парадигма (СП) конкретных существительных вообще включает в себя производные трех частей речи, что обусловлено структурой лексического значения существительных, отражающего объективную действительность. Бóльшую часть производных составляют существительные, так как конкретные предметы реальной действительности характеризуются размером, формой, производятся человеком и часто в определенном месте, используются им в качестве орудий своей деятельности или служат объектом действий. Это существительные со значением женскости, «невзрослости», уменьшительности, увеличительности, единичности, множественности, лица, животных, растений, различных предметов и т. д., которые можно разделить на две большие группы: существительные с модификационным значением и с общим значением «носитель предметного признака». В основе каждого наименования лежат реальные связи двух предметов. В том случае, если эти связи отсутствуют, не отражает их и СП. Так, словообразовательное значение уменьшительности — увеличительности соединяется только с теми основами существительных, которые содержат сему «размер», множественности — с существительными, значения которых допускают представление о некоторой совокупности, состоящей, однако, из однородных единиц[3]. Преобладание существительных среди производных имен объясняется и внеязыковыми, социальными причинами — потребностями говорящих в наименованиях новых предметов.

Поскольку конкретные предметы могут служить объектами, орудиями, местом, средством действия и являться их результатом, от их названий могут быть образованы глаголы. Характеристику, данную по предмету, выражают производные прилагательные.

Продолжая мысль о зависимости словообразовательных возможностей существительных от их тематической классификации, следует сказать и о специфике СП различных тематических групп, которая неизбежно вытекает из свойств объектов действительности, отраженных в семантике.

---

[2] Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. с. 146.

[3] См.: Милославский И. Г. Основы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 146—147.

В данной статье исследуются и сопоставляются словообразовательные возможности наименований орудий в литературном языке и в диалектах (на материале сибирских говоров). Эта тематическая группа представляет большой интерес в плане подтверждения мысли об обусловленности словообразовательного потенциала областью референции, нашедшей отражение в семантике производящих. Так, названия орудий как единая тематическая группа отражают то, что орудия создаются человеком и используются им в дальнейшей деятельности, вследствие чего имеют определенные размеры и форму.

В СП наименований орудий актуализируется прежде всего функциональный аспект их семантики. так как он является основным, конструирующим в структуре лексического значения названий орудий, интегрирующим их в определенную тематическую группу. Именно функция, назначение определяются и онтологические свойства референта (форму, материал изготовления, размер и т. д.) и отличают данный ономасиологический класс имен от остальных. Поэтому функция и является релевантным признаком для обнаружения деривационных валентностей слова. Таким образом, от слов различных тематических групп могут образовываться производные лишь с определенными деривационными значениями. Этот набор производных, характерный для каждой отдельной группы слов, взятый в отвлечении от способов реализации деривационных значений, представляет собой типовую словообразовательную парадигму (ТСП). При этом количество мотиваций может быть различным. Некоторые производящие реализуют не все свои словообразовательные возможности. Немалое число составляют и уникальные, характерные для отдельных слов, производные. Одни словообразовательные модели более продуктивны, другие — менее. Поэтому представляется целесообразным ввести понятие потенциальной словообразовательной парадигмы (ПСП), объединяющей все возможные, заложенные в семантике наименований орудий, но не всегда реализующиеся, деривационные валентности слов. Различия в наборе и характере производных внутри тематической группы, связанные со спецификой отраженной в семантике внеязыковой ситуации, позволяют говорить о вариантах ТСП наименований орудий. Реализацию деривационного потенциала отдельного слова представляет собой конкретная словообразовательная парадигма (КСП).

ТСП названий орудий имеет следующие семантические места: в глагольной зоне — действие по орудию (гарпунить), в субстантивной зоне — наименования деятеля по орудию (багорщик) и по результату действия (игольщик), название части по целому (топорище), название животного (серпоклюв), разновидности орудия

(электроутюг), подобного орудия (веселка), модификационные образования со значением уменьшительности (барабанчик), увеличительности (ножище), уничижительности (топоришко), в адъективной зоне — относительные прилагательные (от всех слов), многочисленные качественные со значением 'обладающий внешним признаком чего-либо' (лопатчатый, пилообразный, долотовидный). Во всех случаях словообразовательное значение структурирует либо функция предмета, либо его форма, непосредственно связанная с его функцией, подчиненная ей.

Как показывает анализ примеров, в ТСП орудий отсутствуют существительные со значением женскости и невзрослости, единичности и множественности (в силу их семантики), но хорошо представлены названия лица по орудию, разновидностей орудия, подобных ему, модификационные образования, названия животных. Особенно показательно наличие в ТСП орудий наименований части по целому, что еще раз подтверждает мысль о том, что объективные свойства реалий, отраженные в семантике, обусловливают словообразовательные возможности конкретных существительных, которые, в свою очередь, характеризуются более тонкими особенностями у разных тематических групп. Так как исследуемые названия орудий в большинстве своем представляют собой предметы, состоящие из рукоятки предназначенной для держания орудия, и той части, которая непосредственно производит действие, вполне понятна актуализация одного из этих аспектов лексического значения, а именно: 'рукоятка' (топори́ще, серпови́ще и т. д.) и 'другая часть' (предплужник, косогон, ножевище).

Исследователи принципов словообразования названий животных (например, С. М. Васильченко) отмечают, что они отражают объективные реалии за счет наиболее заметных, броских признаков предмета, поэтому в названиях животных среди других мотивировочных признаков встречается и такой, как внешнее сходство с различными конкретными предметами: серпоклюв 'птица из отряда куликов с клювом, напоминающим по форме серп', молот-рыба 'рыба из отряда акул, с головой, похожей на молот'.

Немногочисленны в СП наименований орудий существительные со значением действия по орудию, так как в основном они образуются от производных глаголов данной парадигмы (иглоукалывание), и существительные со значением места, потому что лишь для отдельных предметов имеются специально для них предназначенные вместилища (игольник, ножны). Встречаются и единичные образования с общим значением 'носитель предметного признака': веретенница 'состояние организма животного по свойству орудия', неводник 'предмет для действия с помощью орудия', подсошник 'приспособление для хранения предмета'.

Для словообразования прилагательных от названий орудий, кроме обязательных в СП относительных прилагательных, характерно наличие большого числа качественных прилагательных. При этом все они характеризуются наличием суффиксов со специфическим значением (вильчатый, иглистый) или представляют собой сложные образования (веретеновидный, ножеобразный, лопатоногий, иглокожий). Далеко не все тематические группы имеют такие возможности образования качественных прилагательных. Названия орудий в этом плане представляют собой благоприятную базу для подобного словопроизводства, так как орудия имеют всегда весьма характерную, ярко выраженную форму, тесно связанную с функцией предмета, что часто становится мотивировочным признаком для образования прилагательных с общим значением 'обладающий внешним признаком'. Так как одни и те же признаки предмета становятся мотивировочными для производных названий животных и качественных прилагательных, наблюдается параллельное их образование от одного производящего: лопата → лопатонос, лопатовидный, лопатообразный, лопатоногий, молот → молот-рыба, молотообразный.

КСП названий орудий не всегда полно реализуют возможности, содержащиеся в СП. Так, от ряда производящих отсутствуют глаголы, что объясняется действием лексических ограничений (наличием омонимичных слов, уже закрепленных в употреблении). Характерно, что такие глаголы, в свою очередь, не имеют производных наименований орудий, роль которых выполняют другие непроизводные слова: *игла* — нет производного глагола, деятель — *швец, шить* — не образует названия орудия, представленного словом *игла*.

В субстантивной зоне наблюдаются различия между КСП в области производных со значением лица, представленных в одних парадигмах наименованиями деятеля по орудию (багорщик, барабанщик, неводчик, молотобоец), в других — по результату действия (утюжник, ножевщик, веретенщик) в том случае, если имя деятеля по орудию занято другим словом (гладильщик, резчик, гребец, швец). В отдельных случаях производные со значением лица вообще отсутствуют, но это свидетельствует либо о наличии другого слова с таким значением (например, от существительного *соха* нет ни глагола, ни наименования лица, так как оба они представлены другими словами: *пахарь* от *пахать, плугарь* от *плуг,* нет названия деятеля от слова *серп,* так как есть *жнец*), либо об отсутствии потребности в таких наименованиях.

Различия между КСП в области названий части по целому состоят в том, что от одних производящих образуются существительные, обозначающие рукоятку орудия (топорище, серповище),

производные других наименований орудий представляют собой названия иных функциональных частей предмета (плужник, сошник). Это вызвано отраженными семантикой особенностями объективных реалий — формой предмета (рукоятка и насаженная на нее другая часть орудия в первом случае и неразличение или, наоборот, наличие нескольких функциональных частей во втором).

В области модификационных образований от большей части существительных производятся слова с уменьшительным значением, они даже могут иметь параллельные образования (утюжок, неводок, топорик или топорок и т. д.), отдельные существительные дают увеличительные наименования (багрище, топорище). Исключение составляют лишь некоторые названия орудий, не производящие в силу тех или иных причин модификационные образования. Так, у слова *молот* отсутствие производных с модификационным значением вызвано внеязыковыми причинами, а именно областью референции (молот 'большой, тяжелый молоток для ковки металлов, дробления камней').

Потребностями узуса объясняется наличие названий разновидностей орудий и подобных им. Появление таких существительных вызвано общественными причинами, потребностями коллектива в новых наименованиях в ходе постепенного совершенствования технологии производства, усложнения механизмов и оборудования (автоплуг, вибромолот, бензопила, электроутюг).

Что касается различий между КСП в сфере производства качественных прилагательных, то они образуются от наименований несложных по форме орудий, составляющих из минимума ярко выраженных частей, в то время как слова, обозначающие более сложные по устройству орудия, как правило, не имеют производных качественных прилагательных (например, соха, утюг, борона). В остальных случаях отсутствие в СП качественного прилагательного означает, что в нем нет потребности.

По особенностям, отражающим различные внеязыковые ситуации, парадигмы с названиями животных и качественными прилагательными, с одной стороны, и СП без таковых — с другой, а также парадигмы с названиями части по целому, подразделяющиеся на КСП с обозначением рукоятки орудия и КСП с названием других функциональных частей, как и парадигмы, различающиеся наличием — отсутствием модификационных образований, можно считать вариантами ТСП орудий. Как о вариантах можно говорить, очевидно, и о таких парадигмах, где представлены или не представлены производные со значением 'разновидность орудия'. Образуются такие существительные, как правило, только от названий орудий, которые с развитием человеческого общества были усложнены и используются человеком в усовершенствован-

ном виде, в то время как остальные сохранили свое предназначение до сих пор.

Сравнение СП наименований орудий в литературном языке и в сибирских говорах свидетельствует о единстве принципов устройства словообразовательных структур, что является отражением действия одних и тех же словообразовательных тенденций в литературном языке и в диалектах.

Можно проиллюстрировать это на примере СП слова *грабли*, где в обоих случаях представлены все три зоны производных. СП диалектного слова сохраняет особенности парадигмы литературного языка в именной зоне: имеются существительные с модификационным значением (граблишки, грабельки и др.), название части по целому (граблеви́ще), но отсутствуют существительные со значением лица, животных, подобных орудий, разновидностей орудия. Отражением общих тенденций является образование прилагательных и глаголов. Таким образом, как показывает сопоставление СП существительного *грабли* в литературном языке и в сибирских говорах, они имеют одну структуру, различаясь определенной спецификой, отражающей особенности диалектного словообразования в целом. Проявляются они в том, как реализуются общие словообразовательные тенденции, что находит выражение в самом наборе словообразовательных аффиксов и их семантическом наполнении [4].

Основной отличительной чертой СП наименований орудий в сибирских говорах является наличие большого количества словообразовательных вариантов:

1. Многообразие фонетических вариантов самого производящего слова и его производных различных частей речи. В именной зоне: среди производящих — грабли|грабля, серп|серпа, среди производных—и́глица|игли́ца, косо́вище|косови́ще|косёвище и др. В адъективной зоне: гра́бельный|грабёльный, в глагольной — ба́грить|багри́ть, боронить|борончить, грабить|граблить.

2. Наличие наряду со словами, совпадающими с литературными, их диалектных синонимов, выражающих то же значение иными словообразовательными средствами: косырь|косарь, гармонист|гармонщик, грабки́|грабцы́, гра́бельный|грабёжный, неводной|неводской. Для современных сибирских говоров наличие синонимов характерно гораздо в большей степени, чем это свойственно литературному языку. Обилие синонимов объясняется высокой продуктивностью отдельных словообразовательных моделей, что приводит к появлению слов, называющих реалии, уже

---

[4] См.: Пантелеева Е. М., Янценецкая М. Н. Вопросы диалектного словообразования в Сибири//Диалектное словообразование. Томск, 1979. С. 6—22.

имеющие наименование, а также взаимовлиянием отдельных диалектов.

3. Более регулярная реализация словообразовательных возможностей наименований орудий, чем в литературном языке, выражающаяся в наличии производных, отсутствующих в СП литературного языка. Это могут быть глаголы (пешнить), существительные со значением 'часть по целому' (цеповище, рогалище), названия подобных орудий или их разновидностей (плужок 'приспособление для окучивания огородных растений'). Наличие подобных произведений является отражением характерного для диалектного языка стремления к большей детализации понятий реальной действительности, чем в литературном языке.

4. Более регулярная реализация возможностей СП орудий в области модификационных образований, которые к тому же часто имеют несколько вариантов: гра́блишки|гра́бельки|грабёлки|гра́бельцы. Они представлены и у тех существительных, которые не имеют производных с таким значением в литературном языке. Это существительные с уменьшительным значением (граблишки, плужишка), ласкательным (гармонушка, вилишки), уменьшительно-ласкательным (пиленочка, веслецо, мотыжка, неводочек), снисходительным (ножишко, гармошонка), уничижительным (гармонёшка). Подобные образования наиболее регулярны и многочисленны в СП наименований орудий в говорах и нередко являются единственными производными в СП. Разнообразие модификационных образований, в том числе нескольких от одного слова, объясняется природой диалектной лексики—лексики устной разговорно-бытовой речи и связанной с этим ее экспрессивной выразительностью.

В целом СП наименований орудий в литературном языке и сибирских говорах имеют больше общего, чем своеобразного, причем их сходство наблюдается в главном — в отражении одних и тех же общерусских закономерностей. Специфика же состоит в большей по сравнению с литературным языком регулярности и продуктивности отдельных словоборазовательных моделей, в большем наборе выражающих одно словообразовательное значение элементов, что в конечном итоге вытекает из особенностей диалектного языка в целом, состоящих в его меньшей нормированности, связанной с устной формой его бытования. Таким образом, будучи однотипными по своей структуре, СП наименований орудий в литературном языке и диалектах различаются реализацией данного типа СП.

Т. А. ДЕМЕШКИНА

СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МОТИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ СЛОВ

В последнее время в науке наблюдается обостренный интерес к семантике самых разных языковых уровней, в том числе к лексической и синтаксической. «Интервенция» в лексическую семантику идет, прежде всего, со стороны синтаксиса, семантизировавшего свой анализ текстологии, которая, естественно, не может обойтись без обращения к лексическому значению единиц, отражающему опыт носителей языка»,— отмечает А. А. Уфимцева[1]. Лексические же значения единиц, их системные связи и отношения не могут быть изученными во всей полноте без обращения к текстам или отделньым речевым отрезкам, в рамках которых они существуют.

Аргументом в пользу данного высказывания являются наблюдения над одним из видов системных отношений лексики — мотивационными отношениями слов диалекта. Мотивационные отношения слов — это отношения однокоренных и одноструктурных единиц, функционирующих в пределах одного высказывания[2].

В статье анализируются регулярные типы смысловых отношений мотивационно связанных слов (мотиватов), имеющих различную синтаксическую реализацию[3]. В роли мотивируемых единиц (мотивем) и мотивирующих (лексических мотиваторов) выступают имена существительные говоров Среднего Приобья[4].

---

[1] Уфимцева А. А. Семантика слова//Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 14.

[2] Под высказыванием понимается «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-либо» (Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 84).

[3] Объем статьи не позволяет привести полную типологию мотиватов-существительных, включающую 28 типов отношений.

[4] Использованы данные Мотивационного диалектного словаря (говоры среднего Приобья)/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2 и его картотеки, хранящейся в кабинете русского языка Томского университета.

1. Отношения пространственной смежности актуализуются в рамках диалектных высказываний, равных по структуре простому предложению или синтаксическому целому. Наиболее ясно и отчетливо связь слов по смежности осознается в таком предложении, где мотиватор функционирует в роли обстоятельства места с предлогом. Предлоги конкретизируют, уточняют положение предмета (обозначенного мотивемой) в пространстве.— Лёд идёт, и *у берегов забереги* (Крап. Салт.). *Опёнки* растут *на пнях* (Шег. Гынг.). Мотивема выполняет в таких предложениях функцию подлежащего.

В метатекстах[5] форма мотивированного слова является заданной. Как правило, это именительный падеж в начале высказывания. Весь остальной текст создается с целью раскрытия значения слова, стоящего в именительном падеже. Подорожник весь мир его называет так. Это всё он *по дороге* растёт, а его так звали (Том. Н. Ишт.).

Мотивема может находиться в первой части высказывания, которая не имеет никаких формальных элементов или свойств, обусловливающих необходимость продолжения. Наличие предложения, содержащего лексический мотиватор, определяется ситуацией общения.— Уже *забереги* начались. У *берегов* лед застыл (Яшк. Пача).

Лексический мотиватор (хотя и редко) может предварять мотивему. В этом случае центральная предикативная структура, включающая мотиватор, требует обязательного распространения, так как имеет подчинительный союз, стоящий перед придаточной частью.— Который гриб *под берёзой, подберёзовик* зовётся (Мар. Подъел.).

Для мотиватов, актуализирующих отношения пространственной смежности, нехарактерно контактное расположение в тексте, что обусловлено категориальными свойствами слов (оба мотивата — существительные).

2. Отличительной особенностью мотиватов, актуализующих связи 'часть предмета — предмет', является то, что они отдалены в тексте бо́льшим количеством слов, чем мотиваты, связанные отношениями пространственной смежности. Обусловлено это тем, что характеризующий аспект семантики, на основе которого устанавливается мотивационная связь, занимает в структуре значения мотивемы периферийное место. Информант, характери-

[5] Под метатекстом, в отличие от текста, фиксирующего факты языка в живом, непосредственном общении, понимается «графически воспроизведенное рассуждение говорящего о своем языке» (См.: Ростова А. Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. С. 8).

зующий реалию с различных сторон, называет вначале наиболее существенные, с его точки зрения, свойства предмета, а затем уже менее существенные. Вот эта «менее существенная» информация и содержит мотиватор.— *Медуница* — листья красивые, голова белая, на чай хорошие, на лекарство. Пчёлы на них *мёд* берут (Колп. Сар.). *Маслята* сверху коричневые, а сверху такие мокрые, соплястые, будто *маслом* помазали (Зыр. Зыр.). Части высказывания с мотивирующим словом выполняют функцию уточняющего члена.

3. Временные отношения актуализуются мотиватами в текстах и метатекстах. В текстах мотиваты употребляются в рамках одного или двух предложений. Необходимость функционирования двух однокорневых слов в одном высказывании обусловлена отсутствием в говоре других (неоднокорневых) наименований для обозначения соответствующих реалий.— По *осени осенчук,* еще косить можно (В.-Кет. Пал.). Я ведь *зимой* выходила замуж. *Зимником* ехали мы километров двадцать пять до церкви (Мол. Мол.).

Употребление мотиватов в метатекстах имеет разнообразный характер. Мотивема может находиться в начале высказывания и входить в структуру вопросительного предложения, которое является повторением чужой речи, но образует вместе с ответом одно высказывание.— *Вешнина* как? Мы два раза стригём: зимнина и летнина. Зиму продержим—*весной* остригём, лето продержим—осенью остригём (Колп. Инк.). Мотиватор входит в последующую часть высказывания, распространяющую структуру вопросительного предложения. Другой вариант. Мотивема находится в центральной предикативной структуре, которая не содержит элементов, указывающих на то, что дальше следует продолжение. Мотиватор употребляется в последующей части высказывания, дополняющей информативно предикативную структуру.— *Зимники* — часто есть. Это проезжая дорога зимой, а летом на ней не проедешь, надо водой ехать, летней дорогой — это летник (В.-Кет. Б.-Яр).

Для мотиватов, актуализующих временные отношения, характерно дистанционное употребление. Сильной позицией мотиватов является такая позиция, в которой мотивема — подлежащее, а мотиватор — обстоятельство времени в творительном падеже. Мотивационно связанные слова находятся в опосредованной синтаксической связи (через глагольное сказуемое).— *Веснина весной* сыматся, в мае, на исподки, на носки (Зыр. Зыр.).

4. Специфическим контекстом для мотиватов, актуализующих локативные отношения, является высказывание, равное по структуре неопределенно-личному предложению. В предложе-

ниях этого типа актуализуется действие, конкретизирующее его дополнение (мотивема) и обстоятельство места (мотиватор). Действующее лицо остается в тени, так как оно неважно для сообщения. Устранение указания на деятеля позволяет отчетливо выразить назначение, функцию предмета.— *Молоко* хранили в *молочнике* (Кем. Елык.). В *свинарниках* держали *свиней, кур* в избе, в *курятниках* (Том. Акс.).

Мотиваты, реализующие локативные отношения, функционируют в распространенных высказываниях; при этом центральная предикативная структура, в состав которой входит мотиватор, требует обязательного распространения, так как начинается с союзного слова ГДЕ.— Где *скот* держали — *скотник.* Где *овец* держут — *овчарник* (Мар. Кол.), либо со слов А ЕЩЁ.— А ещё *курятник* есть, где *кур* размещают (Колп. Инк.). В приведенных предложениях мотивирующие единицы входят в предикативный блок, равный по структуре придаточному предложению со значением места.

Распространенными в диалекте оказываются и такие синтаксические конструкции, в которых актуализуется функциональный аспект семантики мотивированного слова.— *Телятник для телят* рубить будут ... *Для коров — коровник, для свиней — свинарник* (Колп. Тип.). *Для овец — овчарник,* клевок, *для свиней — свинарник,* катух, *для коров — коровник* (Кож. Кож.). Такое построение предложений, актуализующих функциональный аспект значения мотивемы, наглядно показывает семантическую общность различных групп мотивированных слов, устанавливающих связи на базе функциональных аспектов семантики. При актуализации орудийного компонента семантики имен места для мотиватов характерно контактное расположение.

5. Мотивационно связанные слова, реализующие отношения 'объект—субъект', функционируют в самых разнообразных типах контекстов. Мотиваты находятся в опосредованных синтаксических связях. Сильной позицией для мотивемы является позиция подлежащего, стоящего в именительном падеже, для мотиватора— позиция дополнения при глаголе-сказуемом. Глагол указывает на характер отношений между мотиватами.— *Молоканщик* приезжал и собирал *молоко* (Кем. Елык.) *Лосятник* пошёл *лосей* бить, а на *лис лисятник* ходит, а на *медведя — медвежатник* (В.-Кет. Б.-Яр). *Огуречница* ходит *за огурцами,* ухаживает, поливает (Том. Калт.).

6. Сильной позицией для мотивемы, реализующей отношения 'орудие — субъект', является позиция подлежащего, для мотиватора—функция дополнения в творительном (инструментальном) падеже.— Два *гребца* гребут *гребями,* чтоб лодка шла (Карг. Ст. Карг.). В тексте мотиваты разделены минимальным расстоя-

нием. Наблюдаются случаи неразличения позиций мотиватов, актуализующих отношения 'орудие — субъект' и мотиватов, устанавливающих тип отношений 'объект — субъект' либо 'место — субъект'.— *Гармонист* в *гармошку* играт, мы все пляшем (Юрг. Вар.). А *плугарь* — он с тракторами работал, *плуг* подымал (Зыр. Зыр.). На корме, на *руле рулевой,* на *гребях—гребец* (В.-Кет. М. Яр).

7. Специфическими контекстами для мотиватов, актуализующих отношения 'место — субъект', следует считать такие контесты, в которых мотиваты имеют контактное расположение (либо отделены друг от друга глаголом) и занимают позиции второстепенных членов предложения, маркированных падежными окончаниями (творительным инструментальным и предложным местным падежом).— Отец пошёл *мельником* на *мельницу* (Крив. Крив.). Дочь в *пекарне пекарем* работает (Пар. Нар.). *Забойщиком* в *бойне* дядя работал (Крив. Елиз.).

8. Отношения родства актуализуются мотиватами, обозначающими лиц. Мотиваты употребляются в текстах в функции перечисления, занимают позицию однородных членов предложения и характеризуются контактным расположением.— Есть у меня и *внуки,* и *правнуки,* много *правнуков, внуки* женаты (Пар. Нар.). Здесь отец родился, *дед, прадед* и я (Кем. Жур.).

В метатекстах мотиваты употребляются при объяснении значений слов. Мотивемы находятся в таких контекстах в начале высказывания в именительном падеже.— *Братан* — это значит сродный двоюродный *брат* (Пар. Алат.).

Таким образом, все рассмотренные типы смысловых отношений слов отличаются друг от друга не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. На синтаксическом уровне оказываются значимыми такие характеристики мотивационно связанных слов, как их частеречная принадлежность, тип актуализуемого аспекта семантики (функциональный или характеризующий), место этого аспекта (центральное или периферийное) в семантике мотиватов.

С. П. ПЕТРУНИНА

ФОРМАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОЯСНИТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ В ДИАЛЕКТЕ

(на материале говоров Среднего Приобья)

Пояснение — это синтаксическая конструкция, а именно ряд с параллельными членами[1], выступающими в отношениях поясняемого (1-й член) и поясняющего (2-й член) и обозначающими в данном контексте один и тот же референт. Отношение в пояснительной конструкции может быть выражено рядом служебных средств, наличие которых делает пояснение фактом грамматики, а пояснительные отношения — отношениями грамматическими (синтаксическими).

В кодифицированном литературном языке (КЛЯ) пояснительное отношение выражается при помощи сочинительных союзов ТО ЕСТЬ, А ИМЕННО (ИМЕННО), ИЛИ (поясн.), КАК-ТО, БУДЬ ТО и некоторыми «союзными аналогами»[2], словами, сочетающими собственную функцию с союзной: ВЕРНЕЕ, ТОЧНЕЕ, ИНАЧЕ ГОВОРЯ, ЛУЧШЕ СКАЗАТЬ и под.

В диалектной речи (ДР) союзы ТО ЕСТЬ (с некоторыми оговорками), ИМЕННО (А ИМЕННО), КАК-ТО, БУДЬ ТО, книжные по своему происхождению, а также «союзные аналоги» ВЕРНЕЕ, ТОЧНЕЕ закономерным образом отсутствуют.

Вместе с тем в речи носителей говора существует собственный специфический набор служебных слов — показателей пояснения. Он выявлен нами в ходе анализа большого фактического материала (4 250 пояснительных конструкций, выбранных в основном из магнитофонных записей ДР[3], из рукописных материалов диалектологических экспедиций кафедры русского языка Томского уни-

---

[1] См.: Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение: Учеб. пособие. Владивосток. 1983. С. 32—33.

[2] Русская грамматика. Синтаксис/Под ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2. 709 с.

[3] Магнитофонные записи ДР сделаны нами в райцентре Молчаново и пос. Сулзат, Молчановского района, Томской области в течение 1980—1984 гг.

верситета, из двухтомного «Мотивационного диалектного словаря» (МДС) [4]).

Систематизацию линейных показателей диалектного пояснения начнем с описания союза ТО ЕСТЬ, доминантного в ряду пояснительных средств.

Исследование диалектного пояснения показало, что в говоре союз ТО ЕСТЬ, отсутствующий в Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби [5], в Дополнении к нему [6], в Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья [7], в значении собственно отождествления при вторичном обозначении референта эпизодически, но встречается, образуя субстантивные (Родиков ему на венчальное платье подарил ЖЕНЕ, МАТЕРИ моей *то есть*. МДС, I, 56) [8], адъективные (На северной стороне серы нету, НА ПОЛУДЕННОЙ, *то есть* НА ЮЖНОЙ, стороне есть. МДС, II, 166), глагольные (В столовой народ СТОЛУЕТСЯ, ЕСТ *то есть*. МДС, II, 217) пояснительные ряды.

В целом употребление ТО ЕСТЬ в говоре связано с пояснением—оговорками. Гораздо чаще, чем при вторичном обозначении референта, носители говора используют ТО ЕСТЬ в пояснениях-оговорках как грамматического (напр.: Модистка — кто ШЬЁТ хорошо, модно, *то есть,* ШИЛА. МДС, I, 206), так и лексико-семантического характера [9]. Забрали его НА ПА́СХУ/*то есть* на э́ту/ /НА МА́СЛЕНКУ//[10]; ЗРАЧКИ́/ЗНАЧКИ́ эти *то есть* от Лени осталися//До а́рмии собирал//.

Отметим, что позиция ТО ЕСТЬ в диалектном пояснительном ряде, включая оговорки, свободная (см. примеры).

Полагаем, что появление ТО ЕСТЬ в речи диалектоносителей обусловлено влиянием на речь жителей села КЛЯ во всех сферах

---

[4] Мотивационный диалектный словарь: (говоры Среднего Приобья)/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982—1983. Т. 1—2.

[5] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1967. Т. 3. 250 с.

[6] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение/Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Т. 2. 291 с.

[7] Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977. 183 с.

[8] Здесь и далее римской цифрой обозначен том МДС, арабской — страница, откуда взят пример.

[9] См.: Петрунина С. П. Пояснение в монологических текстах диалектной речи: (К проблеме избыточности): Дис. ... канд. филол. наук (машинопись). Томск, 1986. С. 158—180.

[10] Магнитофонные тексты ДР даются в следующей записи: / — знак синтагмы с повышением тона, // — знак синтагмы с понижением тона, ″ — знак синтагматического ударения.

его распространения: книги, газеты, телевидение, радио, и разговорной речи носителей литературного языка (РР), которой, по нашим наблюдениям, свойственно чрезвычайно частое использование ТО ЕСТЬ в оговорках.

В ДР, как и в КЛЯ, в целях метаперевода употребляется союз ИЛИ (ИЛЬ, АЛИ). Подчеркнем, вслед за В. В. Палагиной[11], что АЛИ в говоре — явление исчезающее, заменяющееся ИЛИ. Позиция пояснительного ИЛИ (ИЛЬ, АЛИ) строго фиксирована, определяется положением между членами ряда: СХОДКА, *или* СБОРНЯ, ето староста собирал народ (МДС, II, 156); ПИРОЖКИ́/иль СТРУЧО́ЧКИ таки на горохе//А поди посмотри// //Хошь и сорви́ дак//; Ну, а МОЧАЛКА, *али* ВЕХОТКА,— энто маленькая судомоечка (МДС, I, 218).

Кроме ИЛИ(ИЛЬ, АЛИ) из разделительных служебных средств в значении пояснительных диалектоносители употребляют союз ЛИБО (его позиция свободная): ДОРО́ГА/*либо* ТРА́КТ/это у нас в стороне́//; МАКУ́ШКА/ВЕРХУ́ШКА *либо*/у де́рева//У человека так макушку// и союзную частицу ЛИ, для которой типично положение после поясняющего слова, хотя положение между членами ряда не исключено: Раньше КАЧКИ были//ЛЮЛЬКИ *ли*//; КОНЮШНЯ была, где конёв держали, *ли* конский ДВОР[12] (МДС, I, 164).

Материалы МДС дали единичные случаи использования частицы ЛИ, сопровождающей союз ИЛИ: На печку залезешь, лежать можно на полетике, таки были раньше ПОЛЕТИКИ, *или* ЛЕЖАНКА *ли* (МДС, I, 180) и частицу НУ (Чулки вязали, катанки катали. КАТАНКИ, *ну* ВАЛЕНКИ, *ли* (МДС, I, 250)).

Таким образом, в диалекте расширена сфера использования разделительных средств в значении пояснительных. Пояснение в диалекте может быть выражено рядом специфических, не отмеченных в КЛЯ, служебных средств, союзов и их аналогов (частицы, модальные слова в функции союза).

1. Союз А, позиция которого фиксирована положением между членами ряда: Щас ли не учи́ться//А в пья́нку удалися//И пьют и пью́т/ и жрут и жру́т/ и захлёбыватся не захлебну́тся// Кто́

---

[11] См.: Палагина В. В. Синтаксические особенности говора западной части Томского района//Учен. зап./Том. гос. ун-т. Томск, 1954. № 19. С. 11.

[12] Выделяются словоформы, составляющие грамматическую (не семантическую) основу конструкции.

идёт/ МУРАШ// *а* ПЬЯНИЦА// ДО часу ходит/ до двух/ до трех/ по всей ночи//; Вона у Зуевых к примеру ПРЕДБАННИК/ *а* МЕСТЁЧКО// И разденешься/ и не так жарко//,

2. В ДР в значении пояснительного употребляется союз-частица ДА. Ее позиция определяется положением между членами ряда: Особенно бойсь ШАТУНА/ *да* МЕДВЕДЯ такого// Этот человека запросто сожрёт//; В ЧЕРЕПУШКУ налила/ *да* В ОТЛОМКУ эту (часть разбитой чашки.— *С. П.*) молока порошкова/ не стала пийть// Кошка да понимает//.

3. Распространенным в диалекте можно считать появление на пояснительном шве конструкции частицы НУ. В плане подчеркивания аспекта вторичного называния показательно использование постпозитивных частиц -ТО, -ОТ, ЖЕ, местоименных актуализаторов ТАКОЙ, ЭТОТ, ТОТ при поясняющем члене:

ПЛАМЯ/ *ну* ПОЖАР-*то*/ перекинулся к моей стаечке//; А из Подольска уезжала/ всей ШКОЛОЙ/ *ну* ДЕТЯМИ-*от* провожали//; БЕЛОДУШКА говорили, *ну* ЛИСИЦА *же* (МДС, II, 155); ШИПИЖКИ я картошкой тертой лечила// *ну* КАМУШКИ *таки* твёрды неприятны//.

4. Из частиц местоименного происхождения в качестве пояснительных диалектоносители употребляют ВОТ и ЭТО, которые в текстах ДР так же, как НУ, обнаруживают большую подвижность. Этот факт, по мнению В. Б. Евтюхина[13], объясним текстообразующей ролью частиц, являющихся связками небольших по величине сегментов речи. Частицы («прилепы», как образно называл их В. В. Виноградов) в силу диффузности своего значения, возможной только при их активной роли, могут появляться не только на семантически детерминированных швах (как в случае пояснительной конструкции), но способны создавать также формальные семантические швы.

В нашем случае подвижность ВОТ и ЭТО ограничивается фактом их включенности в пояснительный ряд с учетом свободного перемещения в пределах поясняющего члена ряда, которое обусловлено общей подвижностью данных частиц в текстах ДР:

---

[13] См.: Евтюхин В. Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц//Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 201—206.

ЕЛЬЦОВКА/ *вот* СЕТЬ/ у ей ячея мелкая//; Мочи не стало от БОЛЕСТИ//ОТ ГРЫЖИ этой *вот*// Я ее туды впёхиваю/ она оттеда//. Кормовщик правит, ОСТАЛЬНЫ гребут — *это* ГРЕБЕЛЬЩИКИ (МДС, I, 98); Собака С НАРЫЛЬНИКОМ — С НАМОРДНИКОМ *это* (МДС, I, 230); ПРИВИВКУ нам сделали// УКОЛ *это*// Кольнули от клещов//.

Близость ЭТО (в диалекте часто с редукцией ЭТ) пояснительному ТО ЕСТЬ отметил Г. П. Уханов[14]. Спецификой пояснительного ЭТО в диалекте является его употребление преимущественно в постпозиции по отношению к поясняющему слову.

От ЭТО пояснительного необходимо отличать ЭТО — связку в предложениях номинативного тождества (ср.: На переду *веревка — передовка*). Кроме того, речевой сегмент ЭТО+ИМЯ в им. п. можно квалифицировать как номинативное предложение с указательным значением: Брусника родится, пьяница родится — это голубица (МДС, I, 92). Ср: Брусника родится, пьяница родится. Это голубица (номинативное предложение с указательным значением) и Брусника родится, пьяница родится, то есть голубица (пояснительная конструкция).

Считаем, что регулярное употребление ЭТО не только с именем в им. п., но и с именами в косвенных падежах свидетельствует в пользу пояснительного характера ЭТО при условии, что второе имя референтно тождественно первому. Сигналом пояснения является также непосредственная близость членов ряда, связанных при помощи ЭТО. Значительный дистантный разрыв в большей степени показателен для указательных номинативных предложений с оттенком присоединения.

5. Кроме союзов и союзоподобных частиц пояснительное отношение в ДР может быть выражено рядом модальных слов, выполняющих функцию пояснительного союза. Так, в «Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья» слово ЧАЙ дано с пометой вводное (модальное. — *С. П.*) в значении 'по-видимому', 'наверно'. Анализ диалектного материала позволяет сделать утверждение о более широких функциональных возможностях ЧАЙ, а именно о его употреблении в пояснительной конструкции в качестве показателя пояснительного отношения. Для пояснительного ЧАЙ характерно положение после поясняющего слова: ЧАГА/ ГРИБ *чай*/ он и на лекарства/ и на чай кто до сих пор

---

[14] См.: Уханов Г. П. О грамматической природе придаточного предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 21.

завариват//; ПОПЙХА (т. е. та, кто в деревне вместо попа.— *С. П.*) /РУБЧЙХА *чай*/ вас ко мне направила/.

6. И в КЛЯ, и в ДР модальное слово ЗНАЧИТ со значением 'следовательно', 'стало быть' полифункционально. В КЛЯ ЗНАЧИТ выполняет функции а) союзного конкретизатора со значением обусловленности (с причинно-следственным или уступительным значением при сочинении в простом предложении: «Каждое слово звучало значительней, серьезней, а значит ранимей» (Тендр.) [15]; б) специализированного коррелята при подчинении в сложном предложении расчлененной структуры с несобственно-условным значением: «Если/раз я себе нравлюсь, значит, пел хорошо» [16]; в) связки в предложениях тождества со значением толкования, отнесения к известному: «Кирджали на турецком языке значит витязь» (Пушк.) [17].

В говоре область функционирования ЗНАЧИТ (ЗНАЧИЦА) расширяется за счет добавления функции пояснительного союза. При этом ЗНАЧИТ употребляется обычно в постпозиции по отношению к поясняющему слову: РАССАДУ/ПОМИДОРЫ *значит* прошлый год рано высадила//; ХОДИКИ/ЧАСЫ *значит*/ мнуки и сломали//.

Показателями пояснительной связки могут быть КОМБИНАЦИИ (контактные и дистантные) служебных средств друг с другом. Наиболее гибкой по способности комбинироваться оказывается частица ВОТ, прикрепляющаяся к следующим показателям пояснения:

НУ /+ВОТ/: Занемогну/ выпью на ночь ТАБЛЁТОЧКУ/ *ну вот* АСПИРЙН/пропотею//Биотики (антибиотики.— *С. П.*) только не пью//; СТОЛЁШНИЦА/ *ну* ДОСКА *вот* тaкá/это для теста//.

А /+ВОТ/: СТЕРЛЯДКА/*а вот* РЫБКА небольша/ ее теперь под закон//; Дали мне ИЗБУШКУ//*а* СТОРОЖКУ *вот*//Это я как сторож//.

Да /+ВОТ/: Обтяжная ОДЕЖДА, *да вот* КОФТОЧКА, а здесь на груди и в талии все в обтяжку, а внизу оборочки (МДС, I, 245); ХОЗЯИН мой/ *да* МУЖЙК (муж.— *С. П.*) *вот*/

---

[15] Русская грамматика: Синтаксис. М., 1980. Т. 2. С. 172.
[16] Там же. С. 573—574.
[17] Там же. С. 285.

нет//не пьющий//.

ЭТО /+ВОТ/: ХЛЁБ пекли// *это вот* БУЛКИ// А то ишо шаньги/калачи/кренделя/; СЕРВИЗ/*это* ПОСУДУ *вот* много/сноха купила мне//.

ЗНАЧИТ /+ВОТ/: РЕБЯТА/*значит вот* МЕЛУЗА/кричат/ /Взрослые бегут в тайгу с этой стороны// (о пожаре.— *С. П.*).

В речи носителей говора фиксируем также частое использование частицы НУ, начинающей комбинацию с тем или иным показателем пояснительной связи:

/НУ/+ЭТО: ГОРОХ/*ну это* ПОЛЗУНЕЦ/ его для ребятни токо и сажу//: ЖРАНИНЫ никакой/*ну* ЕДЫ *это* не было//.

/НУ/+ЗНАЧИТ: НАГРАДУ мне дали за мой добросовестный труд//ну значит ГРАМОТУ//.

7. Продолжают перечень показателей пояснения в диалекте модальные слова в союзной функции, семантика которых подчеркивает повторный характер номинации. Это а) модальные слова и выражения наречного и глагольного происхождения: ПО-ИНОМУ, ПО-ДРУГОМУ, ГОВОРЯТ, МОЖНО СКАЗАТЬ, указывающие на повторность номинации без выраженной авторизации[18]: А есь лодка АНБАРОМ называют, *по-иному* — ЖИВОТНИК. Там рыба живая. Лодка большая (МДС, I, 122); Подмешивают муку, МЕШАНИНА, МЕШЕВО, *можно сказать* (МДС, I, 204) и б) модальные слова и выражения: ПО-НАШЕМУ, ПО-СТАРОМУ, ПО-ПРОСТОМУ СКАЗАТЬ, ПО-СТАРИННОМУ, указывающие на повторность номинации с выраженной авторизацией (т. е. как говорим мы, простые люди, старые люди, крестьяне): Поди грит//Я тебе ПОЯС пришью//ОПУШКУ *по-нашему*//; ПОДРЯДЧИКИ— РАБОТНИКИ *по-старому,* за хлеб наймывались (МДС, II, 115).

8. В отдельных случаях наличие пояснительного отношения в ДР подтверждается знаменательными словами, а именно н а р е ч и я м и ЕЩЁ (ИШО, ИШШО, ЕШО, ЕШШО), ОПЯТЬ (ОПЕТЬ), ТОЖЕ и устойчивой комбинацией м е с т о и м е н и й ТО САМОЕ с частицей ЖЕ — ТО ЖЕ САМОЕ, значение которых так же, как значение описанных выше модальных слов наречного

---

[18] См.: Ш м е л е в а Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности//Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. Вып. 1. С. 90.

происхождения, подчеркивает повторный характер номинации:

ЕЩЕ (ИШО, ИШШО, ЕШО, ЕШШО): Ухват для сковородки — ЧАПЕЛЬНИК, *ещё* СКОВОРОДНИК (МДС, II, 191).

В отдельных случаях ЕЩЁ сопровождает пояснительный союз ИЛИ: Еловый лес называют ЕЛЬНИК, *или* ЕЛАЧ *ещё* (МДС, I, 116).

ОПЯТЬ (ОПЕТЬ), часто в комбинации с частицей ЖЕ: Ну сборщик набирает эти су́кны//Там ставит БИ́РКУ//*опять же* НОМЕР хозяина//фами́лию/и́мя//.

ТОЖЕ: Вот сейчас в Борисовской КЕДРАЧ насадили, *тоже* САЖЕНЦЫ (МДС, II, 148); ШЕЛКУНЕЦ маленький, серого цвета, *тоже* ГНУС, а большой паут зовется серяк (МДС, II, 173).

По поводу «наречия» ТОЖЕ выскажем свои сомнения. Может, это комбинация местоимения (частицы? Ср. с ЭТО) ТО с частицей ЖЕ? Наше предположение оправдывается и, более того, подтверждается тем, что в диалектных пояснительных конструкциях используется устойчивая комбинация местоимений ТО САМОЕ с частицей ЖЕ (ТО ЖЕ САМОЕ), конкретизирующая пояснительное отношение. Ср.: Подцепила я по силе ПЛАСТ и несу на место. НАВИЛЬНИК (охапка сена, соломы и т. п., взятая на вилы) *то же самое.* Это один раз на вилы подцепили. Ты сюда навильник принеси (МДС, I, 229).

Таким образом, исследование формальных показателей диалектного пояснения убеждает нас в следующем:

1. Говоры Среднего Приобья обладают собственной специфической системой линейных показателей пояснительного отношения.

2. Эта система представлена как служебными (союзами ТО ЕСТЬ, ИЛИ (ИЛЬ, АЛИ) ЛИБО, А, ДА частицами ЛИ, НУ, ЭТО, ВОТ, модальными словами ЧАЙ, ЗНАЧИТ, ПО-ИНОМУ, ГОВОРЯТ, ПО-НАШЕМУ), так знаменательными словами в союзной функции: наречиями ЕЩЕ, ОПЯТЬ, ТОЖЕ (?), местоимениями с частицей ЖЕ — ТО ЖЕ САМОЕ. Возможна комбинация линейных показателей пояснительного отношения друг с другом.

3. Анализ служебных слов — показателей пояснения позволил установить, что в говоре происходит функциональная «переориентация» союза ТО ЕСТЬ: крайне редко встречаясь в пояснении-отождествлении, ТО ЕСТЬ «обслуживает» сферу речевых оговорок; расширяется круг разделительных средств, используемых в значении пояснительных: пояснительным является не только ИЛИ, но и ЛИБО, ЛИ; становятся многозначными союзами

ИЛИ, А, ДА, у которых одно из значений пояснительное; увеличивается функциональная нагруженность у выявленных служебных (частиц ЛИ, НУ, ВОТ, ЭТО, модальных слов ЧАЙ, ЗНАЧИТ, ПО-ИНОМУ, ПО-НАШЕМУ) и знаменательных (ЕЩЕ, ОПЯТЬ, ТОЖЕ(?), ТО(ЖЕ) САМОЕ) слов за счет функции пояснительного союза.

М. А. БОЛГОВА, М. Б. ТАРАСОВА

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ОПОРНОЕ СЛОВО ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДИАЛЕКТЕ

Немногочисленный диалектный материал с фразеологизмами — опорными словами изъяснительных конструкций — привлекает большое внимание, во-первых, потому, что этот материал никогда детально не изучался (констатация наличия таких конструкций в говоре дается А. Б. Шапиро[1]), во-вторых, исследование «периферийных» опорных слов изъяснительных конструкций выявит те потенции фразеологизмов, которые позволят им функционировать в качестве изъясняемых слов.

На первом этапе представления данных конструкций мы пока гипотетически относим их к изъяснительным с опорным фразеологизмом. При анализе конструкций с опорным фразеологизмом мы будем опираться на следующее толкование изъяснительной конструкции. Изъяснительная конструкция — это конструкция с опорным словом, создающим своими валентностными свойствами субъектно-объектную позицию (семантическую и структурную неполноту), которая заполняется соответственно распространителями слева (субъект) и справа (объект). Следовательно, связь между главной и зависимой частями изъяснительной конструкции носит присловный (предсказующий) характер. Субъект, будучи структурно организующим компонентом, является факультативным, и при необходимости эксплицитного представления субъекта субъектная позиция заполняется распространителем слева. Объектная позиция открывается опорным словом на пропозицию и соответственно заполняется распространителем справа. Свойство опорного слова открывать место на пропозицию является определяющим для изъяснительных конструкций. Объектная позиция может быть заполнена как словоформой, так и придаточной частью сложноподчиненного предложения (или второй частью бессоюзного сложного предложения). Следовательно, схема (модель) изъяснительной конструкции будет иметь вид: $S \leftarrow P \rightarrow O$.

Итак, перед нами стоит несколько вопросов: 1. Каков круг фразеологизмов, способных организовывать изъяснительную кон-

---

[1] Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: Строение предложения. М., 1953. С. 226.

струкцию, и, соответственно, характерные черты этих фразеологизмов? 2. Что позволяет фразеологизму функционировать в качестве модусного предиката? 3. Организуют ли данные фразеологизмы конструкции только с изъяснительными отношениями, или они способны быть компонентами конструкций с другими смысловыми отношениями?

Материал для анализа был собран по «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и по записям, сделанным авторами во время диалектологической экспедиции в с. Молчаново, Молчановского района, Томской области в июле 1985 г.

Это материал показал, что фразеологизмы, способные организовывать изъяснительные конструкции, бывают следующего типа: *черт его знает, сап его знает, бог его знает, шут его знает, (не) дай бог* (господь), *бог избавь,* т. е. генетически они представляют собой сочетание S←P, где S и P выражены полнозначными словами. Позиция объекта (местоимение ЕГО) факультативна. Глагольные компоненты указанных фразеологизмов могут выступать опорными словами изъяснительных конструкций. Отсюда наша первая посылка: эти фразеологизмы, являясь опорными словами (структурными организаторами) изъяснительных конструкций, ведут себя как свободные сочетания, имея при этом нерасчленимое значение (компрессия S и P).

Чтобы определить возможность представления модусных предикатов фразеологическими единицами (ФЕ), вспомним, что модусными называются предикаты, выражающие субъективное отношение говорящего к сообщению.

Следующей ступенью анализа с очевидностью должно стать обращение к значениям ФЕ, находящихся в центре внимания, Для иллюстрации приведем по одному примеру на каждое значение из «Фразеологического словаря русского языка»[2].

Бог (господь, аллах, черт, бес, леший, шут, пес, хрен) *его* (тебя, ее, вас, их) *знает* (ведает). 1. Неизвестно, никто не знает.— «Родители его были дворяне, но столбовые или личные — бог ведает» (Гоголь. Мертвые души). 2. Выражение восторга, возмущения, недоумения, радости и т. п.— «Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить» (Киров. Статьи и речи. 1934 г.)[3].

Бог (господь, аллах, черт, бес, леший, пес) *знает*. 1. Неизвестно, никто не знает (что, кто, какой, как, где, когда и т. п.).—

---

[2] Фразеологический словарь русского языка/Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967. 543 с.

[3] Там же. С. 38—39.

«Мы, бог знает, где едем, и бог знает, что с нами делается» (Л. Толстой. Война и мир). 2. Выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-либо или по поводу чего-либо (в сочетании с теми же словами, что и в 1-м знач.).— «Ты тратишь свои лучшие годы на бог знает что... Роешься в старом, никому не нужном хламе» (Чехов. Хорошие люди) [4].

Фразеологизм *сап его знает* имеет значение 'неизвестно' [5].

Избави бог (господь). 1. Выражение предупреждения, предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо.— «Карету обыщи ты вдоль и поперек — Потерян там браслет ... Избави бог Тебе вернуться без него!» (Лермонтов. Маскарад). 2. Выражение решительного отрицания чего-либо предполагаемого.— «Я вовсе не хочу сказать — избави господи! — что именно я способен сделать что-нибудь чудесное» (Паустовский. Равнина под снегом) [6].

Дай бог, кому. Выражение пожелания чего-либо.— «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим» (Пушкин. Я вас любил: любовь еще, быть может...) [7].

Не приведи (не дай) *господи* (бог). 1. Выражение предупреждения, предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо.— «Не дай бог с дураком связаться: Услужливый дурак опаснее врага» (Крылов. Пустынник и медведь). 2. Выражение оценки, характеристики чего-либо, обычно со стороны силы, степени и т. п.— «Уж так, говорят, он изуродован, не приведи бог!» (Решетников. Где лучше?) [8].

Данные ФЕ как раз и употребляются для выражения чьего-либо отношения к определенной ситуации, значит, они могут выступать в качестве модусных предикатов. Остается проверить, во всех ли значениях, им присущих, это возможно. Очевидно, нет. Обращение к иллюстрациям фразеологического словаря доказывает: модусные предикаты мы имеем в первом значении ФЕ *бог его знает, избави господи, не дай бог* и в ФЕ *дай бог, сап его знает*. ФЕ *бог (черт) знает, избави господи, не дай бог* во втором значении являются своего рода реляционно-оценочными словами, «сигналами субъективной реакции» [9].

---

[4] Там же. С. 39.

[5] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1967. Т. 3. С. 122.

[6] Фразеологический словарь русского языка. С. 183.

[7] Там же. С. 126.

[8] Там же. С. 353.

[9] Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. С. 35.

Исходя из сказанного, формулируем следующее положение: интересующие нас ФЕ могут выступать в функции коммуникативной единицы — нечленимого предложения (как самостоятельного предложения, так и компонента сложного предложения) и в служебной функции, когда они вносят в предложение, в которое включены, определенную модальную или эмоциональную окраску. ФЕ, способные выступать в подобных функциях, принято называть фразеологизмами-релятивами, так как они соотносимы со словами с релятивным лексическим значением (междометиями, частицами, модальными словами) [10].

Итак, мы имеем дело с фразеологизмами-релятивами, которые, выступая в одном значении, могут организовывать модусную пропозицию изъяснительных конструкций, а, употребляясь в другом значении, не могут быть опорными словами тех же конструкций и «имеют характер эмоционального возгласа» [11].

Мы ответили на два поставленных вопроса. Анализ диалектного материала поможет ответить и на последний вопрос — о возможности участия ФЕ в конструкциях с другими, кроме изъяснительных, смысловыми отношениями. Нами выделены следующие группы конструкций с ФЕ-релятивами.

1. Изъяснительные конструкции с ФЕ-опорными словами.— Дай бог, чтоб жили хорошо (во «Фразеологическом словаре русского языка», кстати, не отражена возможность организации с этой ФЕ сложноподчиненного предложения, что вряд ли является диалектной особенностью). Не дай бог никому, чтобы была (война.— *М. Б., М. Т.*). Ой, не дай бог никому таку́ жизню. Чёрт их знает, по какой причине остался. Как перенесла боль, бог это знает. Бог избавь, чтобы он пошевелил чего [12]. Сап её знает, на чём возили воду [13].

Приведем несколько примеров с невыраженной, но «вытягиваемой» пропозицией.— Кошка чёрт её знает (что делает.— *М. Б., М. Т*), мырычет [14]. Бог его знает (как готовили еду.— *М. Б., М. Т.*), таперь уж и забыли. Бог его знает (что случилось— *М. Б., М. Т.*), как померла, так привезли, увезли, натоми́ровали. Видно, вся перепуганная, чёрт его знает (кто ее напугал.— *М. Б., М. Т.*). Следующий пример мы склонны тоже отнести к изъяснительным конструкциям: Дед, шут его знает, отке́ля [15]

---

[10] Киприянов В. Ф. Фразеологизмы—коммуникативы в современном русском языке: (Состав фразеологизмов—коммуникативов). Владимир, 1975. Вып. 1. С. 8.

[11] Ляпон М. В. Указ. соч. С. 35.

[12] Словарь русских старожильческих говоров... 1967. Т. 3. С. 66.

[13] Там же. С. 122.

[14] Там же. С. 162.

[15] Словарь русских старожильческих говоров. Доп. 1975. Ч. 2. С. 56.

(этому способствуют и знаки препинания, поставленные составителями словаря). Необычна, видимо, интерпозиция модусного предиката. Войны были, да колхозы, да перевороты эти. И белые, и красные, и чёрт его знает. Этот пример отнесен нами к спорным. Здесь возможны два толкования: принимая во внимание «перечислительный» характер контекста, не выраженная до конца мысль может иметь вид: и чёрт его знает, что ещё было. С другой стороны, диалектоноситель мог иметь в виду и другие группировки: и чёрт его знает кто (зеленые, например). В первом случае мы имеем изъяснительные отношения, во втором — ФЕ употреблена в качестве релятивно-оценочного слова с отрицательным отношением к ситуации.

2. Неизъяснительные конструкции с ФЕ-релятивами: а) ФЕ-релятивно-оценочное слово, выражающее отрицательное отношение к чему-либо, фразеологизмы *бог его знает, сап его* знает.— Тут жизня была, так бог её знает какая [16]. В сорок вторым погиб, сап его знает почему [17] (следует обратить внимание на отсутствие запятой перед словами «какая» и «почему», что подтверждает нашу мысль); б) ФЕ-релятивно-оценочное слово, характеризующее что-либо со стороны силы, степени, фразеологизм *не дай бог (господи)*.— Жили мы не дай бог, мы только и знали жали. Ничё я, дефти, хорошего не видела, такая дичь была, не дай господи [18]. Охотничали на подволóках, на голúцах —не дай бог! Круто на кочку наступил — сломал подволоку [19]. Ек, как начнёт плясать, размузы́каются — не дай бог! [20]. Дуя́к на пустолесье, притулиться некуда. Скажут: «На эдаким дуяке ночевал, не дай бог!» [21]. Как сначала жила, так не дай господь. Думаю берлога, не дай бог где была. Сейчас в колхозе хорошо живут. Трудные годы были, трудные, не дай бог. Худо мне одной, ой худо, не дай бог! Плачу всё. Чтоб больше нигде войны не было. Только спокойно, ляжешь спать, не слышишь бомбу этих. Не дай бог, как вакуи́рованные рассказывали. Последний пример, как нам кажется, можно отнести к разряду спорных. ФЕ в данной конструкции явно не является опорной. Попробуем «восстановить» пропозицию: Не дай бог, чтобы такое случилось, чтобы слышать бомбы и т. д.— об этом эвакуированные рассказывали, как это страшно. По всей видимости, именно эту цепь и не представила эксплицитно говорившая. С другой стороны, есть все ос-

---

[16] Словарь русских старожильческих говоров... 1965. Т. 2. С. 12.
[17] Словарь русских старожильческих говоров... 1967. Т. 3. С. 122.
[18] Словарь русских старожильческих говоров... Доп. 1975. Ч. 1. С. 119.
[19] Словарь русских старожильческих говоров... 1967. Т. 3. С. 31.
[20] Словарь русских старожильческих говоров... Доп. 1975. Ч. 2. С. 149.
[21] Словарь русских старожильческих говоров... Доп. 1975. Ч. 1. С. 129.

нования видеть в ФЕ выражение эмоциональной оценки, поэтому мы и поставили этот пример в один ряд с другими неизъяснительными конструкциями.

Встретились в говоре и конструкции с ФЕ *слава богу, страшное дело,* но они употреблены только в качестве соотносимых с междометиями.— Слава богу, полеводческих три бригады, когда я уже председателем был в тридцатом году. Ну и слава богу, хоть на хлеб дали. Ох, страшное дело, что пережили (ЧТО здесь явно не союз, а местоимение).

Проведя анализ диалектного материала, на третий вопрос можно ответить отрицательно: ФЕ-релятивы могут быть опорными словами только изъяснительной конструкции (когда ФЕ употреблены в определенном значении); в конструкциях с другими отношениями ФЕ-релятивы выступают лишь в служебной функции релятивно-оценочных слов, «они не только сообщают о настроении говорящего, но выступают как носители определенного оценочного критерия, т. е. квалификатора, обладающие понятийным потенциалом» [22].

Итак, фразеологизмы-релятивы являются опорными словами изъяснительных конструкций тогда, когда в одном из значений они соотносимы со словом изъяснительной семантики (напр., неизвестно), требующим восполнения смысла, и способны функционировать как компоненты сложного предложения.

Фразеологизмы-релятивы, выражающие определенное модальное и эмоциональное отношение к чему-либо, выступают лишь в служебной функции. Причем преобладание именно такого рода конструкции с ФЕ, видимо, говорит о том, что выполнение служебной функции для фразеологизмов-релятивов первично.

Чаще всего ФЕ в изъяснительной конструкции находится в препозиции по отношению к зависимой части, а для ФЕ, выполняющих служебную функцию, характерна постпозиция. Интерпозиция для ФЕ нетипична.

Анализ ФЕ, проведенный в аспекте их синтаксического функционирования, дает новые основания для решения вопроса об уровневом статусе этих языковых единиц.

Как известно, в науке длительное время господствовала лексикологическая точка зрения на фразеологию, в русле которой фразеологизмы рассматривались как «эквиваленты слов», «слитные речения», «неразложимые единицы» [23]. В настоящее время этот подход активно пропагандируется И. С. Торопцевым, кото-

---

[22] Ляпон М. В. Указ. соч. С. 35.

[23] Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц//Тр./Ин-т языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4. С. 50—73.

рый считает фразеологизмы «разновидностью лексических единиц»[24]. Это мнение оспаривалось и оспаривается лингвистами, указывающими на то, что половина устойчивых сочетаний выступает в форме предложений и поэтому они не могут быть сближены со словом.

Представляется, что наличие в языке ФЕ, оформленных как полные предложения, не единственное и не самое существенное основание для вынесения фразеологии за рамки лексикологии, тем более, что фразеологизмы, выступающие как изъясняемые слова, несмотря на свою «предложенческую» форму, могут быть соотнесены со словом, ср. *черт знает, бог знает* — неизвестно.

Как показал предшествующий анализ, способность фразеологизма выражать нерасчлененное значение, подобное значению изъясняемого слова, является семантической предпосылкой использования ФЕ в функции опорного слова, создает потенциальную возможность его употребления в изъяснительной конструкции.

Следовательно, утверждение о том, что «компонент фразеологизма сам по себе не вступает в отношения и связи со словами в речи»[25], что лексико-грамматические связи между компонентами фразеологизма отсутствуют, что слово в составе ФЕ полностью теряет свои словные качества, превращаясь в «компонент»[26], что, наконец, «если фразеология занимается и грамматической природой ФЕ, то она занимается не своим делом»[27], односторонне.

Использование фразеологизмов как опорных слов в изъяснительных конструкциях возможно только при том условии, что словные качества глагольных компонентов таких ФЕ не утрачены полностью и могут быть актуализованы. А это значит, что глагол в подобных образованиях функционирует не только как неотъемлемая часть фразеологизма, участвующая в организации его целостного субъективно-модального значения, но и как слово, открывающее место на пропозицию.

Таким образом, взгляд на фразеологизмы сквозь призму их синтаксического функционирования показывает, что наряду с «лексичностью» эти единицы обладают таким своеобразием семантико-грамматического устройства, которое не позволяет относить их к сфере лексики.

---

[24] Торопцев И. С. Язык и речь. Воронеж, 1985. С. 146.
[25] Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977. С. 25.
[26] Mlacek J. Slovenská frazeologia. Bratislava, 1977. S. 36
[27] Торопцев И. С. Указ. соч. С. 150.

Л. П. ГРУНИНА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПОСТРОЕНИЕМ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО ВТОРИЧНЫМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ В СОВРЕМЕННОМ ГОВОРЕ

Под термином «вторичные заимствования» понимается западноевропейская лексика, пришедшая в говор через посредство литературного языка[1]. Основными путями обогащения словарного запаса диалектоносителей вторичными заимствованиями (ВЗ) являются средства массовой информации: радио, печать, кино. Особенно интенсивно этот пласт лексики начал пополняться с начала 60-х гг. с появлением в сибирских сёлах телевидения.

Любой языковой элемент, попадая в новые для себя условия, начинает приспосабливаться к требованиям принимающей системы (в данном случае диалектной системы). Процесс «вживания» в новую языковую среду довольно сложный и длительный, предполагающий одновременно как формальную адаптацию (фонетическую и морфолого-грамматическую), так и семантическую. В лингвистической литературе существует немало работ, посвященных проблемам фонетического, морфологического и семантического освоения иноязычной лексики[2], в которых решаются и ставятся важные вопросы взаимоотношения заимствований и принимающей системы. Не менее важным, на наш взгляд, является также рас-

---

[1] См.: Гордеева О. И., Ольгович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981. С. 5.

[2] См.: Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1964; Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах//Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1958; Симина Г. Я. Заимствованная лексика в семантической системе диалекта//Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972; Федоров А. И. Освоение заимствований в севернорусских говорах//Диалектная лексика. 1969. Л., 1971; Коготкова Т. С. О некоторых особенностях освоения литературной лексики в условиях диалектного двуязычия//Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Щитова О. Г. Западноевропейские заимствования в русской разговорной речи XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986; Ломакина З. И. Заимствование и освоение русским языком иноязычной лексики в 60—80-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985.

смотрение синтаксического аспекта данной проблемы, до сих пор остающегося без внимания.

Настоящая статья посвящена анализу структуры высказывания со вторичными заимствованиями. Материалом послужили данные двух экспедиций в Крапивинский район, Кемеровской области.

Прежде всего следует отметить, что одновременно с семантической адаптацией идет и синтаксическое освоение заимствованной лексики. Это два неразрывных процесса: становление и развитие значений у слова влечет расширение словосочетательной способности, а также синтаксических возможностей. Если для начального этапа в семантическом отношении характерны однозначность, ограниченная валентность, недостаточность актуализирующих контекстов[3], в синтаксическом плане, прежде всего, обращает на себя внимание построение высказывания. Наблюдения над употреблением ВЗ показывают, что при включении в высказывание плохо освоенной единицы возникает напряжение, выражающееся в длительных паузах перед произнесением ВЗ, а также в использовании различных вставных конструкций, которые (как и паузы) нарушают плавное течение речи.

— Щас привозют это .. .//как их// ... ШИФОНЕ́РЫ[4].
— Дочь работает, ветврач, третий (ребёнок—*Л. Г.*) //как ево//... ВАНСТИТУ́Т //что ли//...
— Счас вот зубы /вот был он в лагере (внук — *Л. Г.*) /там проверили ... СОМАТО́ЛОГ //ли как он там// ... проверили ему зубки, забломбировали.
— Было ... этот ... //как ево// ... ПРЕВРИТ /такой сухой/ только не мокрый/ теперь как чуть остыну/ дак уже начинает это...
— А это вот ... //как ево// ... показывают /вот это не смотрим/ а так... //как оне называются// ... оне... (балет, слово повторяется верно после того, как оно подсказано. — *Л. Г.*).
— РЕВМАТИ́ЗЬМА ... //то ли чё// ... болят ноги.
— В лесозаводе есть ... этот ... БУГА́ХТЕР //так ли чё говорить// ...
— Была весела /и в ДИТАРУ (гитару.— *Л. Г.*) играла /племянник ... на МАНИТАФО́Н //ли как ли// толком не знаю...

---

[3] См.: Щитова О. Г. Указ. соч.; Ломакина З. И. Указ. соч.

[4] Примеры даются с сохранением некоторых особенностей в произношении. Знак « / » обозначает интонационное деление высказывания на сегменты, длительные паузы обозначаются «. . .», вставные конструкции « // ».

— Теперь и от этого лечут ... от этого ... щас вспомню ... АТАДОЛЮ (алкоголя — *Л. Г.*).
— Этот ... //как ево// ... подожди-ка... //опять забыла болесь свою //... кишки болели ... КА́ТЕР (катар.— *Л. Г.*) ... лежала/ признали у меня ешшо почку /домой приехала/ опять кишки у меня заболели...

Хотя вставки довольно разнообразны в содержательном отношении, можно выделить несколько характерных конструкций при употреблении ВЗ: «как ево /её, это, их/», «или как /он там, назвать, сказать/», «что ли», «то ли чё». Отмеченные вставки могут использоваться в различных сочетаниях друг с другом: «как его» ... ВЗ ... ли как ли», «как его» ... ВЗ ... «то ли чё», «ВЗ ... ли как он там». Очень часто отмеченные вставки распространяются за счет различного рода добавлений, которые в просодическом оформлении сближаются со вставными конструкциями, характерной чертой последних является «интонация скобок», т. е. самостоятельный мелодический контур, подчеркивающий некоторую «инородность» в общем интонационном контуре высказывания. Следует отметить самостоятельность и в смысловом отношении, обычно это предикативная единица, которая лишь косвенно связана с основной структурой высказывания:

— Она чё ... этот ... РЕНГЕ́Н //ли как ево //да чё/ таперь называть-то не знаю чё/.
— В руку каво-то вставляют... каку-то ТОРПЕ́ДУ //ли как//я доченька не знаю //вставляют...
— ...ВОСПИДИ́ЦИЯ (экспедиция. — Л. Г.) ... лес /по лесу ходют //я то не знаю// ... уголь какой нашли.
— Этот ... //как ево// ... подожди-ка/ опять забыла болесь свою
— Как-то налила воды /проверила JЕНЕ́РГИЮ// раньше ж этого не было// потом уж выстирала.
— Тифом болели, поносом... //ДИЗЕНТИРИ́Я стали называть//.
— МИНИНГИ́ТОМ кажется болела //я так представляю/ называли её горячка// и болела свинкой...
— Меня лечили — надсадилася /мать живот потрёт// сечас называют МАССАЖИ́РОВАТЬ// в бане напарюсь.
— В этом /в магазине ... ГАРАНТЕРЕ́Я называца //там шапки каки-то продают.
— А́ГУСТ месяц настанет /и болеют/ и ДИЗЕНТЕРИ́ЕЙ болеют// так-то понос//.
— Он чё-то наладил в бутылку такое (врач.— *Л. Г.*)/ и это...

ИНФЕ́КЦИЯ называеца //мы стали поить/ и она выздоровела.

Как показывают примеры, иногда ВЗ само является членом вставной конструкции, в основном это случаи, когда диалектоносители, говоря об известной реалии, стараются сообщить и новое её название. Рассматривая структурно-грамматические особенности выявленных вставных конструкций, необходимо отметить следующее. Во-первых, это предикативная конструкция (слыхала я так; не знаю, как сказать: раньше ж этого не было; подожди вспомню, и т. д.) или устойчивое сочетание, где потерян глагольный компонент: «как его» → назвать, зовут, называют, «или как /ли/» → сказать, называется (он, она, оно). Во-вторых, в высказывании отмеченные конструкции занимают вполне определенные позиции, ни о какой «свободе» расположения не может идти речи, ибо они относятся к конкретному слову, находясь в препозиции или постпозиции к нему. Так вставка «как его» в основном препозитивна, тогда как вставка «или как (ли, там)» закономерно появляется после ВЗ, выражая сомнение говорящего. Как уже отмечалось, эти вставки могут употребляться одни, а также (что наблюдается чаще всего) распространяются за счет различного рода добавлений (о чем речь шла раньше). Таким образом, вставка получается как бы двухкомпонентной:

— как его + не знаю, как сказать, назвать; забыла, подожди вспомню и т. д.

— ли как ли + толком не знаю; не знаю я; и т. п.

В содержательном отношении второй компонент более ёмкий и информативный, включающий дополнительную характеристику относительно конкретных реалий и слов, их называющих; в свою очередь, первый компонент, главным образом, выразитель субъективной модальности. Различаются следующие субъективно-модальные значения: 1. Сомнение говорящего с точки зрения достоверности, правильности называния и произношения.

— ... МАНИТАФОН... //ли как ли/ ... толком не знаю/.

— ... РЕНГЕ́Н //ли как ево/ да чё/ таперь называть-то не знаю чё//

— ... БУГА́ХТЕР /так ли чё говорить. Обычно в данном случае употребляется вставка «ли как» и её синонимы, которая занимает постпозицию и во второй части содержит конструкцию с центральным компонентом «не знаю». Реже сомнение выражается вставкой «как его». И здесь после первой части следует, как правило, вторая, указывающая на причину сомнения — незнание слова, плохое знание о реалии:

— Этот ... //как ево/ не знаю/ щас всё по-книжному зовут// ... (речь идет о названии болезни мужа.— *Л. Г.*).

— ... ДОКУМЕ́НТ это //что ли// мне кажется так.

2. Эмоциональная реакция говорящего на конкретную единицу лексики, необходимую для данной ситуации — неодобрение или отрицательное отношение, выражающиеся следующим образом:

а) вставка «как его» часто произносится с интонацией, которую можно охарактеризовать как интонацию «раздражения», достигается это путём усиления компонента «как» и длительной паузой перед второй частью вставки.

— Этот ... ка̀к ево ... подожди-ка ... опять забыла болесь свою...;

б) постпозитивное использование указательного местоимения «этот», употребляющегося как без вставки, так и вместе с ней:

— Вот ФУТБО́Л *этот* /я в ём ничё не понимаю.

— Есь болят ноги /и ПАРАЛИ́Ч *этот*/ вот ешшо болесь.

— СЕСТИВА́ЛЬ (фестиваль.— *Л. Г.*) ... //как ево// ... ХОККЕ́Й этот/ вот это иногда смотрим;

в) часто с интонацией «недоброжелательности» произносится второй компонент вставки: «щас всё *по-книжному* зовут» (выделен интонационно «по-книжному»).

3. Наблюдаются случаи, когда говорящие стремятся призвать собеседника помочь вспомнить и назвать необходимый предмет или явление. Вставка приобретает в таких случаях описательный характер:

— И вот эти... *на гору-то лазют* //*как называца забыла*/ ... *щас вспомню*/*ну* ... *космонавты — это летают*// ... как они лазют на эти горы/ я аж боюсь...

— Ну как же /брали ... это ... соки ... такая кишка и шприц/ вставляли мне и шприцом вытягивали оттуда/ ... эти ... *идут... ну увозят в ящичке на исследование куда-то*/ увозят ... АНА́ЛИЗЫ.

— Он показывают кино-то... эти ... //как их.../ *где обутки шьют*/ *шьют же вон* /сами// эти...

— Ну вот спина заболела прошлый год /кто её знат/ вот начало взяло это... //как ево// ... *как это по-книжному, по-медицине... вот между суставами позвоночника...*

Таким образом, структура высказывания при включении ВЗ расширяется за счёт вставных конструкций, которые нарушают плавное течение речи, ибо говорящие непроизвольно включают их в намеченное повествование. Перед употреблением ВЗ наблюдаются длительные паузы, которые тоже являются «нарушителями» общего интонационного контура намеченной структуры. Анализ вставок позволяет сделать вывод о недостаточном освоении исследуемого пласта лексики.

Т. И. СТЕКСОВА

МЕТОДИКА СБОРА ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СООТНОШЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Традиционно в синтаксических исследованиях диалектов описывались лишь отдельные предложения, отдельные синтаксические конструкции в противопоставление другим единицам. Актуальность проблемы изучения и описания системной организации формального и семантического уровней языка обусловила возможность и правомерность изучения диалектного синтаксиса с точки зрения анализа формально-семантической соотносительности простых предложений. Для того, чтобы определить существующие в говорах типы соотношений предложений различных структур и выявить факторы, обусловливающие соотношение, необходимо прежде всего выработать методику сбора и анализа языкового материала. В связи с этим настоящая статья посвящена описанию методики сбора и анализа материала, которая была выработана автором статьи и апробирована в условиях диалектологических экспедиций в Среднее Приобье.

Методика сбора диалектного синтаксического материала, исследуемого в указанном аспекте, имеет специфику. Если для лексикологических работ преимущественно используется диалогический способ общения (исследователь задает вопрос, информант дает ответ), то для того, чтобы составить представление о синтаксической системе диалекта, этого явно недостаточно. Необходимо записывать как диалогическую речь (в естественной речевой ситуации — между диалектоносителями), так и монологическую.

Весьма существенным является и способ записи. Если при изучении лексики допустима запись фрагментов, контекстов с интересующим словом, то при изучении синтаксической системы важна наиболее полная передача текста, сохраняющая все особенности построения предложения. Такой достоверной записи можно достичь только с помощью магнитофона.

Итак, при сборе материала принципиальным требованием является запись на магнитную ленту как диалогической, так и монологической речи. Необходимо не только зафиксировать функ-

ционирование предложений в диалекте, но и выявить характер соотношения предложений различных типов, полноправное место в работе должен занять метод сопоставления. Основание для сопоставления языковых фактов может быть найдено при помощи метода компонентного анализа, который уже успешно применялся не только в работах по лексике и словообразованию, но и в синтаксических исследованиях[1]. Сущность метода компонентного анализа сводится к тому, что в совокупности исследуемых языковых единиц (в данном случае предложений) выделяются те признаки, с помощью которых одни единицы различаются между собой, другие — объединяются в группы.

В основу методики сбора материала должен быть положен лингвистический эксперимент. Сущность психолингвистического метода, используемого для исследования плана содержания языка, заключается в том, что с его помощью предлагается обработка и анализ того языкового материала, который можно получить от информантов-диалектоносителей в результате специально организованных экспериментов. Применение метода эксперимента в лингвистике вообще, и в области синтаксического анализа в частности непосредственным образом связано с изучением живых языков. Особенно актуальным становится использование эксперимента при изучении диалекта. Умение корректно ставить его существенно влияет на результаты работы. При проведении лингвистического эксперимента очень важно, существенно создание психологической установки информанта на беседу. Часто информанты в условиях общения с носителями литературного языка стараются говорить «городским» языком, употребляют известные им, но не свойственные в ситуации повседневного общения конструкции. И только доверительная, доброжелательная обстановка, искренний интерес исследователя к теме беседы, его тактичность и уважительное отношение к информанту позволяют диалектоносителю говорить спокойно, «по-домашнему», привычным ему языком.

Для выявления характера соотношений предложений различных типов более целесообразным является поэтапный сбор и анализ материала. Иллюстрацией к высказанному может служить методика сбора и анализа материала в плане соотношений безличных глагольных предложений с предложениями других структур.

На первом этапе сбора материала пятнадцати информантам были предложены беседы на темы войны, здоровья, погоды и

---

[1] См.: Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Черновцы, 1976. 68 с.

природы. Предполагалось, что эти темы для беседы наиболее способны «разговорить» информантов, они более употребительны и знакомы каждому диалектоносителю, позволяют чувствовать себя в привычной обстановке, не боясь показаться некомпетентными в естественной речевой ситуации. Кроме того, предполагалось, что эти темы обусловят употребление информантами большого количества безличных предложений.

Затем весь собранный материал, записанный на магнитную ленту, был подвергнут статистической обработке, которая показала верность первоначального предположения. Среди всех проанализированных предложений (около 9000) приблизительно 12% занимают безличные глагольные предложения, причем в речи каждого информанта употребление безличных глагольных предложений колеблется от 22 до 9%. Контрольному информанту был предложен разговор на другие бытовые темы, который дал всего лишь 3% безличных предложений.

На втором этапе другой группе информантов были даны выбранные из записанного языкового материала безличные предложения с просьбой выразить ту же мысль, которая была в заданном предложении, но иначе, иной структурой.

Важно отметить, что на этом этапе исследователем сознательно менялась языковая ситуация. Если первоначально предложения были записаны при монологической речи, то на данном этапе —в процессе беседы; более того, информанты понимали, что они участвуют в эксперименте, выполняют определенное задание. Естественно, это существенным образом накладывало отпечаток на их ответы, они старались как можно лучше выполнить задание. При затруднении в перефразировании информант «провоцировался» исследователем на определенные конструкции. Так, например, перефразирование предложения «Помануло меня к родителям» оказалось сложным для информантов, и только после вопроса: «А что помануло-то?» — появляется личная конструкция: «Неволя поманила».

Весьма существенно, что в подобных случаях информанты четко осознают частотность и употребимость определенных конструкций. Поэтому часто перефразируя данное предложение, диалектоносители уточняют, что можно выразить данную мысль и подобным образом, но обычно у них говорят иначе.

Для полной объективности языковой картины имеет смысл контрольной группе информантов предложить для перефразирования в качестве исходных не безличные предложения, а предложения другого типа, а затем сравнить парадигмы соотношений предложений всех групп информантов.

На третьем этапе из собранного материала были выбраны предложения разных типов, синонимичные в употреблении диалектоносителями безличным предложениям.

Четвертый этап — этап анализа. Собранный материал для определения формальной и семантической соотнесенности безличных предложений глагольного типа с предложениями других типов, выбранными из речи информантов и возникшими в результате частичного преобразования ранее полученного предложения, подвергался компонентному анализу, т. е. материал подвергался лингвистической интерпретации.

Применение данной методики позволяет выявить наиболее полный объем языковых единиц, необходимый для синтаксического исследования в плане формально-семантической соотнесенности. Кроме того, она дает возможность целенаправленного сбора материала, ориентированного на сопоставительное исследование синтаксических парадигм соотношений.

Эта методика может быть использована при исследовании формально-семантической соотносительности других типов предложений. Установка на учет психологического фактора, языкового сознания диалектоносителей важна в любом синтаксическом исследовании.

Т. В. СЕРГЕЕВА

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АНГАРО-ЛЕНСКИХ ГОВОРОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

К ангаро-ленским обычно относят говоры, распространенные непосредственно в Приангаро-Ленских районах, но иногда и говоры «глубинных» местностей.

Известно, что наиболее крупные территориальные объединения говоров русского языка выделяются на основе целого комплекса языковых явлений. Более же мелкие территориальные подразделения внутри их, обладающие чертами этого комплекса,— на основе различительных, составляющих специфику того или иного из них, особенностей, которые выступают в виде элементов определенных систем. Для характеристики какого-либо диалекта, восстановления истории его формирования весьма важными являются данные фонетической системы.

В исследованиях, касающихся вопросов диалектного членения русского языка, находим утверждение, что на территориях позднего заселения (Заволжье, Кубань, Сибирь и др.) «чересполосица» языковых черт не позволяет создать какую-либо их группировку. Картографирование таких говоров может показать только, «в какие места переселялись представители различных диалектных объединений и каких именно»[1].

Однако еще в 1852 г. В. И. Даль в статье «О наречиях русского языка» выделил как особое, сложившееся «из смеси новгородского с владимирским», сибирское наречие. Наряду с общими «приметами» «сибирского наречия» он отметил и такие, которые встречаются только «местами»[2].

Вслед за В. И. Далем в 1875 г. П. А. Ровинский писал, что «особенный говор» в Сибири образовал «целое наречие, которое

---

[1] Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю. О русских народных говорах. М., 1975. С. 31.

[2] Даль В. И. О наречиях русского языка//Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. L, LXVII.

в различных местах носит различный характер, подразделяется на особенные местные говоры»[3].

Интенсивное изучение в последние годы говоров русского населения Сибири позволило сибирским диалектологам выделить как особые диалектные образования русские акающие говоры средней части Обского бассейна[4], «камчатское наречие»[5], окающие говоры прииртышской и приенисейской групп[6], а в составе среднеобского вычленить пять диалектных групп[7], определить в целом тип говора Сибири как старожильческий говор[8].

Наличие в Сибири различных типов и подтипов русских говоров ставится в зависимость от особенностей их формирования: времени сложения, исходной основы и т. д.[9] Допускается возможной классификация типов и подтипов сибирских говоров по характеру исходной основы, в связи с чем возникает необходимость исторического их изучения. Задачи, сформулированные относительно исторического изучения лексической системы сибирских говоров[10], непосредственное отношение имеют и к историческому изучению других их уровней: фонетического, морфологического. Особенно важными из задач представляются такие как: 1) установление диалектного состава первонасельников, 2) реконструкция исходной системы говоров, 3) сопоставление говоров периферии (изучаемых) с так называемыми говорами «метрополии» (материнскими) с учетом не только их современного состояния, но и более раннего периода.

Точное установление районов выхода русских, времени и характера колонизационных потоков, факторов межъязыкового общения в значительной степени обосновывают пути и содержание процессов развития говоров поздней формации и их современное состояние.

Сопоставительный анализ говоров метрополии и периферии дает возможность сделать выводы не только в пределах «малой» диахронии (XVII—XIX вв.), но и значительно большей, например,

---

[3] Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири: IV. Тунка//Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. № 11. С. 232.

[4] См.: Палагина В. В. Изучение сибирских говоров в Томском университете//ВЯ, 1958, № 4; Она же и др. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964. Т. 1.

[5] Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. С. 3—11.

[6] См.: Сенкевич В. А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии. Челябинск, 1975. С. 20.

[7] См.: Русские говоры Среднего Приобья. Томск, 1984. С. 30, 31.

[8] См.: Там же. С. 20.

[9] См.: Палагина В. В. Задачи изучения истории лексики сибирских говоров//Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 3.

[10] См.: Там же. С. 5—6.

определить, какие черты являются продуктом наследства более ранних эпох (праславянской, древнерусской).

Заселение и освоение территории Иркутской области не было одновременным и однонаправленным. Состав населения, формы освоения отдельных районов этого региона в значительной степени определялись направлением путей движения русских на восток. Первоначально (первая половина XVII в.) —это «северный» путь от Енисейска по Ангаре, Илиму и Лене. Затем (середина XVIII в.) — Московский тракт. Характер заселения и освоения Иркутской области позволяет выделить в её составе два типа диалектных образований русских говоров: 1) ангаро-ленские говоры, сложившиеся на территории первоначального освоения Ангаро-Ленского бассейна, сравнительно однородного населения (по местам выхода), без преобладания южно- и среднерусского типа. Это современные говоры Братского (кроме отдельных населенных пунктов в южной его части, ранее входивших в состав Тулунского района), Киренского, Усть-Кутского, Железногорского, Казачинско-Ленского, северной части Усть-Удинского и Жигаловского районов; 2) говоры по Московскому тракту, к ним примыкают говоры южной части Усть-Удинского и Жигаловского, а также говоры Качугского районов, сложившиеся из диалектов пришельцев по «северному» пути и преобладающего состава насельников, пришедших по Московскому тракту из центральных и южных областей России.

В диалектологической литературе указывается, что сибирская диалектология является сравнительно богатой: она представлена монографией А. М. Селищева, кратким, но содержательным очерком П. Я. Черных, трудами Н. А. Цомакион, К. М. Браславца, В. В. Палагиной и др.[11]

Непосредственное отношение к говорам Иркутской области имеют две первые названные работы. Заслугой А. М. Селищева, одного из основоположников сибирской диалектологии, является то, что он использовал новую, по сравнению с другими диалектологами, схему анализа фонетических, грамматических и отчасти лексических особенностей. Указывая районы распространения тех или иных явлений, он стремился выяснить черты, сохранившиеся в Сибири от великорусского наречия, и черты, возникшие в результате взаимодействия различных говоров между собой, с одной стороны, и влияния на них иноязычной среды — с другой. Вместе с тем А. М. Селищевым допускаются неточности в обозначении ареалов некоторых диалектных особенностей, даются

---

[11] См.: Турбин Г. А. Русские говоры Южного Урала: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973. С. 2.

не совсем убедительные выводы обобщающего характера о происхождении отдельных фонетических явлений. Определяя говоры «старожилого» русского населения Сибири как окающие великорусского типа, А. М. Селищев отмечает среди них и акающие, не однородные по своему происхождению. Говоры современных Иркутского, Нижнеудинского, Балаганского районов Иркутской области он относит к говорам, развившим аканье только в Сибири под влиянием соседних акающих говоров[12]. Между тем говоры названных районов относятся к говорам, распространённым по Московскому тракту, где основной контингент засельщиков сложился из выходцев южных и центральных областей России, т. е. представителей акающих говоров. Следовательно, аканье здесь надо считать «занесенным» из европейской части России, а не сложившимся в Сибири под влиянием соседних говоров.

Для разграничения генетически различных фонетических явлений необходимо учитывать целый ряд исторических факторов.

Заселение Ангаро-Ленского бассейна проходило путем последовательного оседания военно-служилых и промысловых отрядов, вселения пашенных крестьян, приселения «гулящих» людей[13]. Главная же роль в этом принадлежала пашенному крестьянству, значение которого определялось задачами экономического развития края. «Промышленные» люди по своему происхождению тоже были крестьянами, которые до Томского и Красноярского уездов доходили через несколько лет после ухода из Европейской России, поселяясь временно в западных уездах. В Сибири они возвращались к знакомому им занятию — пашне. Основной же контингент земледельческого населения Ангаро-Ленского бассейна составили вольные переселенцы[14].

«Значение Илимского воеводства (в состав его входила территория распространения современных ангаро-ленских говоров.— наше) было шире и глубже, чем значение транзитного пути», — пишет В. В. Покшишевский[15]. «Илимская пашня», созданная в первой половине XVII в. по средней Ангаре, на Нижнем Илиме и «Ленском волоке», вскоре становится житницей не только Ангаро-Ленского края, но и поставщиком хлеба для Якутска, а впослед-

---

[12] См.: Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 10.

[13] См.: Бобряков Н. А. Переднеязычные согласные в говорах Киренского района Иркутской области (от Киренска до Чечуйска)//Вопросы истории и стилистики русского языка: Учен. зап./Иркутск. гос. пед. ин-т. Иркутск, 1966. С. 80.

[14] См.: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956. С. 173.

[15] Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 67.

ствии основной базой снабжения экспедиций Беринга, Дмитрия и Харитона Лаптевых [16].

Число дворов пашенных крестьян Илимского воеводства выросло с 1652 по 1699 г. со 136 до 670 [17]. В течение XVIII в. образуются земледельческие поселения у впадения в Лену ее притоков (Витима, Пеледуя, Олёкмы) [18]. Илимские землепашцы в первой четверти XVIII в. дали переселенцев «за Байкал море», в Даурскую землю, а несколько позднее — в Якутск, Охотск и на Камчатку для создания там местного земледелия [19].

Пашенные крестьяне являлись в основном носителями говоров северных областей России: Новгородской, Архангельской, Вологодской. Именно Север — старая область новгородской колонизации — задавал тон движения, определил его «хозяйственный стиль» [20].

На место выхода пашенных крестьян из северных областей европейской части России указывают названия некоторых деревень и фамилии, отмеченные в архивных материалах Илимской воеводской канцелярии первой половины XVIII в. Так, в книге подушных сборов (1732 г.) по Криволуцкой слободе (Усть-Кутская волость) значится д. Вологдина и проживающие в ней пашенные крестьяне Кирило Вологжанин 50 лет с детьми, «у него на подворье Степан Пежемской», Иван Вологжанин и др.[21] В сборнике дел и указов называется «Новгородская правинцыя»[22]. Показательными в этом отношении являются и фамилии пашенных крестьян. Можно выделить несколько их групп севернорусского происхождения:

1) образование от названий мест первоначального выхода переселенцев: Вычегжанин, Пинигин, Лалетин, Унжаков, Устюжанин, Новгородов, Вологжанин и др.;

2) от прозвищ или собственных имён дохристианской эпохи: Распутин от Распута (арх., волог.); Шадрин от шадра «рябой» (арх., волог.); Кокорин от кокора «бревно» (сев.); Часовитин от чесовка «клубочек ниток» (новг.) и глагола ВИТЬ; Шумилов от собств. имени Шумило, Шумилка, распространённого в прошлом в Архангельской и Вологодской губерниях [23];

---

[16] См.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 5; ЦГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 279, л. 13.

[17] См.: Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 67.

[18] См.: Шунков В. И. Указ. соч. С. 161.

[19] См.: Шерстобоев В. Н. Указ. соч. С. 5.

[20] Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 51.

[21] ЦГАДА, ф. 494/1 ч., оп. 1, д. 111, л. 108.

[22] ЦГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 50, л. 157.

[23] См.: Тупиков Н. М. Заметки к истории древнерусских личных собственных имен. СПб., 1892, 1—8. С. 3.

3) от христианских имен, закреплённых за крестьянскими детьми в северных областях: Филипповы;

4) от названий мест первой колонизации: Зыряновы от зыряне (устар. название коми); Сысолетин (в словаре В. А. Никонова — Сысолятин) от Сысола (название реки в Коми АССР), Кайгородцевы от Кайгород (Пермской губ.), Верхотуровы от Верхотурье (Зауралье) и др.

Состав пришельцев в Ангаро-Ленский бассейн из южных и среднерусских областей России был незначительным. Это прежде всего служилые люди: писцы, управители острогов, цирюльники, казаки, о чем свидетельствуют архивные документы Илимской воеводской канцелярии и приказных изб Братского, Киренского, Усть-Кутского и других острогов. Там встречаются фамилии: Черкашенин (укр.), Оглоблин от оглобля (тверск.), Бутаков от бутеть «толстеть» (пск.), Сташнеев, видимо, от стошник «оборчатый сарафан» (тверск.). Крестьянских же фамилий южно- и среднерусского происхождения очень мало. Они встретились в переписи по Шаманскому погосту: Черемной от черемый (тверск. 'смуглый'), Тернин (от терн. южн., вид колючего дерева), Троицкий; по Братскому острогу — Псковитины.

Основная масса русского населения — это выходцы с Севера России[24]. Следовательно, ангаро-ленские говоры сложились на севернорусской основе, что подтверждает состав диалектной лексики, исследованной в говорах Нижнеилимского района, Иркутской области[25]. Таким образом, в сложении ангаро-ленских говоров принимали участие материнские говоры различных групп севернорусского наречия: новгородской, архангельской, олонецкой, вологодско-вятской. Диалектные особенности, которые являются в современных этих говорах как соответственные явления (различительные признаки), в прошлом были менее выраженными, т. е. выступали на уровне звуковых вариантов макросистемы, включавшей в себя частные системы. Очевидно, это связано с тем, что названные группы говоров «метрополии» складывались в основном на базе новгородских.

Просмотренные материалы исследований А. А. Шахматова о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. и двинских грамот

---

[24] См.: Буцинский П. Н. Заселение Сибири: Быт первых насельников. Харьков, 1889. С. 17.

[25] См.: Брызгалова Е. Я. Сельскохозяйственная лексика старожильческого русского населения Нижнеилимского района Иркутской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972; Моисеева В. А. Предметно-бытовая лексика говора русского старожильческого населения Нижнеилимского района Иркутской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1972.

XV в.[26], Холмогорской и Устюжской епархий 1500—1699 гг.[27], кандидатских диссертаций[28], а также данные работы Ф. П. Филина[29] позволяют отнести к общим чертам говоров ранней новгородской колонизации, на основе которых сформировались ангаро-ленские говоры, смешение Ч и Ц, отсутствие редукции гласных О и А в безударных слогах, наличие О с усиленной лабиализацией, совпадающего в отдельных случаях с У; О в именах собственных в начале слова (Омеля, Обросим, Олексей, Офонасий и т. д.), элементов аканья, смешение мягких свистящих и шипящих и др. Ареалы совпадения А и Е после мягких согласных были более обширными, чем в настоящее время. Данное явление широко представлено в современных говорах поморской и вологодской групп, но отсутствует в олонецкой и новгородской группах[30]. Однако в прошлом переход А в Е после мягких согласных характеризовал и говоры новгородской группы[31].

Фонетическая система ангаро-ленских говоров начала XVIII в., представленная в архивных материалах Илимской воеводской канцелярии, отражает все данные явления, т. е. она была близкой звуковой системе материнских говоров.

Количественное выражение тех или иных названных особенностей в архивных документах незначительно и представлено, как правило, в текстах челобитных, судных дел, в списках или отписках, составленных по расспросам русских «старожилов», где писец, если он и был носителем инодиалекта или строго придерживался правил орфографии, не мог избежать «давления» со стороны живой речи. Однако некоторые и незначительные в количественном отношении факты позволяют определить пути дальнейшего развития тех свойств гласных и согласных, которые были получены ими в более раннюю эпоху (древнерусскую). Напр., замена свистящего С шипящим Ш в словах ШЛОН, ШЛЕПЕНЬ

---

[26] См.: Шахматов А. А. Исследования о языке новгородских грамот XIII—XIV вв.//Исследования по русскому языку. СПб., Т. 1; Он же. Исследования о двинских грамотах XV в.//Исследования по русскому языку. СПб., 1903. Т. 2. Вып. 3.

[27] См.: Акты Холмогорской и Устюжской епархий//Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Ч. 1, 1500—1699 гг. СПб., 1890.

[28] См.: Колесов В. В. К исторической фонетике новгородских говоров: (О закрытое, «новый» ЯТЬ и цоканье в новгородских рукописях XI—XVI вв.). Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961. С. 350—370; Копосов Л. Ф. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным местной деловой письменности (фонетика и морфология): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. С. 61—71.

[29] См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 121—122, 267—269.

[30] См.: Русская диалектология. М., 1972. С. 39—42.

[31] См.: Филин Ф. П. Указ. соч. С. 206—207.

уже свидетельствует о переходе чередований С'—Ш', З'—Ж' (обусловленных позицией перед гласными переднего ряда) в фонологические изменения синтагматического уровня — уровня распределения фонем в синтагматической цели. Завершение того или иного процесса, очевидно, может быть полным и неполным, оставаться на уровне факультативных единиц, поскольку может иметь место одновременное «наложение» или противодействие других процессов, например, развитие лабиовеляризации согласных, характерное для сибирских говоров[32], влияние норм литературного языка и др.

Русское старожильческое население Ангаро-Ленского бассейна на территории Иркутской области устойчиво. Говоры этого региона, развиваясь в условиях обособленной от первоначального лингвистического источника жизни на протяжении 250—300 лет, получили новые черты как в системе вокализма (главным образом, безударного), так и в системе консонантизма. По основным своим фонетическим характеристикам они могут быть определены как старожильческие говоры Сибири, обладающие и теми особенностями, которые составляют общесибирский языковой комплекс[33]. Черты, отличающие их от говоров «метрополии», являют собой в большей степени результат спонтанного развития звукового наследства более ранних эпох: праславянской, древнерусской (напр., аканье, шепелявенье, лабиовеляризация согласных и т. д.) или влияния со стороны литературного языка, напр., в отдельных частных системах распространение отношений З—З', С—С', шипящих Ж—Ш, коррелятивных рядов губно-зубных спирантов и т. п. Иноязычное влияние вряд ли могло иметь определяющее значение. Если оно и проявлялось по отношению к отдельным частным системам, то, очевидно, только в поддерживающем плане.

С приходом русских в Среднее Приангарье (Братский район) буряты отошли в Балаганские и Приокские долины, а эвенки — на север[34]. На территориях современных Нижнеилимского, Киренского, Усть-Кутского, Казачинско-Ленского районов к приходу русских и значительно позже кочевали эвенки. Численность эвенкийского населения в Иркутской губернии была невелика[35]. Все населённые пункты на указанной территории были основаны рус-

---

[32] См.: Власенко М. М. Лабиовелярные согласные в говорах Восточной Сибири//Тр. кафедры русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 190—194.

[33] Русские говоры Среднего Приобья. С. 20.

[34] См.: Шерстобоев В. Н. Указ. соч. С. 206.

[35] См.: Серебренников И. И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия. Иркутск, 1913. С. 29—35.

скими, хотя отдельные из них и носят названия рек и являются заимствованными из языков аборигенов, например, Улькан, Таюра, Киренск (от Киренга) и т. д.

Пути и содержание отдельных процессов были рассмотрены нами в ранее опубликованных статьях[36].

---

[36] См.: Сергеева Т. В. К истории звука О в ангаро-ленских говорах Иркутской области//Ангаро-ленские говоры: Сб. науч. работ. Иркутск, 1973. Вып. 2; Она же. К истории аканья в ангаро-ленских говорах Иркутской области//Вопросы фонетики и фонологии. — Иркутск, 1977; Она же. О некоторых фонетических заменах в системе согласных ангаро-ленских говоров//Проблемы фонетики и фонологии. Иркутск, 1978.

Н. И. РЯБИНИНА

ВОКАЛИЗМ УДАРНОГО СЛОГА В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Одной из важнейших задач современной диалектологии является исследование говоров на территориях позднего заселения [1], к числу которых относятся и говоры Хабаровского края.

Известно, что говоры территорий позднего заселения формировались в условиях широкого междиалектного, а нередко и межъязыкового контактирования. Эти факторы вызывали изменения в диалектных системах на любых уровнях. Вопросы взаимодействия говоров с различными языковыми системами представляют научный интерес как для диалектологии, так и для теории языкознания в целом (теория языковых контактов, вопросы интеграции и дифференциации языковых систем, языковой интерференции, соотношение интра- и экстралингвистических факторов в развитии языка, проблема вариантности языковых единиц и т. д.).

Интенсивность языковой эволюции в говорах территорий позднего заселения Л. И. Баранникова связывает с новой ситуацией их существовования — отсутствием целостных диалектных массивов, что порождает расшатанность, открытость, коммуникативную недостаточность диалектных систем и приводит к необходимости использования элементов других систем в разных ситуациях повседневного общения [2].

Междиалектное контактирование в говорах территорий позднего заселения осложняется активным воздействием литератур-

---

[1] См.: Бромлей С. В., Пшеничнова Н. Н. Совещание по изучению русских говоров территорий позднего заселения (Саратов, 14—16 марта 1974 г.)// ВЯ, 1975, № 1. С. 153—155; Пшеничнова Н. Н. Актуальные проблемы русской диалектологии//Совещание по вопросам диалектологии и истории языка: (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18—20 сентября 1984 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. Т. 1. С. 92—94.

[2] См.: Баранникова Л. И. Эволюционные процессы в лексических системах говоров территорий позднего заселения//Актуальные проблемы русского языка. Тезисы докладов и сообщений (Вологда 24—26 мая 1983 г.). Вологда, 1983. С. 82—83.

ного языка, многие особенности которого «в конечном счете становятся органическими элементами локально-диалектных систем»[3]. Таким образом, сложность проблемы языковых контактов на территориях позднего заселения связана с большим диапазоном взаимодействия — разных диалектных систем, системы литературного языка с диалектными, систем русских диалектов с системами других языков, в результате чего создается особый языковой континуум, отдельные элементы которого подвергаются глубокой трансформации. Сложный характер взаимодействия языковых систем порождает сложный характер разрушения диалектной системы и, по наблюдению Л. И. Баранниковой, происходит «как переход к общерусской системе, так и образование новых переходных диалектных систем, отличных как от старой исходной системы, так и от воздействующей диалектной или общенародной системы»[4]. Указанные экстралингвистические факторы являются дополнительным импульсом для внутридиалектных изменений, обусловленных закономерностями имманентного развития самого говора.

Исследование системных трансформаций, происходящих в говорах территорий позднего заселения, интересно проследить на материале такого неоднородного в языковом отношении региона, каким является Дальний Восток.

Русские говоры Дальнего Востока мало исследованы, хотя привлекают внимание ученых лингвистов в течение многих десятилетий. Между тем, благодаря специфике территориального положения края и исторических судеб переселенцев они представляют исключительно благоприятные возможности для изучения проблем междиалектного контактирования. По этому поводу К. М. Браславец совершенно справедливо заметил, что Дальний Восток — своеобразная лингвистическая лаборатория, не менее интересная, чем Сибирь[5].

Своеобразие говоров Дальнего Востока заключается в том, что на одной территории в силу исторических условий оказались носители различных русских говоров — севернорусских, южнорусских и среднерусских. Диалектный ландшафт края отличается исключительной пестротой по сравнению с территорией европейской части России и Сибири. «Трудно отыскать такой район,— пишет

---

[3] Филин Ф. П. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка//Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 26.

[4] Баранникова Л. И. Закономерности развития диалектов в эпоху существования наций: (на материале русского языка)//Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 62.

[5] См.: Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки (фонетика и формы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. С. 5.

А. П. Георгиевский,— в котором на значительном протяжении и в большом числе населенных пунктов можно было бы встретить тип одного цельного говора. Везде комбинированные, смешанные говоры, и если можно говорить о каких-либо господствующих, то только, как господствующих сравнительно» [6].

Современное языковое состояние края отражает сложный процесс преобразования говоров предшествующего периода. Оно детерминировано историко-социальным процессом. сопровождавшим образование старожилого населения региона. Географическое положение, исторические условия, в которых протекало освоение края, обусловили своеобразие его заселения. Исследователи отмечают, что заселение Дальнего Востока русскими шло разнообразными путями: 1) переводом забайкальских казаков и солдат линейных батальонов; 2) добровольным переселением крестьян: 3) движением представителей различных религиозных обществ — старообрядцев, духоборов и молокан; 4) ссылкой бывших политических заключенных.

Эти группы совместно осваивали необжитые земли Приамурья, ибо в силу экономических, политических и многих других факторов социальной жизни они должны были тесно общаться друг с другом. Некоторым ислючением были старообрядцы, которые из-за религиозной замкнутости держались обособленно и старались селиться в отдельных районах Дальнего Востока.

Предметом настоящего исследования является диалект старообрядцев Хабаровского края. Специфика старообрядческого говора определяется особенностями его возникновения и формирования, а также условиями функционирования. Анализ исторических и социальных предпосылок, в которых возникала общность диалекта, позволяет сделать следующие выводы:

1. Первичный диалектный состав старообрядческого населения на территории Дальнего Востока был неоднородным: его основу составили выходцы из Забайкалья, из бывших Енисейской, Томской, Тобольской, Пермской, Вятской, Самарской губерний, а также из европейских государств — Румынии, Австрии, Турции. А. М. Селищев указывает на общее присхождение старообрядцев Забайкалья, Дона и Румынии. Раньше они находились в областях, расположенных к югу от Москвы, в пределах Тульской, Орловской, южной части Рязанской губернии и входили в состав одной диалектной группы — южнорусской [7]. По данным современных исследователей, старообрядцы — выходцы из Австрии и Румы-

---

[6] Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке: Русские говоры Приморья. Владивосток, 1928. Вып. 3. С. 15.

[7] См.: Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. С. 68.

нии, а также забайкальские «семейские» первоначально проживали в Стародубе и Ветке[8]. Переселенцы из Томской губернии, по свидетельству Е. Н. Стрепковой, первоначально также проживали в Ветке. Материнскими говорами для них явились говоры бывшей Курской губернии — южнорусские в своей основе[9]. Переселенцы-старообрядцы северной части рек Большой и Малый Иргиз (б. Самарская губерния), по данным современных диалектологов,— выходцы из-под Москвы[10].

2. Совместное проживание старообрядцев, переселившихся в разное время из разных мест России и европейских государств, общность социально-экономических условий, вероисповедания способствовали нивелировке их говоров и формированию особой диалектной системы. В конце 20-х гг., создавая классификацию говоров Дальнего Востока, А. П. Георгиевский выдвинул гипотезу о том, что в результате активного взаимодействия различных говоров в этом регионе может сформироваться «новый языковой организм»[11]. Его наблюдения и выводы подкрепляются исследованиями В. В. Палагиной, изучающей говоры вторичного образования Томской области[12].

В настоящее время на территории Хабаровского края старообрядцы проживают в поселках Березовый, Дуки, Тавлинка — Солнечного района; д. Бичевая — района им. С. Лазо; Лесопильное — Бикинского района, Бирокан, Новый, Теплые Ключи — Облученского района.

Задача данной статьи — проанализировать специфику ударного вокализма фонетико-фонологической системы говора старообрядцев Хабаровского края. В соответствии с поставленной задачей устанавливается инвентарь гласных фонем, выявляется объем их употребления, определяется соотношение между отдельными фонемами и их вариантами. В решении поставленной задачи мы опираемся на положение К. В. Горшковой о том, что «понимание диалекта как разновидности национального языка, требует установления не только различительных признаков диалектов, но и

---

[8] См.: Калашников П. Ф. Фонетические особенности говоров «семейских» Забайкалья//Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-т. М., 1966. Т. 163. Вып. 12. Сер. Русск. яз. С. 315.

[9] См.: Стрепкова Е. Н. Переселенческий южнорусский говор Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области в севернорусском окружении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. С. 3, 15.

[10] Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов, 1967. С. 64.

[11] Георгиевский А. П. Указ. соч. С. 87.

[12] См.: Палагина В. В. Томский говор в его отношении к говорам европейской части Союза//Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1973. Вып. 3. С. 20—24.

общих черт, которые позволяют говорить о совокупности русских территориальных диалектов не как о простой сумме их, а как о структурном целом» [13].

Основным материалом для наблюдения и анализа интересующего нас языкового фрагмента послужили магнитофонные записи спонтанной речи представителей различных социально-возрастных групп, сделанные автором настоящей статьи во время диалектологических экспедиций в 1975—1980 гг. в перечисленные выше села Хабаровского края. Кроме того, для сопоставления полученных результатов с данными диалектов исходного ареала используются фонограммы записей русских говоров, хранящиеся в фонотеке Лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР и привлекаются публикации исследователей-диалектологов. Сопоставительное описание позволит выявить консервативные признаки говора и установить те или иные инновации.

Говор старообрядцев Хабаровского края имеет пятифонемную систему гласных: <и>, <у>, <е>, <о>, <а>; отсутствуют закрытые фонемы <ê>, <ô>. По своим дифференциальным признакам гласные фонемы исследуемого говора не отличаются от соответствующих фонем литературного языка. Их дифференциальными признаками являются степень подъема языка и лабиализация — отсутствие лабиализации. Признак ряда гласных фонем мотивирован синтагматической ситуацией: наличием или отсутствием согласных перед ними или после них и качеством консонантного окружения (в отношении их твердости — мягкости). Поэтому он не является конститутивным признаком.

В описываемом говоре различается такое же количество сильных позиций гласных фонем, как и в основной системе русского языка. Гласные фонемы говора выступают в сильной позиции, т. е. в позиции максимальной дифференциации.

Под ударением в абсолютном начале слова перед твердой согласной АТ[14]: <и> и́збы, и́гры, и́хн’и, и́ндъ, им, и́скры

<у> у́тръм, у́лкъ, у́лы, у́жъс, у́гл’и, у́ръс’ит

<е> э́дък, э́нтъ, э́ту, э́дъкъ, э́кън’, э́ксъ (топонимы)

<о> о́буф’, о́мут, о́труп, о́блък, о́пух, о́шкур

<а> а́вгуст, а́лъшный[15], а́ркъ, а́др’ьс, а́рм’ийъ.

---

[13] Горшкова К. В. О типе монографического описания диалекта в связи с проблемой структуры национального языка как целого//Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 72.

[14] Буква А — символ любой гласной фонемы; буква Т — символ любой твердой согласной фонемы.

[15] Буквой й обозначается «и неслоговое» и звук «йот».

При анализе современного состояния говора целесообразно обращать внимание на структурные элементы его системы: первичные и вторичные признаки, центральные и периферийные явления [16].

Диалектные особенности гласных фонем под ударением обнаруживаются в исследуемом говоре в виде различных по происхождению лексико-фонетических признаков. Известно, что на современном этапе развития диалектов все более очевидной становится лексикализация фонетических процессов. По наблюдению О. Д. Кузнецовой, это явление не отличается регулярностью, ибо оно не всегда и не строго связано с определенной позицией, представлено незначительным, по существу, замкнутым кругом слов. Результаты лексикализации, зафиксированные в отдельных словах, становятся неотъемлемым признаком их фонематического состава [17].

Так, к числу лексикализованных случаев амурского старообрядческого говора относится спорадическое употребление протетического согласного [в] перед ударными лабиализованными гласными фонемами <у>, <о> в положении абсолютного начала слова: во́л'ъ, ву́л'ицъ, во́блъс'т', во́кны, во́с'ьн'. Следовательно, в диалекте гласные фонемы <у> и <о> в данной позиции встречаются реже, чем в литературном языке. В частности, такое произношение нетипично для переходного и нового слоев говора. Все это свидетельствует о перемещении протетического [в] в абсолютном начале слова на периферию системы говора. Лексикализация названного фонетического признака в различных вариантах зафиксирована в говорах старообрядцев, проживающих на территории Молдавии, Украины, Казахстана [18].

Что же касается реализации фонемы <е> в позиции начала слова, то архаической ее особенностью является спорадическое употребление протетического «йот»: йэтых, йэ́тът, йэ́тъму. Однако в речи носителей говора старшего поколения зафиксированы лексемы, лишенные протезы: э́ту, э́тъ, э́тът. Вероятно, в говоре закрепляется орфоэпическая норма современного русского литературного языка.

---

[16] См.: Колесов В. В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков//ВЯ, 1971, № 4. С. 53.

[17] См.: Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка: (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985. С. 5—6.

[18] См.: Агульникова З. Я. Система гласных и согласных фонем в русском говоре на территории Молдавской ССР//Русские народные говоры. М., 1964. С. 138; Брицын М. А. Некоторые особенности фонетической системы русских говоров на Подолье//Науч. зап./Харьковск. гос. пед. ин-т. Харьков, 1958. Т. 24. Лингв. сер. С. 135; Стрепкова Е. Н. Указ. соч. С. 5.

Для гласных фонем верхнего и среднего подъемов, лабиализованных <у>, <о> и гласной нижнего подъема <а>, позицией максимальной дифференциации является положение под ударением между твердыми согласными (ТАТ) и в абсолютном конце слова после твердой согласной (ТА).

<у> слух, лук, суш, бу́хту, гарбу́н, пару́хъ
<о> двор, сноп, сусло́н, уто́п, ло́ткъ, го́лб'ьц

ТАТ:

<а> страх, квас, взамуш, бра́ткъ, хма́ръ, ба́скъ.

ТА:

<у> мну, нужду́, залу́, в лапту́
<о> рацтво́, дно, давно́, зло, в'исло́
<а> марква́, угла́, кума́, батва́, изба́.

Для гласных фонем переднего ряда, среднего подъема <е> и верхнего подъема <и> позицией минимальной обусловленности является положение под ударением после мягких согласных перед твердыми (Т'АТ[19]) и в абсолютном конце слова (Т'А).

<и> л'ист, гр'и́въ, з'и́му, в'и́цы, з'и́мус', йи́с'т, сматр'и́лъ

Т'АТ:

<е> л'ес, в'ек, в'е́ръ, с'е́рцъ, гр'е́буйу, ав'е́ц, п'ест
<и> кул'и́, ступн'и́, п'ект'и́, тр'и, врачи́[20]

Т'А:

<е> в ызб'е́, фс'е, т'иб'е́, в дупл'е́, гд'е, мн'е

В архаическом слое говора старообрядческого населения отмечается факультативное употребление в отдельных лексемах фонемы <и> на месте древней фонемы верхне-среднего подъема, в памятниках обозначавшейся буквой «ять»: фс'и, сматр'илъ, йис'т'и, с'ив'ъркъ. Данная особенность диалекта имеет значительную протяженность во времени. Она зафиксирована в архивном документе начала XX в., выявленном нами в ЦГИА СССР Ленинграда[21]. В архаическом слое материнских говоров Урала эта черта представлена как фонетическая, обусловившая чередование перекрещивающегося типа[22].

---

[19] Точка справа или слева вверху от буквы или две точки (справа и слева) над буквой обозначают передвижку артикуляции вперед вначале, в конце или на протяжении всей длительности звучания.

[20] Фонема<ч>в исследуемом говоре мягкая, поэтому ее ДП «мягкость» в транскрипции не обозначается.

[21] Прошение румынских старообрядцев: «желали бы поселиться на етой земли; чтобы к весни нам посеять хлебца» (ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 4, д. 1260, л. 12).

[22] ЛЭФ ИРЯ АН СССР фонограммы № 492, 294; Борисова А. Н. Исследование говора Лысьвенского района Пермской области (фонетико-морфологический очерк): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 32.

В именах собственных в позиции после парных мягких согласных перед фонемой «йот» спорадически отмечаются словоформы типа: астаф'е́й, йевдак'е́йъ, анъстас'е́йъ, агап'е́йъ, с рас'е́йи. В данном случае можно говорить о реликте архаического типа произношения, свойственном не только дальневосточному диалекту старообрядцев, но и говорам других территорий нашей страны[23]. Корни этого явления уводят нас в далекое прошлое, во времена формирования древнерусского языка, в котором существовало два типа имен собственных, оканчивающихся на -ии[24] и -Ѣи[25]. Реликтовая форма исследуемого диалекта связана, вероятно, с древнерусской формой имен собственных на Ѣи. К числу лексикализованных случаев в диалекте относится спорадическая гласная <е> после твердых и мягких согласных в наречиях места: атс'е́л', атке́л', атс'е́дъ, ат'е́л'.

В зависимости от твердости—мягкости окружающих согласных сильные гласные фонемы говора изменяются по ряду. Так, фонема <и> после парных твердых согласных, твердых шипящих и Ц реализуется в дистрибутивном варианте Ы: сыт, ры́бы, лы́къ, канцы́, вы́шкъ. Фонема <е> после твердых шипящих перед твердыми согласными и на конце слова реализуется в звуке более заднего образования: ш:эпкъ, жэ́рд'и, цэ́фку, цэ́рквъ, нъ нажэ́. После парных твердых согласных гласные фонемы непереднего ряда <у>, <о>, <а> в позиции под ударением перед мягкими согласными испытывают позиционное изменение по ряду: продвижение артикуляции в переднюю зону образования в конечной фазе длительности.

ТАТ':

<у> ку·л', фсу́·з'ъл', врушну́·йу, вну́·чк'и

<о> сло·й, сно́·х'и, наскро́·с', пло́·т'им, со́·д'ут

<а> ма·т, сва́·р'ит, ста́·йкъ, ма·р', ба́·йнъ.

Отмеченные в диалекте словоформы пло́т'им. до́р'ут, ко́т'им относятся к числу лексикализованных явлений системы. Исследователями установлено, что на почве неразличения в первом предударном слоге гласных фонем <о>, <а> после твердых согласных в акающих говорах происходит перенос ударения с суффикса на корень в личных глагольных формах: сад'и́т'—со́д'ут,

---

[23] Любимова О. А. Некоторые сведения об ударенном вокализме старожильческих говоров Алтая//Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983. С. 89. Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986. С. 20.

[24] См.: Васильев Л. П. К истории звука Ѣ в московском говоре в XVI—XVII вв.//Изв. ОРЯС АН. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 223.

[25] Знаком Ѣ обозначается буква «ять».

кат'и́т'—ко́т'им, дар'и́т'—до́р'ут[26]. Такая диалектная особенность свойственна ударному вокализму южнорусских и среднерусских говоров[27].

После мягких согласных перед твердыми согласными и на конце слова после мягких согласных указанные гласные фонемы испытывают передвижение в переднюю зону образования в начальной стадии своей длительности'

<у> д'·у́жъ, бр'·у́квъ, кл'·у́нул, л'·у́днъ, н'·у́хъл
Т'АТ: <о> т'·ос, л'·он, гн'·от, л'о́глый, в'·о́ткъ, дв'·о́ркъ
<а> м'·а́лк'и, в'·а́цк'и, с'·ал, р'·а́сны, л'ипн'·а́к

<у> мал'·у́, вар'·у́, фс'·у, рубл'·у́, кут'й·у́
Т'А: <о> с'ин'о́, кънапл'·о́, фс'·о, ул'й·о́, з'имав'й·о́
<а> пыр'й·а́, пал'·а́, рубл'·а́, дн'·а, квашн'·а́

По сравнению с литературной нормой произношения в говоре с достаточной очевидностью обнаруживается расширение функционального спектра гласной фонемы <о> в позиции после парных мягких и шипящих согласных не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными: в'о́ткъ, п'о́рст, д'о́ржым, кл'ош: (клещ), хр'о́с'т'ик, чо́шым, к'ишо́чн'ик, шо́пчит. В корне слова «держать» гласная фонема <о> может употребляться и после твердой согласной: до́ржым, до́ржыт. С. В. Бромлей объясняет этот факт историческим чередованием редуцированных гласных ь и ъ[28]. На уровне идиолекта в говоре отмечаются лексикализованные случаи отсутствия перехода Е в О в словах, где в прошлом был «ять»: зв'е́зды, гн'е́зды, в'е́дръ. Гласная фонема <е> сохраняется перед мягкой и твердой согласной фонемой <р> в сочетании с заднеязычными и губными согласными в корневых морфемах, восходящих к исконным сочетаниям типа *tьrt: сп'е́рвъ, п'е́рвый, в'е́рбъ, с'ерп, че́рпът', з'е́р'кълъ, в'ер'х, читв'е́р'к. Гласная фонема <а> в позиции после мягкой и перед твердой согласной спорадически появляется в глагольных формах с корнем -сед-: с'ал, с'а́лъ, пр'ис'а́л, патс'а́лс'ъ. Кроме диалекта амурских старообрядцев подобное явление встречается в севернорусских и среднерусских говорах и по-разному объясняется исследователями. По нашему мнению, можно согласиться с утверждением Г. А. Касвина о том, что это связано с действием аналогии произ-

---

[26] См.: Бромлей С. В. Наблюдение над ударяемыми гласными при собирании материала по «Программе»//Бюл. диалектол. сектора Ин-та русского языка. М.; Л., 1949. Вып. 5. С. 48.

[27] См.: Русская диалектология. М., 1964. С. 240.

[28] См.: Бромлей С. В. Указ. соч. С. 26.

ношения, с тенденцией к выравниванию форм прошедшего и настоящего времени[29].

В позиции между мягкими согласными сильные гласные фонемы <у>, <о>, <а> реализуются в вариациях: [·у:], [·о·]; [·а·], т. е. происходит продвижение гласного звука в переднюю зону образования на всем протяжении артикуляции.

Т'АТ'

<у> л'· у́ ·д'и, кл' ·у· ч, л'·у́ ·л'къ, л' ·у́ ·б'им, мал' ·у́ ·с',

<о> т' ·о́ ·т'ъ, т' ·о́ ·ш:'ъ, май ·о́ ·й, твай ·о́ ·й, з'амл'·о́ ·й

<а> з'·а ·т', м' ·а̂ ·л'и, пр' ·а́ ·с'т', пыр' ·а́ ·т', н' ·а́ ·н'ъ

К числу лексикализованных явлений относится произношение Е в слове оп'е́т'. По мнению С. В. Бромлей, такое произношение объясняется различными причинами, в том числе междиалектным контактированием с говорами, знающими эту черту как фонетическую[30].

На основании рассмотренных выше явлений ударного вокализма в диалекте старообрядцев Хабаровского края можно сделать следующие выводы:

1. Парадигматическая и синтагматическая характеристики свидетельствуют о единстве системы ударного вокализма говора с ударным вокализмом литературного языка. Сильные гласные фонемы реализуются в вариациях, образующих параллельные ряды чередований во главе с доминантой фонемы[31]: у// · у//у · у · ; о//·о//о·//·о.; а//·а//а·//·а·

2. Диалектные особенности обнаруживаются в отдельных звеньях структуры говора в виде различных по происхождению лексико-фонетических признаков.

3. Сопоставительный анализ диалекта с современными материнскими говорами показывает, что в произношении его носителей сохраняются первичные (реликтовые) черты, а под влиянием литературного языка и имманентного развития самой системы говора появляются черты новые, вторичные. Первичные и вторичные элементы системы проявляются на уровне идиолекта.

---

[29] См.: Касвин Г. А. О некоторых особенностях в образовании глаголов «сесть» и «лечь» в русских говорах//Бюл. диалектол. сектора Ин-та русского языка. М.; Л., 1949. Вып. 6. С. 25.

[30] См.: Бромлей С. В. Указ. соч. С. 46.

[31] Определение доминанты фонемы. См.: Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная фонетика как источник для истории русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 6.

СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Кемеровская область

Кемеровский р-н (Кем.)

Елык. — Елыкаево
Жур. — Журавли
Ягун. — Ягуново

Крапивинский р-н (Крап.)

Арс. — Арсеново
Бор. — Борисово
Кам. — Каменка
Крап. — Крапивино
Салт. — Салтымаково
Тарад. — Тараданово

Мариинский р-н (Мар.)

Кол. — Колеул
Подъел. — Подъельник

Юргинский р-н (Юрг.)

Вар. — Варюхино
Н.-Р. — Ново-Романово

Яшкинский р-н (Яшк.)

Полом. — Поломошное

Томская область

Асиновский р-н (Ас.)

Б.-Д. — Больше-Дорохово

Верхнекетский р-н (В.-Кет.)

Ат. — Атяево
Б. Яр — Белый Яр
М. Яр — Максимкин Яр
Мох. — Мохово
Пал. — Палочка
Юд. — Юдино

Зырянский р-н (Зыр.)

Зыр. — Зырянское

Черд. — Чердаты

Каргасокский р-н

Кинд. — Киндал

Ст. Карг. — Старый Каргасок

Кожевниковский р-н (Кож.)

Кож. — Кожевниково

Колпашевский р-н (Колп.)

Инк. — Инкино

Колп. — Колпашево

Сар. — Саровка

Тип. — Типсино

Кривошеинский р-н (Крив.)

Елиз. — Елизарово

Крив. — Кривошеино

Молчановский р-н (Мол.)

Мол. — Молчаново

У.-Чул. — Усть-Чулым

Парабельский р-н (Пар.)

Н.-С. — Новосельцево

Пар. — Парабель

Томский р-н (Том.)

Акс. — Аксеново

Верш. — Вершинино

Кафт. — Кафтанчиково

Н. Ишт. — Нагорный Иштан

Яр. — Ярское

Шегарский р-н (Шег.)

Гынг. — Гынгазово

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ

Редактор *В. А. Малаховская*

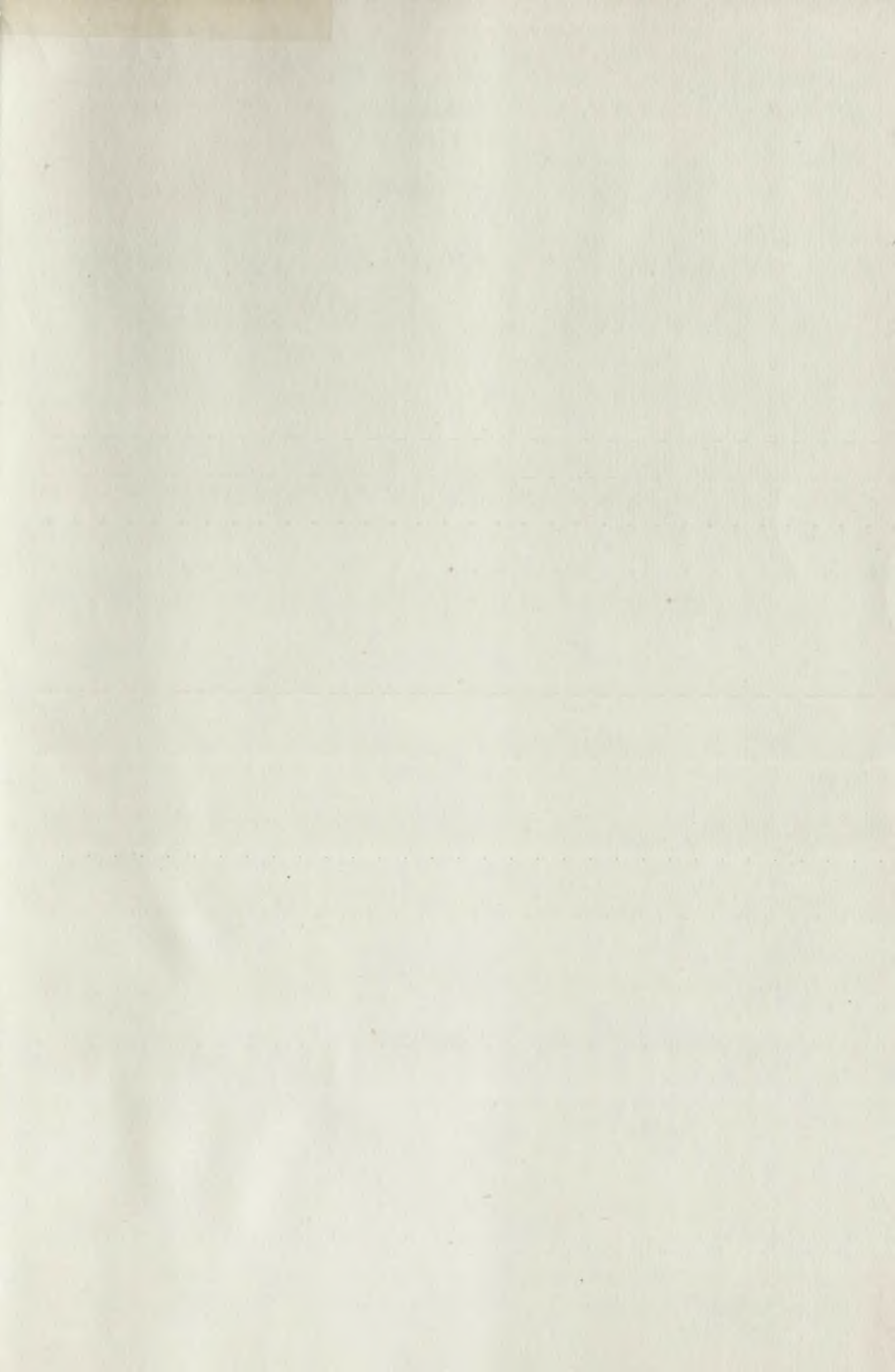
Технический редактор *Г. Н. Гридина*

Корректор *Г. П. Орлова*

ИБ 2033

Сдано в набор 15.10.87 г. Подписано в печать 16.10.90 г.
Формат $60\times84^1/_{16}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная.
Печать высокая. Печ. л. 13,75. Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 10,11.
Тираж 500 экз. Заказ 6712. Цена 1 р. 90 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя», 634050, ГСП, Томск, пр. Фрунзе, 103.



1 р. 90 к.

1-748419

Томский государственный университет

Научная библиотека 00229632